

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОБЩЕСТВО ВОСТОКОВЕДОВ

**БЮЛЛЕТЕНЬ
(NEWSLETTER)**

7

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОБЩЕСТВО ВОСТОКОВЕДОВ**

**БЮЛЛЕТЕНЬ
(NEWSLETTER)**

7

Материалы конференции

**"Традиция гуманитарно-естественного
восточного краеведения в России**

(к столетию Русского Императорского Общества востоковедов)"

Санкт-Петербург 15-17 марта 2000 г.

**Москва
ИВ РАН
2002**

ББК 78.37
Б98

Редакционная коллегия: Л.Б. Алаев, Д.Д. Васильев, Е.И. Кычанов
Р.Б. Рыбаков (председатель),
И.М. Стеблин-Каменский,
А.А. Столяров (секретарь),

Б98 Бюллетень Общества востоковедов. — Вып. 7: Материалы конференции "Традиция гуманитарно-естественного восточного краеведения в России (к столетию Русского Императорского Общества востоковедов)" Санкт-Петербург 15-17 марта 2000 г. — М.: Институт востоковедения РАН, 2002. — 168 с.

ISBN 5-89282-198-6

В настоящий выпуск Бюллетеня включены 14 докладов, представленных на конференции, приуроченной к столетию Русского Императорского Общества востоковедов (Санкт-Петербург 15-17 марта 2000 г.)

ББК 78.37
Б98

ISBN 5-89282-198-6

© Институт востоковедения РАН, 2002
© Общество востоковедов РАН, 2002

Содержание

А.Н. Хохлов На важном направлении востоковедных исследований	5
А.Ю. Борисенко, Ю.С. Худяков Деятельность немецких краеведов, служащих горного ведомства, по изучению алтайских древностей в конце XVIII – начале XIX вв.	12
Р.М. Валеев Традиции восточного краеведения в казанском востоковедении в XIX – начале XX вв. (этапы, научно-просветительские общества и научные связи)	25
Л.Н. Демидчик Штрихи к портрету академика К.Г. Залемана (К 150-летию со дня рождения)	46
Г.В. Длужневская Материалы востоковедческих экспедиций в фотоархиве Института истории материальной культуры РАН	64
В.А. Дмитриев Романовы как собиратели коллекции по этнографии народов Кавказа в Российском этнографическом музее	75
С.В. Дмитриев Африканские коллекции и “коллекция Кука” в Этнографическом отделе Русского музея	89

Т.Г. Емельяненко Дары эмиров бухарских	99
И.Г. Галяутдинов Основные вехи, задачи и проблемы востоковедения в Башкортостане	108
С.В. Курманалиева История собирания и изучения монгольских сатирических сказок в России	117
М.Е. Малевинская Вклад военных моряков в отечественное востоковедение	122
С.М. Михайлова, О.Н. Коршунова Казанский университет как центр научного краеведения	127
Н.Н. Назирова Востоковеды в Русском комитете для изучения Средней Азии	138
А.Г. Салихов Роль академика В.В. Бартольда в становлении научного мировоззрения Ахметзаки Валидова	150
В.К. Шивлянова. А.В. Бурдуков – собиратель "Джангара" и калмыцкого музыкального фольклора	161
Сокращения	167

А.Н. Хохлов
Институт востоковедения РАН

На важном направлении востоковедных исследований

В последнее десятилетие XX в., в России наблюдается заметное оживление в изучении истории отечественного востоковедения. Об этом свидетельствует, в частности, количественный рост отдельных журнальных статей и книг, посвященных как частным, так и общим вопросам востоковедной науки в нашей стране до и после октября 1917 г.

Важной вехой в разработке узловых проблем истории гуманитарных наук в России и, в частности, в области востоковедения, стал выход в свет солидной по объёму и содержанию коллективной монографии "История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 г."¹ В ней, пожалуй, впервые в практике подготовки подобных обобщающих трудов были широко использованы русские архивные материалы, выявленные в личных архивах В.П. Васильева и В.М. Алексеева, И.П. Минаева и С.Ф. Ольденбурга, В.Л. Котвича и ряда других востоковедов. В наибольшей степени архивные документы, чаще всего, в виде писем, представлены в этой монографии в главе 4-й "Изучение Восточной и Центральной Азии" и главе 5-й "Индология", написанных соответственно А.Н. Хохловым и А.А. Вигасиным. Особенно интересны и ценны исследования, касающиеся оценки творческого пути и научного наследия того или иного российского востоковеда. В числе таковых можно, например, назвать работу В.М. Алпатова "Ни-

колай-Николас Поппе"². Стимулировав новые разработки на этом направлении востоковедных исследований, этот обобщающий труд достаточно ясно показал, что успешное изучение истории отечественного востоковедения во многом зависит от работы исследователей как в центральных архивах Петербурга и Москвы, так и в местных архивах (например, в Казани, Омске, Томске, Иркутске, Владивостоке и других городах). В нынешних условиях финансового дефицита, негативно сказывающегося на командировках научных сотрудников Москвы в города Сибири и Дальнего Востока, особенно остро встает вопрос о необходимости объединения усилий и сотрудничества между учеными центральных научных подразделений, работающими в Москве и Петербурге, и исследователями, в том числе краеведами, занимающимися научными изысканиями на периферии. О большом значении документальных материалов местных архивов для подготовки истории отечественного востоковедения позволяет судить, например, такой факт: чтобы уточнить дату и место рождения известного востоковеда-китаиста Алексея Осиповича Ивановского исследователю, работающему в Москве, пришлось ехать сначала в г. Псков, а затем лететь в г. Великие Луки, где удалось отыскать метрические книги, позволяющие внести существенные коррективы в сведения, имеющиеся по данному вопросу в отечественной литературе (например, в книге авторитетного автора-китаиста П.Е. Скачкова³). В подобной ситуации не раз оказывались исследователи в сравнительно недавнем прошлом, когда необходимость заставляла их ехать из Москвы в города Сибири и Дальнего Востока. При нынешней дороговизне передвижения на дальние расстояния от Москвы или Петербурга, а также чрезвычайно высокой стоимости мест в гостинице подобные командировки практически исключены. Единственный выход из создавшегося положения видится в установлении более прочных и постоянных связей с работающими на периферии историками-краеведами, в том числе, сотрудниками местных

музеев, нуждающимися в получении консультаций у столичных исследователей.

Важным мероприятием на пути налаживания и укрепления связей востоковедов, работающих в центре и на местах, явилась научная конференция, приуроченная к 100-летию Общества востоковедов, возникшего в феврале 1900 г. в Петербурге. Инициатива создания Общества исходила от широких кругов российской общественности. Большую поддержку оказало Министерство финансов. Как видно из письма Председателя Общества востоковедения Н.К. Шведова от 23 ноября 1900 г. к российскому посланнику в Пекине М.Н. Гирсу, Общество востоковедов имело целью "содействовать всеми доступными средствами сближению России с Востоком на почве общих экономических и научных интересов"⁴. В более широком и конкретном плане, судя по уставу Общества, оно ставило своей целью "распространением среди восточных народов точных и правильных сведений о России, а также ознакомлением русского общества с материальными нуждами и духовной жизнью Востока – содействовать сближению России с восточными странами и служить проводником русской культуры и производительности среди восточных народов как в пределах России, так и вне ее пределов"⁵.

Конференция, посвященная возрождению традиций отечественного востоковедения в контексте их тесной связи с восточным краеведением, состоялась 15-17 марта 2000 г. в Санкт-Петербурге. В ней, помимо востоковедов Москвы и Петербурга, приняли участие исследователи Казани, Уфы, Элисты и других городов России. К открытию научного форума в здании Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН, где проходили его заседания в первый день, была развернута выставка редких фотографий и документов по истории отечественного востоковедения. Она вызвала большой интерес у посетителей, первыми из которых стали участники конференции.

С приветственным словом к участникам и гостям конференции обратился академик В.С. Мясников (ИДВ РАН), зам. академика-секретаря Отделения истории РАН. Он, в частности, напомнил о том, что Общество востоковедов, взятое впоследствии под царский патронаж, в своей научной деятельности опиралось на посильную поддержку своих отделений, созданных в крупнейших городах России и даже в Китае, в Харбине. Развивая это положение применительно к послеоктябрьскому периоду, в обстоятельном докладе Л.Б. Алаева и Д.Д. Васильева (оба – ИВ РАН), было подробно рассказано о деятельности Всесоюзной ассоциации востоковедов и Общества востоковедов РАН в 1980-1999 гг. Наглядным свидетельством растущей активности Общества востоковедов РАН стали, в частности, изданные в последние годы труды ИВ РАН, некоторые из которых москвичи передали своим коллегам петербуржцам во время работы конференции. Тогда же все участники восточного форума получили в качестве памятного дара третий и четвертый выпуски Бюллетеня Общества востоковедов, изданные к началу конференции. Третий выпуск содержал публикацию дневника С.А. Кондратьева, участника экспедиции П.К. Козлова в Монголию в 1923-26 гг., озаглавленную: "Каждый мерит мир собственной душой". Подготовленная Д.Д. Васильевым и И.В. Кульганек (СПб Ф ИВ РАН), ценная публикация снабжена рисунками, фотографиями и картами, а также краткими примечаниями, которые в случае ее переиздания следовало бы расширить с учетом новых архивных материалов.

На конференции было заслушано более 25 докладов и несколько сообщений, раскрывающих широкий спектр восточноведных исследований, которые ведутся в настоящее время в различных академических учреждениях, вузах и музеях России. Трудно даже перечислить названия всех прочитанных на конференции докладов и сообщений, а тем более осветить характер дискуссионных проблем, существующих в силу различия подходов к решению тех или иных вопросов. Целесообразно поэтому кратко изложить наиболее интересных выступлений и

ограничиться упоминанием лишь тех докладов, которые имеют наибольшее отношение проблеме использования архивных материалов для изучения истории отечественного востоковедения.

С сообщениями и докладами, основанными на архивных данных, в том числе, отчасти введенными в научный оборот, выступили Р.М. Валеев (КазГУ) – ("Традиции восточного краеведения в казанском востоковедении в XIX – начале XX вв."), А.В. Псянчин (Уфимский научный центр РАН) – ("Роль Оренбургского отдела РГО и Оренбургской ученой архивной комиссии в становлении восточного краеведения на Южном Урале и прилегающих территориях в конце XIX – начале XX вв. "), М.Е. Малевинская (Рос.Гос.Архив ВМФ) – ("Вклад российских военных моряков в отечественное востоковедение"), П.Л. Гроховский (СПбГУ) – ("Буддологическое наследие В.П. Васильева [по материалам СПб филиала Архива РАН]"), М.С. Мейер (ИСАА при МГУ) – ("В.Д. Смирнов и его место в российской тюркологии"), А.А. Долинина (СПбГУ) – ("Арабы – выпускники школ Палестинского Православного общества"). С.А. Французов (СПб Ф ИВ РАН) – ("Становление отечественной сабеистики [по материалам архива И.Ю. Крачковского]"), В.Н. Настич (ИВ РАН) – ("Письменные памятники Средней Азии в трудах российских востоковедов [к 150-летию Н.И. Веселовского и Н.Н. Пантусова]") и др.

Подводя итоги конференции, Е.И. Кычанов, директор СПб Ф ИВ РАН и Президент Общества востоковедов (периода 1999 – 2002 гг.), в заключительном выступлении особо упомянул два доклада, прозвучавшие на конференции: А.Н. Хохлова (ИВ РАН) -- ("Общество востоковедов и научно-педагогическая деятельность братьев А.М. и Д.М. Позднеевых") и Н.Н. Назировой (ИВ РАН) – ("Востоковеды в Русском Комитете для изучения Средней Азии") как наиболее соответствующие 100-летнему юбилею Общества востоковедов, о разнообразной деятельности которого очень мало известно из отечественной литературы.

На конференции говорилось о животворном характере лучших традиций отечественного востоковедения и о прочной преемственной связи между научной деятельностью Общества востоковедов, чье существование прервалось в 1918 г., и Всероссийской научной ассоциацией востоковедов (ВНАВ), созданной в декабре 1921 г. усилиями ряда востоковедов-энтузиастов, группировавшихся вокруг М.П. Павловича (Вельтмана). В этой связи примечательна инициатива Е.Г. Спальвина, руководителя первой в России кафедры японского языка, который, оказавшись в 1926 г. на дипломатической службе в Токио, предложил открыть отделения ВНАВ на территории Японии. Об этом свидетельствует его докладная записка от 11 июля 1927 г., найденная А.Н. Хохловым в Архиве внешней политики МИД РФ и оглашенная им в своем выступлении на конференции.

Форум востоковедов, состоявшийся в Санкт-Петербурге, стал важным шагом на пути сближения научных интересов и делового сотрудничества между востоковедами, работающими в центре и на периферии. Его успешному проведению немало способствовало соединение интенсивных дискуссий по прочитанным докладам в конце каждого заседания с правильной и эффективной организацией культурного досуга для всех участников конференции: посещением памятных исторических мест и художественных музеев Петербурга, особенно Государственного Эрмитажа с его богатейшими восточными коллекциями. В этом видится немалая заслуга организаторов конференции и, прежде всего, Д.Д. Васильева, которому на разных стадиях её подготовки и проведения активно помогали его коллеги: москвичи И.Ю. Авдаков, А.А. Столяров, Ю.В. Чудодеев и др., а также петербуржцы: Е.И. Кычанов, С.А. Французов, О.Ф. Акимушкин и многие другие сотрудники СПб Ф ИВ РАН, опиравшиеся на поддержку местных научных подразделений, музеев и архивов.

-
- ¹ История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 г. – М., 1997.
- ² Аппатов В.М. Николай-Николас Поппе. – М., 1996.
- ³ Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. – М.: ГРВЛ, 1977.
- ⁴ См.: АВПРИ. – Ф. Миссия в Пекине. – Д. 719. – Л. 1
- ⁵ Там же. – Л. 2

А.Ю. Борисенко
Новосибирский государственный университет
Ю.С. Худяков
Институт археологии и этнологии СО РАН

**Деятельность немецких краеведов,
служащих горного ведомства,
по изучению алтайских древностей
в конце XVIII - начале XIX вв.**

Иностранные специалисты горного дела внесли большой вклад в развитие горно-металлургической промышленности, изучение полезных ископаемых, флоры и фауны, культуры коренных народов и древних памятников Алтая в XVIII-XIX вв. Наряду с учеными и путешественниками, чьи исследования древних и средневековых памятников достаточно полно освещены и высоко оценены в историографии сибирской археологии, алтайскими древностями интересовались многие образованные люди, приехавшие в Россию из германских государств, и служившие администраторами, военными, горными инженерами и мастерами, пасторами, врачами в Колывано-Воскресенском горном округе.

Интерес к сибирским древностям иностранцев, служивших в России и Сибири, был связан с коллекционированием предметов искусства и ювелирных украшений из грабительских раскопок бугровщиков. Большую коллекцию таких вещей собрал через своих влиятельных друзей в конце XVII – начале XVIII вв. бургомистр Амстердама, нидерландский дипломат, ученый и антиквар Н.К. Витзен.¹ Некоторая часть предметов в

его коллекции, вероятно, происходит из степных районов Алтая и Верхнего Прииртышья, археологические памятники на территории которых в начале XVIII в. грабились бугровщиками особенно интенсивно.

Этой коллекции было суждено сыграть исключительно важную роль в становлении археологической науки в России, поскольку во время "великого посольства" с нею познакомился Петр I. Он заинтересовался сибирскими "могильными курioзными вещами", что привело к изданию указов о сдаче в казну найденных древностей и запрете на грабительские раскопки, созданию первого российского музея – Кунсткамеры, отправке в Сибирь научных экспедиций, одной из задач которых было изучение древних памятников, привлечению к сбору "могильного золота" местных администраторов и военных.² В результате из присланных Петру I и императрице Екатерине золотых и серебряных вещей образовалось знаменитое собрание "Сибирская коллекция Петра I".³ Видимо, и в этой коллекции некоторые вещи происходят из разграбленных курганов в Прииртышье и степном Алтае. В ходе военных экспедиций в верховья Иртыша солдатами и офицерами были собраны на развалинах ламаистских монастырей буддийские рукописи и коллекция бронзовых статуэток, которые были посланы Петру I. Отправленные по его распоряжению для изучения французским и немецким ученым, эти рукописи и рисунки находок привлекли внимание исследователей и были опубликованы.⁴ Как отмечалось позднее в историографии, это была первая публикация археологических коллекций из России.⁵ Как удалось установить к настоящему времени, коллекция бронзовых статуэток из Прииртышья происходит не из разграбленных курганов, а собиралась длительное время в разных районах Сибири. Лишь отдельные вещи, по-видимому, были собраны на развалинах ламаистских монастырей в Прииртышье.⁶

С началом развития горно-металлургической промышленности и строительством первого на Алтае медеплавильного завода А.Н. Демидовым в 1727-28 гг., у специалистов горного

дела сформировался устойчивый интерес к поиску древних горных выработок, "чудских копей", по остаткам которых обнаруживались меднорудные и полиметаллические месторождения.⁷

Первым немецким специалистом, приглашенным для проверки достоверности сведений о наличии меднорудных месторождений в "Алейских горах" в 1721 г., был И.П. Прифцен, проехавший в Россию из Саксонии.⁸

В период управления казенными заводами Урала и Сибири с 1722 по 1734 гг., активно привлекал иностранных специалистов горного дела генерал-лейтенант Г.В. Де Геннин. В молодости он был приглашен в Россию из Нидерландов по рекомендации Н.К. Витзена. Им были приглашены специалисты в области металлургии из Саксонии, Бранденбурга, Ганновера, Нидерландов, Швеции. Оборудование для заводов, инструменты и специализация мастеров были заимствованы из Саксонии.⁹ В 1727 г. по просьбе А.Н. Демидова, он направил на Алтай мастеров Н. Клеопина и Г. Келлера.¹⁰ Г.В. Де Геннин не только занимался организацией горно-металлургического производства, но и научной деятельностью, серьезно интересовался древностями. Вероятно, он мог заинтересоваться "сибирскими куриозами" еще в Нидерландах, поскольку был знаком с Н.К. Витзеном. На Урале и в Сибири он собрал большую коллекцию археологических находок из раскопок бугровщиков, часть которой происходит из курганов эпохи раннего железа и средневековья, из развалин ламаистских монастырей в Прииртышье.¹¹ Возможно, что он сам проводил раскопки на Иртыше во главе военного отряда. В своей книге он уделил внимание описанию "старинных рудных копей", курганам и развалинам буддийских храмов, рукописям на "тангутском" языке.¹² Материалы из его прииртышской коллекции в XVIII в. были описаны и опубликованы П.Г. Демидовым и прокомментированы И.Р. Форстером.

Находки из разграбленных курганов, развалин ламаистских монастырей, буддийские рукописи и "чудские копи" при-

влекли внимание участников академической экспедиции Г.Ф. Миллера и И.Г. Гмелина.¹³ Ими были проведены в 1734 г. первые раскопки древних могил в Прииртышье с научной целью, описаны храмы, укрепления, древние горные выработки, собрана большая коллекция "куриозных вещей" из раскопок бугровщиков. Им принадлежит одна из первых попыток осмысления и интерпретации собранных материалов. Рисунки находок были выполнены И.В. Люрсениусом.¹⁴

В 1740-х гг. на Колывано-Воскресенских заводах А.Н. Демидова работало несколько иностранных специалистов из Саксонии и Венгрии. После того, как в руде было выявлено золото, и сведения об этом дошли до императрицы Елизаветы I, на заводы была послана правительственная комиссия во главе с чиновником горного ведомства А.Б. Безром и И.Г. Улихом. По итогам работы этой комиссии заводы были переданы под управление казны.¹⁵ В 1745 г. первый управляющий казенными заводами Колывано-Воскресенского горного округа, бригадир, ставший позднее генерал-лейтенантом, А.Б. Безр направил 120 рудоискателей для раскапывания "бугров" – древних курганов на р. Чулышман.¹⁶ Однако осуществить это не удалось, поскольку раскопкам активно воспротивилось местное алтайское население.

С переводом Колывано-Воскресенских горных заводов под казенное управление, поиск древних горных выработок на территории Рудного Алтая стал делом государственной важности, поскольку "чудские копи" служили надежным ориентиром для открытия и разработки новых местонахождений.

Прямые указания на необходимость поиска "чудских копей" имеются в приложении к сенатскому каву 1756 г.¹⁷

В 1763 г. в Канцелярию Алтайского горного округа поступил запрос о характере рудных месторождений, об образцах руды, для подготовки обобщающего труда по российской минералогии, составленный М.В. Ломоносовым, с одобрительной резолюцией императрицы Екатерины II.

Подготовка ответа на этот запрос была поручена Канцелярией управляющему Змеиногорским рудником, обербергмейстеру И.Б. Леубе.¹⁸

Иоганн Леубе родился в 1724 г. в Саксонии, в г. Сорау, получил теологическое образование в университетах городов Галле, Бреслау и Лейпцига. В 1747 г. приехал в Россию, в Москву.

В 1751 г. он был приглашен управляющим Алтайским горным округом А.Б. Безром, в качестве пастора в немецкую лютеранскую общину и учителя немецкого и латинского языков для немецких детей, для чего была создана Латинская школа. Он был назначен пастором по требованию Императорского Кабинета и заключил шестилетний контракт с Почт-директором В. Пестелем. По истечении срока контракт был продлен еще на шесть лет. И. Б. Леубе, помимо своих пасторских и учительских обязанностей, активно интересовался минералогией и добычей руды. В 1763 г. пастор Иоганн Леубе, "по знанию его горной физики, механики и металлургии", был назначен управляющим Змеиногорским рудником в чине обербергмейстера. Он стал заниматься не только административными делами и преподаванием, но и научной деятельностью, составлением чертежей рудников, коллекций минералов, моделей рудников, созданием химической лаборатории и музея.¹⁹ В 1764 г. И. Б. Леубе подготовил рапорт на запрос М.В. Ломоносова, в котором, помимо современного состояния рудников и заводов кратко охарактеризовал древние "чудские копи". Среди следов производства древних народов он выделил шурфы и шахты, до 3-4 саженой глубиной, отвалы и насыпи, медные литые инструменты и каменные молоты, лаконично описал "каким образом сей народ" выплавлял из руд металлы. На р. Алей им были отмечены древние литейные печи. Согласно его наблюдениям, на 100 и более верст вокруг Змеевского рудника "редкая гора находится, в которой бы они труда не приложили, и в разных местах знатные работы производили".²⁰ И.Б. Леубе считал, что народ, освоивший горное дело на Алтае, жил

не в древности, а в средние века, за несколько веков до прихода русских, и происходил от монголов из рода Чингиз-хана. Рукописный перевод рапорта на русском языке, сделанный самим И.Б. Леубе, сохранился в фонде Б.Ф.И. Германа в Архиве Российской Академии Наук. Им были написаны и другие работы о рудниках и заводах горного округа. В 1767 г. он обнаружил на р. Алей кости мамонта.²¹ В подготовленной им рукописи "Историографическое краткое описание лежащим в Алтайских горах ведения Колывановоскресенских заводов разным рудникам" был перечень собранной коллекции минералов и "чудских" находок. Собранная коллекция после смерти И.Б. Леубе была отправлена в г. Санкт-Петербург.²²

Сменивший И.Б. Леубе на посту пастора Эрик Густав Лаксман также путешествовал по Алтаю и собирал минералы. В дальнейшем был избран академиком. В 1766 г. в своем труде по истории Колывано-Воскресенских заводов о древних горных выработках на Алтае писал командующий Сибирским корпусом, начальник сибирской пограничной линии, генерал-майор Ганс (Иоганн) Веймарн. Он полагал, что "чудские копи" принадлежат не современным кочевникам, калмыкам или казахам, а древним неизвестным "трудолюбивейшим и искуснейшим народам". По мнению Г. Веймарна поиск "чудских копей" необходим для сокращения издержек в обнаружении и разработке новых месторождений.²³

В 1771 г. на Алтае побывали участники двух физических экспедиций Академии наук П.С. Паллас, А. Вальтер, а также И.П. Фальк и И.Г. Георги. П.С. Паллас осмотрел многие памятники древности, предложил свой вариант их интерпретации.²⁴ Наиболее подробно им охарактеризованы "старинные рудные копи", описаны древние карьеры, шахты, траншеи, разведочные шурфы и отвалы. Он упомянул о находке останков древнего рудокопа, высказал свои соображения о выплавке металлов из руды, о сходстве "чудских копей" с древними горными выработками в Венгрии.²⁵ П.С. Паллас считал, что эти памятники принадлежат не татарам или монголам, а древней

"чуди". В своих разработках он, вероятно, опирался не только на собственные наблюдения, но и на данные любителей старины в Алтайском горном округе. Вероятно, специально для него была составлена карта по поручению начальства Колывано-Воскресенских заводов, бергмайстером Н. Де Кроером. В поездке по окрестностям Змеиногорского рудника П.С. Палласа сопровождал И.Б. Леубе. Возможно, по данным И.Б. Леубе, на карте, составленной для П.С. Палласа, было отмечено местонахождение костей мамонта близ р. Алей.²⁶

В описании путешествия И.П. Фалька, записки которого после его смерти были обработаны и подготовлены к изданию Э.Г. Лаксманом и И.Г. Георги, также уделено внимание археологическим памятникам, в том числе, древним горным выработкам и следам металлургического производства.²⁷ И.П. Фальк считал, что "чудь" была кочующим народом, вероятно, монголами. Умение добывать руду и выплавлять металлы он оценивал очень невысоко.²⁸

В 1780-1788 гг. по Алтаю совершал поездки с целью сбора образцов минералов служащий горного округа, обербергмейстер И.М. Ренованц.²⁹ Собранная им коллекция была куплена Императорским кабинетом для организуемого горного училища. В дальнейшем он был избран членом-корреспондентом Академии Наук. В книге И.М. Ренованца упоминается о находке останков древнего рудокопа с орудиями для добывания руды и кожаной сумкой, которая была наполнена охроу, о которой писал П.С. Паллас.³⁰

После смерти И.Б. Леубе, И.М. Ренованц составил опись его имущества и научного наследия, а в 1785 г. отвез его коллекцию в г. Санкт-Петербург.³¹

В 1786 г. служащий горного округа Филипп Риддер, в ходе обследования долины р. Большая Уба, обнаружил богатое полиметаллическое местонахождение, на котором в дальнейшем был основан рудник и поселок, названный по фамилии первооткрывателя. В своем рукописном рапорте, который сохранился в фонде Б.Ф.И. Германа в Архиве Академии Наук, Ф.

Риддер упоминает обнаруженные им на р. Большая Уба древние копи и отвалы.³² Внимание исследователя привлек также "гранитный отточенный круглый столб, который прежде находившимся народом весьма глубоко в земле наосо вкопан".³³

В 1783-1796 гг. по Сибири совершил путешествие Б.Ф.И. Герман, составивший подробное сочинение о сибирских рудниках и заводах и описание Змеевского рудника в горах Алтая.³⁴ Бенедикт Франц Иоганн Герман родился в 1755 г. в г. Мария-Хоф в Штирии в Австрийской империи. В 1782 г. был приглашен в Россию. В 1790 г. избран академиком.³⁵ Б.Ф.И. Герман упоминает в своем сочинении и "чудские копи". Он считал древние горные выработки очень древними, поскольку о них нет упоминаний в истории.³⁶ В его архиве сохранились рапорты И.Б. Леубе и Ф. Риддера.³⁷

В 1792 г. по Алтаю путешествовал Иоганн Эразм Сиверс. До своего путешествия он жил и работал аптекарем в Иркутске, а по некоторым сведениям - в Барнауле. В ходе поездки по Алтаю он посетил горный округ, Семипалатинск, побывал в верховьях Иртыша и Бухтармы. Помимо своих основных задач, он интересовался древностями, производил раскопки древних могил. В 1795 г. И.Э. Сиверс был избран членом-корреспондентом Российской Академии Наук. Его книга была издана посмертно П.С. Палласом.³⁸ Материалы из раскопок И.Э. Сиверса использовал в своей работе о чудских копиях Э.И. Эйхвальд.³⁹

В 1804 г. на территории Горного Алтая работала рудно-поисковая партия во главе с маркшейдером И. Шлаттером. На составленной им петрографической карте наряду с рудными месторождениями, были отмечены древнее городище с валами и рвами, курганы и "чудские копи".⁴⁰

Существование у значительной части служащих горного округа устойчивого интереса к изучению полезных ископаемых, природы и исторического прошлого Алтая способствовало созданию в 1823 г. в г. Барнауле первого в Сибири музея. Он был основан врачом, ботаником, энтомологом и географом

Фридрихом Вильгельмом Геблером, при содействии начальника горного округа, Томского гражданского губернатора, коллекционера П.К. Фролова.⁴¹ Фридрих Вильгельм Геблер окончил Йенский университет, приехал в Россию в 1810 г. В горном округе работал врачом, совершил несколько научных экспедиций по Алтаю. В своей статье о "Барнаульском музее" он кратко охарактеризовал коллекции музея, в том числе, этнографические, среди которых были "посуда, украшения металлические и глиняные, найденные в чудских гробницах древнейших обитателей Сибири".⁴²

В 1826 г. на Алтае работала экспедиция натуралиста из Дерптского университета. Участник экспедиции К.Ф. Ледебур раскопал несколько "чудских могил" на Чарыше. В своей книге он описал эти памятники и археологические находки в Барнаульском музее и частном собрании П.К. Фролова в Барнауле.⁴³ Другой участник экспедиции, К.А. Мейер, посетил развалины джунгарского буддийского храма Аблай-кит и осмотрел "чудские могилы" вокруг него.⁴⁴

В 1829 г. по Сибири и Алтаю путешествовали немецкие ученые А. фон Гумбольдт, Х. Эренберг и Г. Розе. Они побывали на Зырянском и Риддерском рудниках, на р. Бахтарме и оз. Зайсан.⁴⁵ В Барнауле путешественники осмотрели коллекцию музея, в том числе, находки из чудских могил. А. фон Гумбольдт оставил первую роспись в книге почетных гостей музея.⁴⁶ В своем труде, написанном после этого путешествия, он коснулся вопросов древней истории Алтая и Центральной Азии, привлекая сведения из сочинения Геродота.⁴⁷

В 1836 г. горный начальник Колывано-Воскресенских заводов Ф.Ф. Бегер поручил заведовать Барнаульским музеем маркшейдеру С.А. Сибирякову.⁴⁸ В сохранившейся описи 1836 г. упоминаются хранившиеся в музее "чудские вещи из курганов", в том числе, клинки, бронзовый наконечник копья, два глиняных сосуда, два чугунных котла, три древнетюркских каменных изваяния людей и скульптуры баранов.⁴⁹

Имеющиеся данные позволяют утверждать, что в конце XVIII - начале XIX вв. среди немцев - служащих алтайского горного округа, чиновников, горных инженеров, рудоискателей, пасторов, врачей - сложился устойчивый интерес к изучению края, его полезных ископаемых, природы и животного мира, памятников истории. Многие из них, помимо своих основных обязанностей, совершали поездки по Алтаю, находили и описывали памятники древности, собирали коллекции находок из древних могил. Если первоначально этот интерес сформировался под влиянием находок бугровщиков, то во второй половине XVIII - начале XIX вв. он был продиктован необходимостью поиска новых рудных месторождений, и поэтому основное внимание любителей старины привлекали древние горные выработки.⁵⁰ Немецкие краеведы, служащие горного округа, оказывали значительное содействие ученым и путешественникам и внесли свой посильный вклад в изучение древностей Алтая.

¹ Witsen N. Noord en Oost Tartaryen: behelzende eene Beschribing van verscheidene tartersche en nabuurige Gewesten, im de Azien en Europa. – Amsterdam, 1785. – Tab. 1-3. 0.

² Новлянская М.Г. Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. – Л., 1970. – С. 9-10.

³ Завитухина М.П. Собрание М.П. Гагарина 1716 года в Сибирской коллекции Петра I // *Археологический сборник*. – Л., 1977. – Вып. 18. – С. 41.

⁴ Княжецкая Е.А. Новые сведения об экспедиции И.М. Лихарева (1719-1721) // *Страны и народы Востока*. – М., 1989. – Вып. 26. – С. 28-29.

⁵ Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. – М., 1986. – С. 29.

⁶ Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Коллекция находок XVIII в. с территории Рудного Алтая // *Известия лаборатории археологии*. – Горно-Алтайск, 1997. – № 2. – С. 132.

⁷ Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера // *История Сибири: Первоисточники*. – Новосибирск, 1996. – Вып. 6. – С. 17, 26.

⁸ Конгаев А.В. Первые немецкие специалисты на Алтае // *Алтайский сборник*. – Барнаул, 1997. – Вып. 18. – С. 25-26.

- ⁹ Де Геннин В. Описание уральских и Сибирских заводов: 1735. – М., 1937. – С. 72, 79, 80.
- ¹⁰ Контаев А.В. Первые немецкие специалисты на Алтае. – С. 26-27.
- ¹¹ Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Г.В. Де Геннин - исследователь алтайских древностей XVIII века // *Гуляевские чтения. – Барнаул, 1998. – Вып. 1. Материалы первой, второй и третьей историко-архивных конференций.* – С. 170-173.
- ¹² Де Геннин В. Описание Уральских и Сибирских заводов. – С. 627-628.
- ¹³ Миллер Г.Ф. Изъяснения о некоторых древностях, в могилах найденных // *Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.-Л., 1937. – Т. 1. – С. 524; Гмелин И.Г. Поездка по Рудному Алтаю в августе-сентябре 1734 года (из книги Reise durch Sibirien von den Jahren 1733-1734) // Кузнецкая старина. – Новокузнецк, 1994. – Вып. 2. – С. 141-149.*
- ¹⁴ Миллер Г.Ф. История Сибири. – Рис. 21-24.
- ¹⁵ Контаев А.В. Открытие рудного золота на Алтае в XVIII веке // *Золото Алтая: история и современность. – Барнаул, 1995. – С. 48.*
- ¹⁶ Демин М.А. Первооткрыватели древностей. – Барнаул, 1989. – С. 16.
- ¹⁷ Там же. – С. 15.
- ¹⁸ Сергеев А.Д. Место и роль И.Б. Леубе в истории алтайского края // *История и культура немцев Алтая. – Барнаул, 1999. – Вып. 1. – С. 46-47.*
- ¹⁹ Там же. – С. 38-47.
- ²⁰ СПб.О. Архив РАН. – Ф. 27. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 3-4.
- ²¹ Письмо обер-бергместера Лейбе к начальнику Колывано-Воскресенских заводов герерал-майору Порошину о найденных в берегу Алея мамонтовых костях // *Горный Журнал. – 1833. – № 4. – С. 112-115.*
- ²² Сергеев А.Д. Место и роль И.Б. Леубе в истории Алтайского края. – С. 51-52.
- ²³ Веймари Г. История Колывано-Воскресенских заводов. – СПб., 1766. – С. 61.
- ²⁴ Pallas P.S. Reise durch verschiedene Provinzen des Ryssisches Reiches. – St.-Pb., 1773. – Th. 2. – B. 2. – S. 540-544; Pallas P.S. Sammlungen historischen Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften. – St-Pb., 1776-1801. – Th. 1-2. – Tab. VIII, IX; Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства. – СПб., 1786. – Ч. 2. – Кн. 2. – С. 258-260.
- ²⁵ Паллас П.С. Рассуждения о старинных рудных коях в Сибири и их подобии с венгерскими, различествующими от копей римских // *Академические известия за 1780 год. – СПб., 1780. – Ч. 5. – С. 312-337.*
- ²⁶ Розен М.Ф. Верхняя Обь и Алтай на картах XVI - XIX веков. – Барнаул, 1998. – С. 48-49.

- ²⁷ **Falk J.P.** Reise in Rußland. – Berlin, 1894. – Tab. IV; **Лагус В. Эрик** Лаксман. его жизнь, путешествия, исследования и переписка. – СПб., 1880. – С. 103-105.
- ²⁸ **Фальк И.П.** Записки путешествия // *Полное собрание ученых путешествий по России.* – СПб., 1824. Т. 4. – С. 446-447.
- ²⁹ **Renovanz I.** Mineralogisch-geographische und andere vermischte Nachrichten von den Altaischen Gebirgen Russisch-Kaiserlichen Anthells. – Reval, 1788.
- ³⁰ **Ренованц И.М.** Минералогические, географические и другие смешанные известия о Алтайских горах. – СПб., 1792; **Паллас П.С.** Рассуждения о старинных рудных коях в Сибири и их подобии с венгерскими, различающимися от копей римских. – С. 312-337; **Розен М.Ф.** Древняя металлургия и горное дела на Алтае. Обзор исследований // *Древние горняки и металлурги Сибири.* Барнаул, 1983. С. 22.
- ³¹ **Сергеев А.Д.** Место и роль И.Б. Леубе в истории Алтайского края. – С. 51-52.
- ³² СПб.О. Архив РАН. – Ф. 27. – Оп. 1. – Д. 19. – Л. 7.
- ³³ **Демин М.А.** Первооткрыватели древностей. – С. 19.
- ³⁴ **Hermann Fr.** Mineralogische Reisen in Sibirien. – St-Pb. – Т. 3.
- ³⁵ **Герман И.Ф.** Геологическое описание змеевского рудника в Горах Алтая. Предисловие переводчика // *Золото Алтая: история и современность.* – Барнаул, 1995. С. 54-55.
- ³⁶ **Герман И.** Сочинения о сибирских рудниках и заводах. – СПб., 1797-1801. – Ч. 1-3.
- ³⁷ СПб.О. Архив РАН. – Ф. 27. – Оп. 1. – Д. 5; д. 19.
- ³⁸ **Sievers I.** Briefe aus Sibirien an seinen Lehrer: der Könige Großbritannischen Nاپoteker Herr Brande, der Könige Großbritannischen Botaniker Herr Erhart und der Bergkomissarius und Rathsapoteker Herr Westrumb. – St-Pb., 1796.
- ³⁹ **Эйхвальд Э.И.** О чудских коях. – СПб., 1856. – С. 15-16.
- ⁴⁰ **Демин М.А.** Первооткрыватели древностей. – С. 35-36.
- ⁴¹ **Геблер Ф.** Известие о барнаульском музее // *Алтайский сборник.* Барнаул, 1993. Вып. 17. – С. 27.
- ⁴² Там же. С. – 30.
- ⁴³ **Ledebur K.F.** Reise durch das Altai-Gebirge und die soongorische Kirgrsen-Steppe: Auf kosten des Kauserlichen Univärsität Dorpat unternommen im Jahre 1826 in Begleitung der Herrn C.A. Meyer und A. Von Bunge. – Berlin, 1829. – Th. 1; **Ледебур К.Ф.** Путешествие по Алтайским горам и предгорьям Алтая // *Ледебур К.Ф., Бунге А.А. Мейер К.А. Путешествие по*

Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи. – Новосибирск, 1993. – С. 98-99, 148-149.

- ⁴⁴ Meyer C.A. Tagebuch einer Reise durch die Kirgisen-Steppe zum Noor-Saisan und Altyn-Tube im Jahre 1826 // K. Ledebur. Reise durch das Altai-Gebirge und die soongorische Kirgrsen-Steppe. Berlin, 1829. Th. 2; Мейер К.А. Путешествие по джунгарской киргизской степи. Дневник путешествия по Киргизской степи к Нор-Зайсану и Алтын-Тюбе в 1826 году // Ледебур К.Ф., Бунге А.А. Мейер К.А. путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи. – Новосибирск, 1993. – С. 274-275.
- ⁴⁵ Гумбольдт А. Путешествие в 1829 году по Сибири и к Каспийскому морю. – СПб., 1837. – С. 7-8; Очерки истории Рудного Алтая. – Усть-Каменогорск, 1970. – С. 75.
- ⁴⁶ Падалкина О.В. Музей глазами современников // Алтайский сборник. – Барнаул, 1993. – Вып. 17. – С. 9.
- ⁴⁷ Гумбольдт А. Центральная Азия. – М., 1915. – Т. 1. – С. 190-194.
- ⁴⁸ Гришаев В.Ф. Барнаульский музей в 1836 г. (Архивная находка) // Археологический сборник. – Барнаул, 1993. – Вып. 17. – С. 31.
- ⁴⁹ Там же. С. 38.
- ⁵⁰ Демин М.А. Первооткрыватели древностей. – С. 21.

**Традиции восточного краеведения
в казанском востоковедении в XIX – начале XX вв.
(этапы, научно-просветительские общества
и научные связи)**

История востоковедного образования и науки о Востоке в России, основные тенденции их развития – одна из важнейших проблем отечественной ориенталистики. Большой интерес вызывают процессы формирования и развития научного востоковедения в России XIX – начала XX вв. Этот период характеризовался разнообразием и богатством российской ориенталистики, созданием обширной системы востоковедного образования и научных исследований, объединявшей деятельность Академии наук, университетов, лицеев, гимназий, духовных академий, семинарий и научных обществ. Российское государство и общество сыграли важную роль в становлении и развитии науки о Востоке. Востоковедение стало важной областью гуманитарных наук, достигшей значительных успехов. Традиции восточного краеведения глубоко представлены в отечественной ориенталистике XIX-XX вв.

Известный востоковед А.Е. Снесарев (1865-1937) в своей лекции «Русский Восток как задача краеведного изучения», прочитанной в декабре 1921 г. на Всероссийской конференции по краеведению, отмечал: «Я отвлекал ваше внимание до сего времени Востоком вообще, так как в очерченных мною сторонах темы этот Восток и Русский Восток между собою совпа-

дают. Мы и при изучении Русского Востока сталкиваемся с тою же огромной суммой тем во всех областях человеческой пытливости, с тем же слабым размером научных достижений и, наконец, с тем же предвзятым и пренебрежительным отношением к миру азиатских явлений; ...здесь неисследованных областей еще больше, и здесь применение строго научных приемов изучения еще затруднительнее, здесь далекое прошлое еще глубже занесено слоями земли и к нему еще меньше применен труд археолога, лингвиста и т.д.»¹

В основе российского востоковедения лежали разнообразные внешнеполитические, торгово-экономические и научно-культурные связи со странами Востока, масштабные задачи социокультурного освоения Востока России (Русского Востока), европейское ориентальное образование и наука и, в особенности, самобытные национальные школы и культуры восточных народов России.

Востоковедение в России как образование и наука представляет собой взаимосвязанную, развивающуюся и многоуровневую систему. Исключительную роль в истории науки и культуры народов России сыграло академическое и университетское востоковедение, тесно связанные между собой. На современном этапе совершенствования фундаментального востоковедного образования и сотрудничества ориенталистов академических институтов и учебных заведений этот опыт приобрел научно-практическую значимость.

Университетскому востоковедению в России, в том числе, казанскому, в первой половине XIX в. предстояло решить проблему подготовки ученых-востоковедов, наиболее обострившуюся в отечественной ориенталистике на рубеже XVIII – XIX вв.² Именно в XIX – начале XX вв. в российском университетском востоковедении наиболее значимыми становятся преподавание востоковедных дисциплин и научно-исследовательская работа ориенталистов. В то же время, казанское университетское востоковедение во второй половине XIX – начале XX вв. продемонстрировало снижение офици-

ального статуса образовательных востоковедческих дисциплин. История казанского востоковедения этого периода включает печальные страницы образования и науки. Известная акция перевода разряда восточной словесности в Санкт-Петербургский университет подрубила социальные и научно-образовательные корни казанского востоковедения, разрушила перспективные школы и направления. Тем не менее, востоковедение сохраняется и развивается в Казани.

Во второй половине XIX – начале XX вв. значительно меняются масштабы востоковедных исследований и их организация. В России основную роль в развитии востоковедения начинают играть университеты, Академия наук и связанные с ними научные общества, а также специальные учебные заведения. Важнейший закономерный итог этого сложного и многоаспектного процесса – возникновение целостной системы востоковедческого образования и науки в начале XX в. История казанского востоковедения рассматривается как составная часть этой системы со всеми ее основными элементами: педагогическим и исследовательским творчеством востоковедов, деятельностью учебных и научных центров, публикацией документальных источников и специальных трудов, научными путешествиями в восточные страны и регионы России и т.д. В Казани в XIX – начале XX вв. проявились некоторые ведущие направления российского и мирового востоковедения.

Формирование и развитие традиций восточного краеведения в казанском центре востоковедения XIX – конца 20-х гг. XX в. прослеживается на протяжении основных его периодов в педагогической и научной работе известных и забытых казанских гуманитариев, деятельности научно-просветительских обществ и в научных связях ученых и преподавателей Казани, Петербурга, Москвы, Ташкента и др. российских и зарубежных центров.

У истоков казанского востоковедения находится организация преподавания татарского языка в Первой Казанской

гимназии с 1769 г., связанная с преподавательской деятельностью династии Хальфиных до 1829 г.

Начало функционирования первой кафедры восточных языков в университете в 1807 г. обозначило новый период в истории казанского научного востоковедения, который завершается в 1854/55 гг. в связи с переводом разряда восточной словесности в Санкт-Петербургский университет. Вторая половина XIX в. – 1920-е гг. в истории казанского востоковедения продемонстрировала следующий важный и целостный этап развития образования и знаний о Востоке.

Научно-педагогическая и исследовательская деятельность казанских востоковедов была тесно связана с событиями и тенденциями в российском и мировом востоковедении. Особенно органичной была связь казанского востоковедения с петербургским академическим и университетским востоковедением. Как известно, в основе развития научной школы востоковедения в Санкт-Петербурге во второй половине XIX в. также находится казанская университетская ориенталистика.

В XIX – начале XX вв. петербургский, московский, казанский и другие центры востоковедения оказали решающее влияние на развитие отечественной науки, культуры, литературы и искусства. Отечественная наука о Востоке существенно влияла на социокультурные процессы в обществе - ослабевал “варварский образ” Азии, утверждались научные знания об истории и культуре восточных народов, расширялись и углублялись представления об окружающих азиатских странах, усиливались историко-культурные связи народов России с Востоком. Она утверждала в российском обществе уважение к чужой культуре и самостоятельную ценность традиционных культур Востока. Принципы гуманизма, равноправия и равнозначности цивилизаций и культур выделяются в деятельности отечественных востоковедов. Стремление к познанию и признанию культур народов и цивилизаций Востока превращалось в осознанную потребность общества и государства. Образование и наука о Востоке стали важным элементом и продуктом культу-

ры народов, проживающих в России. Особое геополитическое и географическое положение России между Европой и Азией, между Востоком и Западом способствовало развитию феномена научного и практического ориентализма. Синтез историко-географических, этнических зон, культур и религий играл в прошлом и настоящем востоковедения огромную роль.

Казанское востоковедение занимает особое место в истории отечественной и мировой ориенталистики XIX-XX вв. Научные востоковедные исследования в Казани представляются феноменом российской культуры и науки. Научная и педагогическая деятельность востоковедов Казанского университета и других центров г. Казани значительно способствовали дальнейшему становлению и развитию востоковедения как гуманитарного образования и науки. Их труды до сих пор представляют собой ценнейшие источники научных исследований и истории российского востоковедения. Разряд восточной словесности университета в Казани положил начало систематическому и комплексному востоковедному образованию в России. Университетское востоковедное образование в России в первой половине - середине XIX в. становится основой и формой развития науки о Востоке и в целом социально-политической и общекультурной деятельности во всех сферах общества и государства. На протяжении XIX – 20-х гг. XX вв. в казанском востоковедении – образовании и науке о Востоке – произошли важные организационные, исследовательские и социокультурные изменения. Этот период, несмотря на важные переломные вехи в казанском востоковедении, характеризуется поступательностью и непрерывностью развития образования и науки.

Формирование семи восточных кафедр, охватывающих крупнейшие ареалы Востока, явилось значительным событием. История образования и деятельности востоковедных кафедр университета имеет особое значение. Судьба восточных кафедр университета и их учебно-педагогическая и научная роль была неоднозначной. В первой половине XIX в. ведущую роль игра-

ли кафедры, специализирующиеся по мусульманскому Востоку и Центральной Азии.

Основой разряда восточной словесности Казанского университета в 1828-1854 гг. стали арабо-персидская (1828), турецко-татарская (1828), монгольская (1833), китайская (1837), санскритская (1842), армянская (1842) и калмыцкая (1846) кафедры. В 40-х гг. XIX в. планировалось открытие трех новых восточных кафедр: индустанского, тибетского и еврейского языков.

В первой половине – середине XIX в. разряд восточной словесности Казанского университета становится учебным и научным центром изучения истории и культуры народов мусульманского Востока. Этот период связан с развитием научных дисциплин - тюркологии, иранистики, арабистики, исламоведения и т.д. Страны зарубежного мусульманского мира: Османская империя, Персия, Арабский Восток и регионы традиционного распространения ислама Российской империи (Поволжье и Приуралье, Кавказ и Средняя Азия, Крым) – стали объектом исследования в трудах и статьях казанских университетских востоковедов: Х.Д. Френа, И. Хальфина, Ф.И. Эрдмана, А.К. Казем-Бека, С.И. Назарьянца, И.Н. Березина, В.Ф. Диттеля, И.Ф. Готвальда и др.

Исследование истории и культуры народов мусульманского мира было сконцентрировано по следующим основным направлениям - подготовке и изданию учебных программ, пособий, учебников, хрестоматий, словарей; комплектации фонда восточных рукописей и книг; сбору, изучению, и публикации письменных и материальных восточных памятников и источников; переводов восточных авторов; осуществлении научных путешествий на мусульманский Восток; оригинальных филологических, исторических, культурологических, естественно-географических, археологических и этнографических публикаций и т.д.

В первой половине – середине XIX века в казанском университетском востоковедении история и культура народов

Центральной и Южной Азии стали объектом научного исследования. В Казанском университете формировались и развивались монголоведение, калмыковедение, китаеведение, маньчжуроведение и санскритология. Благодаря научным трудам востоковедов О.М. Ковалевского, А.В. Попова, архимандрита Даниила, И.П. Войцеховского, В.П. Васильева, П.Я. Петрова, Ф.Ф. Боллензена и других преподавание и изучение языков, истории, этнографии и культурного наследия народов Монголии, Калмыкии, Бурятии, Китая и Индии получили в казанском востоковедении систематический и интенсивный характер. В их учебной и научной деятельности наиболее заметны изучение и преподавание языков, сбор материалов по географии и страноведению, знакомство и текстологическое исследование рукописей и сочинений, контакты с живыми носителями языков, путешествия в регионы и государства Центральной Азии, составление грамматик, словарей и хрестоматий.

С закрытием разряда восточной словесности в университете научно-исследовательская и педагогическая традиция в области региональных отраслей востоковедения была прервана. Намеченное комплексное и систематическое изучение традиционных обществ и государств мусульманского Востока, Центральной и Южной Азии и азиатских регионов Российской империи в Казанском университете фактически прекратилось.

Феномен казанского востоковедения XIX – начала XX вв. связан с разнообразными проектами по формированию и развитию образования и науки о Востоке.

В первой четверти XIX в. появляется проект “О заведении для восточных языков училищ в Казанском учебном округе”. Этот проект – один из первых правительственных мероприятий в рамках реформ государственного устройства России начала XX в., который расширял структуру востоковедческого образования в новых учебных округах. Казанскому учебному округу в этих планах было отведено первостепенное место в развитии востоковедения в первой половине XIX в. На этом этапе обучение восточным языкам нацелено было, в основном,

на подготовку квалифицированных чиновников, которые должны были обслуживать расширяющиеся внутривосточные и внешнеполитические интересы российского государства на Востоке.

В 1822-26 гг. появляются планы “строить в Казани или Астрахани Институт восточных языков”. Проекты Института восточных языков 20-40-х гг. XIX в. оставались ключевыми в истории казанского востоковедческого центра России. Один из “Планов Восточного института” (1827 г.) в Казани был составлен профессором арабско-персидской кафедры университета Ф.И. Эрдманом (1793-1863 гг.). В 30-х гг. XIX в. наряду с идеями Института восточных языков активно обсуждаются проекты “Об устройении при Казанской гимназии Отделения для обучения магометан” и “О переименовании разряда Восточной словесности при Словесном отделении Императорского Казанского университета в Азиатское отделение”. Тем не менее в первой половине 40-х гг. XIX в. казанские востоковеды университета подготовили проект “Азиатского института при Императорском Казанском университете”. Основными целями Азиатского института определялись: “распространение и обмен ученых познаний об Азии или Востоке; образование преподавателей Азиатских или Восточных языков; приготовление сведущих в сих языках чиновников в качестве драгоманов, переводчиков, толмачей и приставов при разных управлениях; и просвещение Азиатских инородцев, живущих в пределах России”. Все это позволяет выделить изменение сущности востоковедения в России в середине XIX в., ориентированное на приоритетные цели образования и науки.

История востоковедения в России в конце XIX - начале XX вв. отмечена появлением новых востоковедческих проектов и их осуществление во Владивостоке, Ташкенте и Казани.

В начале XX в. в Казани возникают несколько проектов по возрождению востоковедения. Новые проекты востоковедческого образования и науки пытались расширить сложившуюся систему преподавания восточных языков в Казанском

университете и учредить иные образовательные центры ориенталистики. Среди них особое значение имеют планы образования “восточного отделения” историко-филологического факультета Казанского университета (1905 г.), “Курсов для практического изучения восточных языков (1911-12 гг.) и в 1916-19 гг. проект создания восточного отделения с двумя разрядами: тюрко-татарским и финно-угорским в Казанском университете.

В XVIII – первой половине XIX в. формируется система преподавания и изучения восточных языков - арабского, татарского, калмыцкого, монгольского и финно-угорских в православных духовных учебных заведениях, в частности в Казанской семинарии и академии. Изучение восточных языков народов России преследовало практические интересы и обслуживало потребности внутривосточной и социокультурной деятельности самодержавия. История российского востоковедения XVIII – начала XIX вв. ярко отражает позицию русской православной церкви и духовенства. Это прослеживается в создании духовных миссий на Востоке, изучении восточных языков в синодальных учреждениях, появлении миссионерских центров в азиатских регионах Российской империи и т.д. В XIX – начале XX в. Казань стала официальным центром империи в осуществлении практики и идеологии православного миссионерства и русификации народов Поволжья, Приуралья и Сибири.

Указ Павла I от 31 мая 1800 г. об учреждении в Казанской духовной академии (в 1797 г. преобразована из духовной семинарии) “особого класса татарского языка” положил начало официальному преподаванию восточных языков. Вплоть до 40-х гг. XIX в. преобразования православных учебных заведений г. Казани не позволяли углублять преподавание восточных языков и формировать прочную систему востоковедных дисциплин. Преподавание татарского языка в духовной семинарии г. Казани было связано с желанием духовного начальства открыть “классы татарского языка” в учебных заведениях Казанского духовно-учебного округа: Астраханской, Нижегород-

ской, Пермской, Пензенской, Тамбовской, Оренбургской, Тобольской епархиях. Именно в 40-х гг. XIX века активизируется изучение восточных языков в духовной академии, которая во второй XIX в. стала ключевым центром миссионерской идеологии и практики в Российской империи. Основное внимание было уделено изучению восточных языков - арабского, татарского, калмыцкого и монгольского.

Важное значение имело образование в январе 1845 г. в составе духовной академии двух восточных разрядов (кафедр) - монгольско-калмыцкого и турецко-татарского (арабского), просуществовавших до 1854 г. В середине 40-х гг. прошлого столетия постановка преподавания восточных языков в академии связана с именами известных профессоров восточного разряда университета А.К. Казем-Бека и А.В. Попова. В 1844-45 гг. студенты духовной академии были допущены к слушанию в Казанском университете лекций по восточным языкам: татарскому, монгольскому и калмыцкому. С середины 40-х гг. XIX в. в академии формируется свой круг преподавателей восточных языков. Среди них первые выпускники академии: Н. Ильминский и А. Бобровников. Преподавание азиатских языков и исследование материалов приняло устойчивое положение в середине - второй половине XIX в. Истоки традиции востоковедения в православных учебных заведениях г. Казани справедливо олицетворяются с деятельностью А.А. Бобровникова (1821-1865), Н.И. Ильминского (1822-1891) и Г.С. Саблукова (1804-1880). В 1854 г. Указ Синода, который ликвидировал в духовной академии восточные разряды и открыл миссионерские отделения, где были представлены язык и этнография татар, монгольский и калмыцкий языки, а также языки и этнография языческих народов России, положил начало новому этапу в истории казанского миссионерского востоковедения второй половины XIX - начала XX вв.

На этом этапе официальные мероприятия имперских властей превратили Казанскую духовную академию в крупнейший центр миссионерского востоковедения в России. Та-

кой широты в преподавании восточных языков и востоковедных предметов практически не было в других российских православных духовных учебных заведениях во второй половине XIX - начале XX вв.

Казанские востоковеды-миссионеры тесно сотрудничали с православными обществами и миссиями и были связаны учебной и научной деятельностью со многими российскими академическими и университетскими центрами и ориенталистами. В 1854-55 гг. в противомусульманском и противобуддийском отделениях духовной академии открываются должности практикантов восточных языков - монгольского и татарского, которые сохранились и расширились во второй половине XIX в. - первых десятилетиях XX в. Отличительной чертой казанского миссионерского востоковедения стала подготовка преподавателей восточных языков и обучение этим языкам на основе направления в регионы, населенные азиатскими народами империи и зарубежный Восток. На мусульманский Восток был направлен выпускник Казанской духовной академии М.А. Машанов, посетивший Джидду и Каир в 1885-87 гг. В 1909-10 гг. лектор французского языка и практикант арабского языка "кафедры арабского языка и обличения мухамеданства" академии П.К. Жузе находился с научной целью на Арабском Востоке. В 1912-14 гг. в Монголии в научной командировке находился исполняющий должность доцента академии иеромонах Амфилохий с целью изучения монгольского и тибетского языков, а также буддизма и ламаизма. Во второй половине XIX - первых десятилетиях XX вв. происходят существенные изменения в преподавании восточных языков и миссионерских востоковедческих предметов или курсов. Формируется и развивается специфическая система подготовки православных миссионеров, знающих восточные языки, историю ислама и буддизма. Казанские миссионеры-востоковеды духовной академии активно занимаются разнообразными вопросами идеологии и практики православной миссионерской деятельности в

России, в частности в Поволжье и Приуралье, Сибири и на Кавказе.

Закрытие Казанской духовной академии в 1919-20 учебном году прервало традицию миссионерского востоковедения в России.

В истории российского востоковедения XIX – начала XX вв. научные общества сыграли исключительную роль. Организационная структура отечественного востоковедения включает академические и вузовские научные общества, международные научные сообщества и специализированные общественные научные организации и т.д. На протяжении развития российского востоковедения в XIX–XX вв. эти научные сообщества имели в научной и культурной жизни народов России колоссальное значение. Заслуги востоковедческих обществ перед отечественным образованием, наукой культурой огромны. В академическом издании “История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года” особо отмечено: “В истории востоковедения дооктябрьского периода заметную роль сыграли научные общества, объединявшие профессиональных ориенталистов (ученых, преподавателей), студентов, краеведов, а также людей различных специальностей, интересующихся Востоком, его историей, культурой, достижениями современной наукой в этой области”.³

В отечественной востоковедной историографии сложилась такая ситуация, при которой история ориентальных научных обществ России рассматривалась в основном в пределах известных центров востоковедения – Санкт-Петербурга, Москвы, Ташкента. В истории российского востоковедения заметный вклад в изучение Востока оставили научные общества – Русское Географическое общество, Восточная комиссия Московского археологического общества, Русский комитет для изучения Средней Азии и Восточной Азии, Православное палестинское общество, Общество востоковедения, Общество русских ориенталистов, Туркестанский кружок любителей археологии и другие. Сегодня изучение самобытных форм орга-

низации востоковедного образования и науки в России имеет историко-научное, историографическое и культурологическое значение. Их исследование позволит полнее осветить определенные этапы исторического развития ориенталистики, общественной и научной мысли в регионах и центрах России.

В процессе развития научного изучения Востока в середине XIX века в Казани достойно внимания оформление специализированного “Восточного общества”. Образование востоковедного общества в Казани в 1855 г. было связано с известными деятелями казанского востоковедения середины – второй половины XIX в. профессорами – И.Ф. Готвальдом, Г.С. Саблуковым, бакалавром Н.И. Ильминским и преподавателем татарского языка в университете М.-Г. Махмудовым.

В предварительной записке от 5 ноября 1855 г. казанские востоковеды И.Ф. Готвальд, Г.С. Саблуков и Н.И. Ильминский высказали свое мнение: “Казань в черте и окрестностях своих заключает множество татар, с их самородным бытом, их мусульманскими улемами, медресями и мечетями; в уездах ея и смежных губерниях обитают инородцы финского племени; казанские купцы и ученые мусульманские состоят в непрерывных сношениях с Бухарией, Самаркандом и другими городами Мавараннегра (Мавераннахар – Р.В.) и доселе сохраняющего остатки развивавшегося там некогда просвещения. Таким образом, Казань представляет счастливое соединение условий к основательному фактическому изучению татарско-финской филологии, мусульманства и некоторых других предметов, относящихся к Восточной науке. Посему мы и предположили основать в Казани Восточное общество”.⁴ Объяснительная записка позволяет рассмотреть усиление ориентации востоковедных исследований и научных интересов ученых Казани с середины XIX в. на изучение культурно-исторического прошлого и настоящего народов востока России. “Восточное общество” в Казани было образовано в переломный период казанского востоковедения – в год перевода разряда восточной словесности в Санкт-Петербургский университет.

Основная цель “Восточного общества” определялась как “исследование и раскрытие Востока относительно филологии, правоведения и истории”. По замыслу основателей востоковедного общества выполнение цели предполагалось решением ряда актуальных научных задач: “...через обнародование подлинных текстов, именно оригинальных сочинений Джагатайского языка, равно народных рассказов, песен, поговорок, загадок и т.п. на языках: татарском, чувашском и других; чрез перевод мусульманских и других книг и статей на русский язык; чрез обработку Словаря и Грамматики татарско-финских языков, и наконец, чрез самостоятельные исследования на основании преимущественно Восточных данных”. Поставленные исследовательские задачи, сформулированные членами общества, позволяют высоко оценить научное начинание казанских востоковедов. Признание заслуживает пункт проекта “Восточного общества” проводить на ежемесячных собраниях прослушивание оригинальных статей и переводов, а также научных новостей “по Восточной науке в России и заграницей”. “Восточное общество” в Казани стало одним из первых провинциальных научных востоковедных общественных организаций, созданных в России в XIX в.

Архивные сведения позволяют отметить, что усилиями членов состоялось несколько заседаний “Восточного общества”. В одном из них принял участие известный монголовед О.М. Ковалевский, в то время ректор Казанского университета.

Для истории дореволюционной отечественной тюркологии второй половины XIX в. интересен факт, что на двух состоявшихся заседаниях общества рассматривался и обсуждался известный труд по татарскому языкознанию М.Г. Махмудова.⁵ Скупые строки архивного материала свидетельствуют, что 5 декабря 1855 г.: “г. Махмудов читал составленный им учебник Татарского языка, при чем члены по местам делали свои замечания”. Далее в дневнике заседания “Восточного общества” от 5 января 1856 г. отмечено: “Прочитано Словосочинение из грамматики татарской, составленной членом Г. Мах-

мудовым, и по местам сделались замечания и поправки”. По словам М.З. Закиева, работа тюрколога М.Г. Махмудова относится к числу основательных трудов своего времени, “в которых раскрываются основные грамматические закономерности татарского языка”.⁶

Дневник заседания общества позволяет говорить о начале научной разработки татарского словаря, “который надлежало бы составить сообразно настоящим потребностям науки...” Исследовательская работа, намеченная членами “Восточного общества”, в дальнейшем реализовывалась конкретной деятельностью представителей казанской школы востоковедов второй половины XIX в.

Известный путешественник и востоковед Г.Н. Потанин, выделяя развитие востоковедения во второй половине XIX в., писал: “В Казани мое внимание было привлечено ея татарским населением. Татарский базар, татарские мечети, татарская типография, кружок ориенталистов – все эти особенности, которые не встречаются в других городах Поволжья”.⁷

Востоковедное общество казанских ученых испытало судьбу многих общественных дореволюционных центров исторической и филологической науки, которые не получали соответствующей поддержки и распадались. В письме к В.В. Григорьеву один из главных организаторов Н.И. Ильминский сообщал: “У нас сварганилось общество из Готв(альда), Саблук(ова), Махмуд(ова) и меня, писали уже протоколы, но расклеилось, потому что я смотрел... на общество как на представителя и исследователя факта, а ему стали навязывать ученое значение в обширном значении. Как же это вести без гроша и без книг”.⁸

Попытка провести организационное сосредоточение изучения проблем истории и культуры Востока должна стать важной страницей развития отечественного востоковедения середины XIX в.

Эта первая ценная инициатива казанских ориенталистов в последней четверти XIX в. получила воплощение в много-

сторонней деятельности “Общества археологии, истории и этнографии” (1878–1929) при Казанском университете.

Исследовательская работа востоковедов по своему значению и общему объему занимала большое место в “Обществе археологии, истории и этнографии” при Казанском университете на протяжении формирования и развития уникальной научно-исследовательской ассоциации.

Истоки “Общества археологии, истории и этнографии” связаны с именами российских востоковедов: И.Н. Березина (1818–1878), В.В. Вельяминова-Зернова (1830-1904), И.Ф. Готвальда (1813-1897), Н.И. Ильминского (1822-1891), П.И. Лерха (1828-1884), В.В. Радлова (1837-1918), В.Р. Розена (1849-1908), Г.С. Саблукова (1804-1880), В.Г. Тизенгаузена (1825-1902), – и других. Они принимали участие в подготовке и проведении IV Археологического съезда, проходившего в Казани в 1877 г. По почину съезда была решена назревшая необходимость централизации научной работы по изучению обширного региона востока России (Волжско-Камский регион, Сибирь, Средняя Азия, Дальний Восток) основанием “Общества археологии, истории и этнографии”.

В последующие периоды работы Общества почетными, действительными и членами-сотрудниками состояли известные востоковеды России: В.П. Васильев (1818-1900), В.Р. Розен (1849-1908), Г.Н. Потанин (1835-1920), В.П. Наливкин (1852-1918), Н.П. Остроумов (1846-1930), – и другие.

В члены общества были приняты представители интеллигенции народов Поволжья: Ш. Марджани, К. Насыри, Г. Ахмаров, А. Ильясов, Ш. Ахмеров, С. Аитов, М. Заитов, М. Юсупов, Н. Золотницкий, Н. Никольский, В. Магницкий, Н. Ашмарин, – и другие выдающиеся деятели науки и культуры татарского и чувашского народов.

В отечественной историографии уделено внимание истории образования и деятельности Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (ОАИЭ). Эти материалы представляют собой обзоры и отчеты организаци-

онной и исследовательской работы научного сообщества. В меньшей степени обращено на востоковедческий характер научного общества в Казани. Научная и просветительская деятельность общества отразила определенный этап изучения истории и культуры народов востока России – Поволжья и Приуралья, Центральной Азии и Сибири. Зарубежный Восток был менее представлен в деятельности общества и в его печатном органе – Известиях общества археологии, истории и этнографии (1878–1929).

Историографические материалы позволяют выделить три наиболее крупных периода в деятельности Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете: I. Конец 1870-х – середина 90-х гг.; II. Середина 1890-х гг. – 1917 г. и III. 1917 – 1929 гг. На протяжении этих периодов востоковедные темы и направления занимали важное место в научном обществе. Его научная и просветительская деятельность отразила тесные связи с российскими и зарубежными ориентальными учреждениями и обществами конца XIX – первых десятилетий XX вв. Казанские востоковеды действительные члены общества (И.Ф. Готвальд, В.В. Радлов, И.Д. Бодуэн де Куртенэ и др.) участвовали в работе международных конгрессов ориенталистов. За период 1878–1904 гг. Общество было связано с 167 лицами и учреждениями в России и 44 – из-за рубежа.⁹

В 70-х – первой половине 90-х гг. XIX в. научные исследования охватывали историю и культуру народов Поволжья и Приуралья. В 1897 г. новый устав общества включил регионы Средней Азии и Сибири. Определяя роль и место востоковедов в системе исследовательской работы исторического общества, председатель “ОАИЭ” при Казанском университете С.М. Шпилевский в 1884 г. писал: “Само собою разумеется, что изучение надгробных мусульманских надписей возможно для нашего Общества, только с помощью ориенталистов. Это только один пример важности и необходимости содействия нам ориенталистов, которые, по моему убеждению, должны

составлять нашу важнейшую силу; я даже не могу представить наше Общество без содействия ему знатоков тюркских и финнских наречий”.¹⁰

В 1896–1914 гг. секретарем (с 1896 г.) и председателем (с 1898 г.) Общества археологии, истории и этнографии был видный востоковед и путешественник, исследователь языков, истории, этнографии и культуры тюркоязычных народов Н.Ф. Катанов. Известный тюрколог С.Н. Иванов писал: “Деятельность Общества оставила заметный след в развитии русского востоковедения и, что представляется особенно важным, явила собой пример сочетания передовых достижений русской востоковедческой науки с той незаметной, но очень полезной работой, которую осуществляли лучшие представители русской провинциальной ориенталистики”.¹¹

Опубликованное архивное наследие Н.Ф. Катанова¹² – яркое свидетельство плодотворной и разносторонней организационной и научной деятельности Общества в области востоковедения. В одном из своих писем Н.Ф. Катанов критично оценил направление этой работы. В письме от 6 апреля 1901 г. А.В. Васильеву (сыну китаевода В.П. Васильева) он писал: “Хотя я большинством голосов вновь избран Председателем Общества, однако в пользу ориентализма добиться чего-нибудь не удалось: Общество... все еще стоит за печатание сведений об инородцах, но без текстов”.¹³

Наиболее важным направлением востоковедных исследований стали история и культура тюркоязычных и финно-угорских народов. Много уделялось изучению истории и этнографии народов Востока России: киргизов, казахов, якутов, монголов и др. Древняя история регионов, материальные и письменные источники по истории и культуре народов, их обычаи, нравы, фольклор, легенды и т.д. нашли свое воплощение в исследовательской деятельности членов Общества археологии, истории и этнографии.

В 1929 г., в связи со слиянием с “Обществом по изучению Татарстана”, крупнейшее историко-востоковедческое

“Общество археологии, истории и этнографии” при Казанском университете прекратило свое существование.

* * *

Востоковедческое образование и наука о Востоке в Казани во второй половине XIX - первых двух десятилетиях XX вв. связаны с организацией и преподаванием восточных языков в Казанском университете, деятельностью востоковедных обществ - “Восточного общества” (1855 г.), “Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете” (1878-1929 гг.) и новыми востоковедческими учебными заведениями и ассоциациями на этапе становления советского востоковедения в 1917-20-е гг. XX в. На этом этапе характерно желание возродить краеведческую востоковедческую работу. В эти годы исключительную роль в возрождении востоковедения в университете и в целом в казанском гуманитарном центре сыграли И.Ф. Готвальд, М.Г. Махмудов, И.Н. Холмогоров, Х. Фаизханов, Н.И. Ильминский, В.В. Радлов, Ш. Марджани, Н.В. Крушевский, И.А. Бодуэн де Куртенэ, М.П. Веске, Н.Ф. Катанов, Н.И. Андерсон, Н.И. Ашмарин, К. Насыри, Н.В. Никольский, Я.Г. Калима, Г.С. Губайдуллин, С.Е. Малов и многие другие. Многонациональный характер казанской ориенталистики – важная особенность научного и культурного центра России. С их именами связаны востоковедные исследования в Казани в конце XIX – первых десятилетиях XX в. и тесные научные контакты с российскими и зарубежными востоковедами.

В 60-х – начале 70-х гг. XIX в. преподавание арабского, персидского и турецко-татарского языков в университете вели И.Н. Холмогоров и Н.И. Ильминский. Практика преподавания восточных языков в университете только “для желающих” в 60-х гг. - первых десятилетиях XX в. не позволила полностью возродить уникальное комплексное историко-филологическое и источниковедческое наследие казанского университетского востоковедения. Преподаватель восточных языков профессор Н.Ф. Катанов в 90-х гг. XX в. и до 1922 г. наиболее полно

ощутил в своей педагогической деятельности отсутствие официального статуса востоковедения как предмета университетского преподавания и науки в Казани.

Историко-научным рубежом воссоздания востоковедческих кафедр Казанского университета - угро-финской и турецко-татарской филологии стала середина 80-х гг. XIX в. У истоков этого события стояли И.А. Бодуэн де Куртенэ, Н.И. Ильминский, В.В. Радлов и М.П. Веске. Возрождение традиций тюркологических исследований в университете будет связано с именем выпускника арабско-персидско-турецко-татарского разряда факультета восточных языков Петербургского университета Н.Ф. Катанова. Роль и значение его в возрождении Казанского университета и Казани как крупного российского и мирового востоковедческого центра неопределима.

Во второй половине XIX в. - 1920-х гг. в Казани работали высшие учебные заведения с преподаванием восточных языков, существовали объединения востоковедов, сохранялись и развивались основные направления преподавательской и исследовательской деятельности казанских ориенталистов. Казанские востоковеды собирали и изучали огромный лингвистический, исторический, археологический и этнографический материал, особенно связанный с народами Востока России. Научный фундамент востоковедческих исследований в Казани, сформировавшийся в первой половине XIX в. получил преемственное развитие.

В 1917-20-е годы происходит становление советского востоковедения в Казани. Новые внутренние и внешнеполитические задачи, поставленные Октябрем, потребовали создания новых и реорганизации системы существующих учебных заведений востоковедения в основных его центрах - Петрограде, Москве, Казани, Владивостоке. В 1920-е гг. в востоковедных центрах России и Советского Союза продолжали работать представители дореволюционных ориентальных школ. В то же время формировалась новая генерация отечественных востоковедов. Важными чертами этих лет становятся - преемствен-

ность востоковедных исследований, конфронтация научных и идейных позиций и концепций, изменение направлений изучения Востока и в целом размывание отечественного классического востоковедения.

Становление и развитие советского востоковедения в Казани тесно связано с учебной и научной деятельностью Северо-Восточного археологического и этнографического института (1917-1921), Восточной академии (1921-1922), Казанского университета, Научного общества татароведения (1923-1929) и Общества археологии, истории и этнографии и т.д. На их базе прослеживается тенденция возрождения востоковедного наследия. Деятельность этих учебных заведений и научных ассоциаций - важный показатель новых организационных форм российского востоковедения в 1920-е годы. Научное содружество ученых-гуманитариев из представителей народов России явилось продолжением уникальной традиции, заложенной в казанском востоковедении с первой половины XIX в.

¹ Снесарев А.Е. Русский Восток как задача краеведного изучения // *Восток*. - 1993. - № 3. - С. 102.

² Азиатский музей - Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. - М., 1972. - С. 11.

³ История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. - М., 1997. - С. 85.

⁴ НАРТ. - Ф. 968. - Оп. 1. - Д. 1. - Л. 4.

⁵ Махмудов М. Практическое руководство к изучению татарского языка, составленное старшим учителем 1-й Казанской гимназии Махмудовым. - Казань, 1857. - 255 С.

⁶ Закиев М.З. Казанская школа тюркологов и грамматики на татарском языке (конец XIX и начало XX вв.) // *TURCOLOGICA*. - М., 1976. - С. 73.
Потанин Г.Н. От Новочеркасска до Казани // *Первый шаг*. Казань, 1876, - С. 331.

⁸ РГИА. - Ф. 853. - Оп. 2. - Д. 187. - Л. 12.

⁹ ИОАИЭ. - Казань, 1905. - Т. 21. - Вып. 2. - С. 26.

¹⁰ ИОАИЭ. - Казань, 1882. - Т. 3. - С. 17.

¹¹ Иванов С.Н. Николай Федорович Катанов (очерк жизни и деятельности). - М., 1973. - Изд. 2-е. - С. 53.

¹² См.: НАРТ. - Ф. 969. - Оп. 1-2. «Катанов Н.Ф. ординарный профессор сравнительного языкознания». 1878-1921 гг.

¹³ Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки КГУ. - № 8817. «Катанов Н.Ф. А.В. Васильеву». 6 апреля 1901 г.

Штрихи к портрету академика К.Г. Залемана (К 150-летию со дня рождения)

Имя Карла Германовича Залемана хорошо памятно нам, иранистам, со студенческих лет по его магистерской диссертации о четверостишиях Хакани, очерку истории древнеперсидской или иранской литературы, краткой грамматике новоперсидского языка, написанной совместно с В.А. Жуковским, по исследованиям языков среднеперсидской языковой эпохи – согдийского и пехлеви, – и др. трудам, ставшими хрестоматийными. Но тогда мы не слишком вдумывались, как поразительно широки были его научные интересы. Как поразительно много успел он сделать за 40 с небольшим лет, целиком и без остатка отданных служению науке.

Если взглядеться в список печатных трудов, составленный им самим,¹ то нет ни года без солидной публикации, причем видно, как постепенно возрастает их число, раздвигается круг их проблематики. А какая целеустремленная многогранная деятельность осталась за рамками этого списка!

Как ученый К.Г. Залеман складывался в ту пору, когда еще не определилась окончательно узкая специализация ориенталистики. Он владел не только персидским и другими иранскими языками от древности до новейшего времени, но и другими, не родственными им: тюркскими, арабским, ивритом и, естественно, основными европейскими, мог свободно опери-

ровать самым обширным лингвистическим материалом и вникать в тексты на разных языках и разных хронологических уровнях.

Ученые заслуги академика К.Г. Залемана как корифея отечественной иранистики, значение его исследований в смежных сферах востоковедения получили высокую оценку его современников В.В. Бартольда² и С.Ф. Ольденбурга.³ Его труды и научная деятельность обстоятельно, объемно проанализированы в известной статье-персоналии А.Г. Периханян,⁴ а неоценимый вклад его в развитие библиотечного дела освещен в статьях С.Ф. Ольденбурга⁵ и отчасти – Г.З. Пумпян,⁶ включающей некоторые архивные сведения.

Поэтому я не стану останавливаться на проблематике и содержании исследований ученого, а, по мере возможности избегая повторений, попытаюсь внести некоторые дополнительные штрихи в его облик и общую картину его деятельности.

В процессе работы по составлению «Биобиблиографического указателя К.Г. Залеман» в Отделе литератур стран Азии и Африки БАН я, просматривая заново периодические академические издания XIX – начала XX вв., обратила внимание на частые, повторяющиеся из номера в номер, выступления К.Г. Залемана на заседаниях общего собрания Академии наук и Историко-филологического отделения по самым разным вопросам научно-организационной работы Академии. При всем многообразии проблематики этих выступлений, в них можно выделить четыре устойчивые линии.

I.

Собирательская работа по созданию и пополнению книжных и рукописных фондов библиотек Университета, Академии, Азиатского Музея и попутно – Музея Антропологии и Этнографии. По тому месту, какое занимают среди других выступлений К.Г. Залемана его сообщения о дарениях, поступивших от разных лиц и организаций, о приобретенных по разным каналам рукописях и редких книгах, сразу видно, что

этой работе он придавал первостепенное значение и не жалел для нее ни сил, ни времени. В главных чертах, эта сторона научно-организационной деятельности К.Г. Залемана раскрыта в работах академика С.Ф. Ольденбурга, А.Г. Периханян и Г.З. Пумпян.

Воздержусь от цитирования и пересказа многих интересных мест, привлечших меня в этих статьях, и перейду прямо к материалам, обнаруженным в старых академических журналах. Трудно перечислить и охарактеризовать все выступления академика Залемана, посвященные собиранию и накоплению книжных и рукописных сокровищ. Это сделано в нашем Биобиблиографическом указателе.

Оставляя как бы за скобками самостоятельные научные публикации по описанию рукописей, составлению списков и каталогизации рукописных и книжных фондов II Отделения Библиотеки АН и Азиатского Музея, которые К.Г. Залеман возглавлял в течение долгих лет – об этом подробно и профессионально сказано С.Ф. Ольденбургом, А.Г. Периханян и Г.З. Пумпян – я сделала попытку выделить в ряду его сообщений, докладов, записок, предложений, заявлений, иногда подписанных совместно с другими членами Академии, те, которые относятся к этой сфере.

Общее число выступлений К.Г. Залемана на заседаниях Общего Собрания ИАН и ИФО, по моему подсчету, составляет 131. Из них 84 – по библиотечным делам, 28 – представления к печати, к ученым званиям и должностям, 5 – по проблемам международной деятельности ИАН и участия в ней К.Г. Залемана, 6 – некрологи, 7 – по другим вопросам. Оговорюсь, что это деление относительно условно, ибо, как увидим дальше, эти сферы пересекаются.

Цифра 84 говорит сама за себя, в сравнении с числом собственно научных публикаций Залемана (в его списке их значится 91 наименование, правда, отдельно от некоторых рецензий, редактирования и проч.). При знакомстве с извлечениями из протоколов академических заседаний создается впе-

чатление, что он не пропускал почти ни одного собрания, дабы сообщить о новых книжных и рукописных поступлениях, причем в самых доскональных подробностях.

Для иллюстрации тех последовательных, упорных стараний, которые прилагал К.Г. Залеман к формированию библиотечных фондов, приведу два-три примера. Так, на заседании ИФО 13 октября 1904 года академик Залеман сообщает о последних приобретениях Азиатского Музея: "а) рукописи, приобретенные для Музея проф. В.В. Бартольдом в бытность его в Туркестане в 1902 и 1904 гг. [персидские, тюркские и уйгурская – всего 15 наименований, приведен список; здесь и дальше я воздержусь от полного цитирования - Л.Д.] б) три рукописи, купленные у студента Риганова... [2 тюркские, 1 персидская, приведен список]. с) рукопись, приобретенная у магистранта Л. Богданова.

Получены в дар: d) от Г.М. Осокина... Рукопись: Русско-китайский словарь, 2 тт. и печатанные с досок в Пекине русско-китайские словари, 4 тт. е) от приват-доцента Руднева: лист с тибетской формулой... f) от Пекинской Духовной Миссии... 16 изданий духовного содержания на китайском языке. g) от Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии...: 1) тибетская рукопись, содержащая легенду о царе Викрамадитье..., 2) рукопись «Добровольский, Материалы по языку Сунгарийских Гольдов», 3) съемочные карты Туркестанского Военного Округа, г. Самарканда и окрестностей его – 153 листа. 4) десять несторианских надгробных камней с сирийскими надписями".⁷

Нет надобности подчеркивать важность каждого из пунктов этого сообщения, дававшего источниковый материал для исследований по широкому спектру научных специальностей. Несколько раньше, в 1890 г., в Записках ИАН⁸ было напечатано сообщение К.Г. Залемана на заседании ИФО от 28 ноября 1889 г. о найденных им среди бумаг П.А. Лерха, хранящихся в Санкт-Петербургском Университете, трех листах, содержащих начало статьи о неисследованном доселе наречии

иранского корня, на котором, как отмечает К.Г. Залеман, еще более 20 лет назад (т.е. в 60-е годы XIX столетия) говорили некоторые старики деревни Килит Эриванской губернии. Охарактеризованы материалы П.А. Лерха по содержанию и степени сохранности, указан их источник – запись Н.Г. Столетова, определена их филологическая ценность, намечены задачи дальнейшего изучения килитского наречия.

В этом сообщении, как и во всех прочих, проявляется удивительная бережность ученого к любой, казалось бы, малой мелочи (три листа среди бумаг коллеги, содержащих лишь начало статьи), святое уважение к труду ученого, фанатичность ко всему, что имеет ценность для науки, в данном случае, для любимой его иранистики, прозорливость, угадывающая с первого взгляда новую перспективу, новое направление научных поисков.

О том, какое большое внимание уделял академик Залеман собиранию рукописей и книжных редкостей среди других многочисленных своих занятий и обязанностей, свидетельствует его Отчет о поездке в Среднюю Азию (1897, опубликован в 1998 г.). Приведу частичные выдержки из него, которые показывают, что он воспринимал собирательство не просто как долг, но подходил к нему с увлеченностью и усердием старателя.

В Среднюю Азию он был командирован для изучения Памира и его языков. Обосновывая в Отчете цель путешествия, К.Г. Залеман указывает, что это было "исследование неизученных областей Памира Рошана и Шугнана в языковом аспекте". Далее, описывая пребывание в Самарканде с момента приезда 18 мая 1897 г., он говорит о помощи, которую оказали ему в собирании общих сведений по населенности района для составления наиболее целесообразного маршрута инспектор народных училищ В.П. Наливкин, секретарь статистического управления М.М. Вирский и переводчик при областном управлении В.Л. Вяткин. И тут же оговаривает с интонацией радостного удовлетворения, что они "к тому же сделали ценные на-

учные приношения для коллекций Азиатского Музея". Из Самарканда К.Г. Залеман должен был направиться в Ош, а оттуда в Шугнан, но, как отмечает А.Г. Периханян, охарактеризовавшая подробно эту экспедицию К.Г. Залемана и ее научные результаты, "поездка на Памир сорвалась из-за несчастного случая".⁹ В Отчете сообщается, что затем он должен был направиться в Коканд, где предполагал посетить древний дворец Худоёрхана. И опять акцент на книгах, на сей раз с огорчением: "но дворец был превращен в казармы, а хранившиеся в старинных школьных (медресийных? - Л.Д.) библиотеках книги и рукописи исчезли или ушли в руки частных лиц. Но некоторые рукописи удалось получить путем покупки в виде пожертвований для Азиатского Музея».¹⁰

Можно себе представить, каких усилий это стоило. Вскоре К.Г. Залеман, помимо отчета, опубликует и новые свои исследования по следам этой поездки – о легенде про Хаким-Ата, по ягнобскому языку и списки туркестанских приобретений.

Интерес ученого к Памиру и Средней Азии, возникший задолго до того и проявившийся уже в ранней его работе по ягнобскому языку /1888/, закрепляется, нарастает и ширится после прямого знакомства с этим краем. Об этом убедительно свидетельствуют последующие его сообщения о приношениях Азиатскому Музею от Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии, где следом за ценнейшими коллекциями бурятов Ц. Жамцаранова и Б. Барадийна обозначены фотографии страниц из рукописи «Джāми' ат-тавāрих» Рашид ад-Дина, принадлежащей генералу Джурабеку в Ташкенте и др. редкости, в том числе, карта населенной части Сеистана, составленная на основе глазомерной съемки врачом вице-консульства в Сеистане А. Миллером в 1902 г.¹¹; несколько позднее – собрание фотографий и рукописных бумаг, привезенных И.А. Беляевым из поездки в Бухару в конце 1906 г.¹²; затем коллекция рукописей и книг, привезенных А.Н. Самойловичем из поездки в Хиву и Бухару летом 1908 г.; калмыцкая

рукопись, поступившая в дар Академии через посредство дипломатического чиновника при Туркестанском Генерал-Губернаторстве от вдовы Н.Ф. Петровского; приношения от Императорской Археологической Комиссии; персидские рукописи, принесенные в дар Музею русским консулом в Сеистане Александром Алексеевичем Адамовым /1911/.

В 1914 г. /28 мая/ академик В.В. Бартольд от своего имени и имени академика К.Г. Залемана подает прошение о командировании Ахмед-Закия Ахмедшина Валидова в Бухару, Карши и Шахрисябз для собирания рукописей.

Заметим, что, называя рукописи, К.Г. Залеман часто вперед ставит персидские, однако, иранистические его влечения ни в коей мере не оттесняют пристрастие к книжным редкостям иных стран и регионов. Вот сообщение на заседании ИФО 9 октября 1913 г.¹³, о том, что младший ученый хранитель Азиатского Музея Василий Михайлович Алексеев пожертвовал Музею коллекцию китайских эстампажей, в количестве 314 листов, снятых с каменных стел музея Си-ань-Фу и содержащих почти полный текст тридцати китайских классических книг (Чжоу И, Мао Ши, Шань Шу, Ли Цзи Чунью, Цзо Чжуань, Гулян Чжуань, Гун-ян Чжуань, И Ли, Чжоу Ли, Лунь Юй, Мын-Цзы, Эр Я, Сяо Цзин) таньской редакции 837 года (за исключением Мын-Цзы)...

"Коллекция описана самим жертвователем в полной точности, с присоединением введения, излагающего историю этой серии стел... Нумерация произведена с таким расчетом, что любой кусок любого текста отыскивается по каталогам без затруднений и промедлений. Насколько известно, – отмечает К.Г. Залеман, – подобной коллекцией обладает только Национальная Библиотека в Париже, но ... лишь в виде груды сложенных листов, вне нумерации и описания".

Сообщения К.Г. Залемана содержат множество имен дарителей, от самых известных до таких, которые нуждаются в идентификации; включают различные организации, охватывая ареалы разных стран и географических широт. К примеру, в

одном сообщении значатся издания Королевского Заведения Опытного Лесоводства в Стокгольме, присланные в дар Библиотеке АН. Подобных сообщений о книгах по разным наукам немало.

Из приведенных примеров видно, какое глубокое внимание уделял К.Г. Залеман описанию и характеристике собираемых им редкостей, насколько широка была его эрудиция в области книжного дела. Его выступления, надо полагать, помогали в его время, и сейчас могут помочь специалистам сориентироваться в море богатств книгохранилищ Петербурга.

При обработке материалов мы заметили, что по следам этих сообщений появились публикации текстов памятников и отдельные исследования. Однако чтобы проследить это всерьез, потребуются усилия востоковедов разных профилей.

По спискам и каталогам, публиковавшимся К.Г. Залеманом, по его сообщениям можно восстановить состав книгохранилищ, формировавшихся и пополнявшихся его стараниями и при его участии.

Много усилий приложил академик К.Г. Залеман для налаживания книгообмена с европейскими и восточными странами. В 1904 г. Российская Академия выступила с инициативой упорядочения непосредственного обмена рукописями между библиотеками различных государств. С докладом для рассмотрения на Римском Историческом Конгрессе предложения созвать Международную Конференцию по этому вопросу выступила Комиссия, образованная 10 января 1904 года, в составе академиков К.Г. Залемана, А.А. Шахматова и А.С. Лаппо-Данилевского. Последующие сообщения К.Г. Залемана показывают последовательное развертывание процесса книгообмена. Например, на заседании Общего Собрания Академии 2 мая 1909 г.¹⁴ академик Залеман сообщил, что по его просьбе Общество “Siebenbürgisher Vesein für Naturwissen shaften” в Германштадте согласилось высылать Библиотеке Академии свое периодическое издание “Verhandlungen und Milleilungen” и отдельное издание “Petri, Monographie des Coleopteren-Tribus

Hiperini", и при этом высказал пожелание вступить с Обществом в обмен изданиями и высылать «Известия», «Ежегодник Зоологического Музея», «Труды Ботанического Музея», «Труды Геологического Музея» и послать каталог академических изданий для выбора желаемых книг. Я сокращаю другие примеры и приведу лишь подытоживающий. В 1913 г. в Известиях ИАН было напечатано сообщение академика К.Г. Залемана о том, что за последнее время ряд учреждений стал присылать Академии свои издания, выражая желание вступить в обмен своими изданиями, в том числе: 1) Imperial Academy of Tokyo., 2) Sociedad quémica Argentina, Buenos Aires...3) University of Notre Dame, Indiana...¹⁵ Кроме того, Geological Survey of Canada, Ottawa, изъявило желание получать в обмен на свои издания, в дополнение к уже получаемым, издания Академии по антропологии, археологии и лингвистике.

Понятно, что за этим сообщением кроется огромная организаторская работа самого К.Г. Залемана.

Из сказанного явствует, что своей собирательской деятельностью академик К.Г. Залеман возводил и укреплял фундамент отечественной ориенталистики, создавал крепкую базу для развернутого фронта последующих текстологических, монографических и обобщающих исследований по разным филологическим отраслям. Научная значимость сообщений К.Г. Залемана не исчерпывается приведенными выдержками. Она заключается еще и в том, что его выступления содержат немало существенных деталей, важных для знатоков восточных рукописей и книг, быть может, ускользнувших из их поля зрения, а помимо того, и богатейший материал для истории Российской Академии.

II

На втором месте среди выступлений академика К.Г. Залемана на академических собраниях по числу, но не по важности, стоят представления к печати трудов ученых-ориенталистов – 28 и рекомендации к ученым званиям – 5, на научные и библиотечные должности – 3.

Здесь отчетливо проступает вторая устойчивая линия деятельности ученого: стремление поддержать и дать направление новым научным поискам. В этом контексте весьма показателен отзыв о труде В.Ф. Миллера "Осетинские этюды".¹⁶ Цитируя яркий образный зачин исследования В.Ф. Миллера: "Кавказский хребет – эта «гора языков» – представляет капитальный интерес для этнографии. Нет другой местности на земном шаре, где бы, на сравнительно небольшом пространстве, скучивалась такая масса разнородных и разноречивых народов..." (я чуть сокращаю цитату - Л.Д.), К.Г. Залеман подчеркивает важность исследования многочисленных народностей Кавказа и выражает сожаление, что число лингвистов и этнографов, изучающих этот регион, далеко не соответствует потребностям науки, и вслед за тем с радостью приветствует появление нового исследователя, обратившегося к изучению одной из древнейших и интереснейших народностей Кавказа – осетин, их языка и наречий. При этом автор проявляет серьезное знание предмета и широкие познания в истории вопроса, которыми он обосновывает научную заинтересованность в том, чтобы поддержать молодого ученого. Его заключение звучит предельно уважительно и даже восторженно: "Труд Всеволода Федоровича составляет драгоценное обогащение литературы об этнографии Южной России" и "достоин поощрения Императорского Русского Географического Общества".

Но при том К.Г. Залеман мог быть и весьма придирчив и даже резковат в своих "критиках", если это касалось принципиальных для науки вопросов и чести его коллег. В 1891 году он стал на защиту правоты Н.Я. Марра, опубликовавшего рецензию на книгу Томсона "Историческая грамматика современного армянского языка города Тифлиса», и, со свойственной ему строгой аргументацией и тщательностью, доказал несостоятельность этой книги. А в 1909 году он, вместе с группой академиков – В. Радловым, И. Янжулом, П. Коковцовым, М. Дьяконовым и В. Латышевым – обратился к Общему Собранию ИАН с Запиской об ученых трудах Николая Яковлевича

Марра, в которой дана сильная развернутая характеристика научных достижений ученого для представления его к избранию в адъюнкты по литературе и истории Азиатских народов. Приложен и список печатных: работ Н.Я. Марра.

С той же последовательностью К.Г. Залеман раз за разом представляет к напечатанию серию текстологических исследований Оскара фон-Лемма, ученого хранителя Азиатского Музея под названием "Мелкие заметки по коптской письменности" (*Kleine Koptische Studien*), которую, вероятно, сам курировал. Эта серия печаталась с начала века до 1914 г. К.Г. Залеман рекомендовал и другие работы Оскара фон-Лемма (коптский текст Мучения Святого Виктора и Святой Стефаниды, 1905; отрывки коптских актов мучеников, 1912).

Настойчиво, на протяжении многих лет, опекал он и З.К. Пекарского, зачинателя якутской лексикологии и лексикографии.

Мы знаем о прямых учениках К.Г. Залемана, которых назвала в своей персоналии А.Г. Периханян: Ф.А. Розенберг, А.А. Ромаскевич, Л.Ф. Богданов, М.С. Андреев, В.А. Иванов, И.И. Зарубин, А.А. Фрейман и др.¹⁷ Иллюстрацией к тому, как бережен он был к росткам научных дарований, является его выступление на заседании ИФО 20 февраля 1902 г., когда он ввел в иранистику новое имя: Михаила Степановича Андреева, дав блестящий отзыв о его первом исследовании таджикского языка. Констатируя значительный пробел - отсутствие научных сведений о наречиях таджикских племен Средней Азии и отмечая первые шаги изучения их – работу А.А. Семенова, К.Г. Залеман благословляет начинания молодого ученого, "к чьим записям специалисты могут относиться с полным доверием. Уроженец края, он отлично владеет как сартовским, так и таджикским языком".¹⁸ Он очерчивает все основные этапы научных изысканий М.С. Андреева, спектр его исследований – языки и говоры горных таджиков (шугнанский, дарвазский, каратегинский, ишкашимский, ваханский, хуфский). С высочайшей доброжелательностью К.Г. Залеман рассказывает, как поощрял

с самого начала поиски М.С. Андреева, «блестящие результаты которых не могут не обрадовать сердца ираниста», и заключает, что ему, наконец, «удалось одолеть его скромность и убедить его, не останавливаясь перед надеждою на пополнение и усовершенствование собранных материалов, приступить к приготовлению их к печати. Мы решили начать с Дарваза».

Последовало продолжение. В 1908 г. академик К.Г. Залеман представил к печати работу М.С. Андреева и А.А. Половцова "Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. I. Ишкашим и Вахан".¹⁹ И еще один пример заботы К.Г. Залемана о начинающих ученых: в 1909 г. в Известиях ИАН был напечатан доклад Комиссии по присуждению наград и пособий действительного студента А.М. Кожевникова на ученые предприятия в 1909 г.²⁰ Среди подписей членов Комиссии на первом месте стоит подпись академика К.Г. Залемана. Речь идет об указателе к санскритскому словарю, изданному проф. И.П. Минаевым. Работа над указателем, незавершенным из-за смерти проф. Минаева, была поручена Н.Д. Миронову. В течение двух лет он вел "упорную и кропотливую работу проверки указателя и переиздания текста с привлечением двух новых рукописей Азиатского Музея, которыми не мог воспользоваться И.П. Минаев. Было бы справедливым, - говорится в докладе, - присудить пособие Кожевникова за 1909 год, в сумме 900 руб., Н.Д. Миронову за произведенную им работу в области индийской лексикографии (подписан: академик К.Г. Залеман, Вице-Президент ИАН П.В. Никитин, В.В. Латышев и Непременный Секретарь С.Ф. Ольденбург).

Замечателен в этом аспекте еще один документ: Доклад К.Г. Залемана как председателя Комиссии по вопросу о каталогизации находящихся в Санкт-Петербурге восточных рукописей, зачитанный на заседании ИФО 12 марта 1914 г., к которому приложены предложения Комиссии. Приведу лишь второй пункт:

"2) Обратиться к Императорской Публичной Библиотеке и Факультету Восточных языков Императорского Санкт-

Петербургского Университета с просьбой назначить своих представителей в Комиссию, избранную Академией Наук, при чем в обращении к Императорской Публичной Библиотеке указать на необходимость прежде всего составить описание находящихся в библиотеке арабских рукописей и на возможность поручить эту работу приват-доценту И.Ю. Крачковскому" (подписан: К.Г. Залеман, И.Я. Марр, В.В. Бартольд. К протоколу присоединились академики В.В. Радлов, С.Ф. Ольденбург и П.К. Коковцов).²¹

III

Третья линия деятельности академика К.Г. Залемана связана с экспедициями. Сюда можно отнести его многочисленные командировки в заграничные востоковедные центры, где он черпал и пополнял материалы своих исследований, и его личные экспедиционные поездки. Эта грань хорошо рассмотрена А.Г. Периханян. Но изученные нами материалы подсказали, что здесь можно выделить еще один аспект: прямое деятельное участие ученого в организации экспедиций.

В отчете АН за 1890-91 гг. мы находим сведение о том, что результаты Монгольской археологической экспедиции – открытие древнего города Каракорума и обнаруженные в его окрестностях памятники с надписями VIII века – побудили Академию озаботиться исследованием бассейна р. Орхон как древнейшего центра культурных стремлений в Северной Азии, находящегося вблизи наших южно-азиатских границ.

По представлению академиков В.В. Радлова, В.П. Васильева, К.Г. Залемана и бар. В.Р. Розена Академия снарядила экспедицию, в задачи которой входило составить карту исследуемых местностей с точным обозначением всех развалин памятников и древних могил, находящихся на этой территории; составить подробные планы отдельных развалин и кладбищ; снять рисунки и фотографии с древних городов, строений и памятников; изготовить точные снимки всех надписей, какие оказались бы на памятниках...; предпринять, где обстоятельства

позволят, раскопки на развалинах и кладбищах и собрать найденные там древности.

В Приложении к протоколу заседания ИФО от 9 января 1891 г. напечатана Записка академиков по этому поводу.

Научные результаты экспедиции имели поистине непреходящее значение для развития и последующих перспектив отечественного востоковедения и одной из главных его ветвей – тюркологии.

К.Г. Залеман приложил руку и к организации другой, не менее важной научной экспедиции – турфанской как член комиссии, представившей докладную записку Конференции АН о желательности снарядить экспедицию после того, как С.Ф. Ольденбург доставил фрагменты рукописей, найденных путешественником В.И. Роборовским в развалинах буддийского монастыря близ Турфана. Вслед за этим академик В.В. Радлов обратился в Конференцию АН с указанием на важность историко-археологического исследования этого района.

Комиссия под его председательством, в состав которой вошли К.Г. Залеман и бар. В.Р. Розен, определила задачи исследования: осмотр Тойок Мазара – местности, где П.К. Козловым и В.И. Роборовским были найдены фрагменты рукописей; собирание и приобретение рукописей и древностей у местных жителей; ближайший осмотр развалин и древностей соседних местностей на Идыгот Шари; посещение и осмотр других местонахождений древностей настолько, насколько позволит время.

Исполнение этих работ комиссия поручила известному по своим экспедициям в Монголии хранителю Музея Антропологии и Этнографии Д.А. Клеменцу. В состав отряда вошли его жена Е.Н. Клеменец, командированная от Ботанического сада для ботанических сборов, и переводчик М.С. Андреев.

IV

И, наконец, четвертая линия, четко отраженная в извлечениях из протоколов Общего Собрания и ИФО АН, – это активная сопричастность академика К.Г. Залемана к междуна-

родной деятельности и контактам Российской АН. Мы обнаружили некоторые факты, которые дополняют внушительную картину этой стороны деятельности К.Г. Залемана, кратко очерченную в его автобиографической заметке²² и объемно – в работе А.Г. Периханян.²³

Интересен для востоковедов некоторыми деталями по изданию восточных памятников и ориенталистических исследований, в частности упоминанием доклада проф. де Гье по Энциклопедии Ислама, совместный доклад академиков К.Г. Залемана и А.С. Фаминцына по II Общему Съезду Международного Союза Академий, зачитанный на Общем Собрании ИАН 5 февраля 1905 г.²⁴

К.Г. Залеман принимал самое деятельное участие в мероприятиях Международного Союза Академий, в организации Бюро этого Союза, возглавлял многие благие начинания по укреплению международных связей, способствовал всячески расширению состава Союза. Так, в 1913 г. он выступил на заседании Общего Собрания ИАН с настоянием принять в число членов Международного Союза Академий Королевского Общества Эдинбурга и *Societas Scientiarum Fennica*.²⁵

Российская Академия и ведущие ее члены, в том числе К.Г. Залеман, приложили самые энергичные усилия к изданию полного собрания сочинений великого математика Леонарда Эйлера в ознаменование его 200-летнего юбилея. В 1908 году предпринятое начинание затормозилось из-за категорического отказа Берлинской Академии. Созданная в этих целях специальная комиссия из авторитетнейших русских ученых – в состав ее входил и академик К.Г. Залеман – была распущена. Но из мелькающих на страницах "Известий ИАН" сообщений явствует, что дело это не брошено, что русские ученые продвигают его, стараясь привлечь к изданию полного собрания сочинений Эйлера европейскую общественность. Возобновила свою работу и специальная комиссия АН. За сжатыми сообщениями по этому вопросу чувствуется напряженность длительных переговоров, пока дело не было доведено до победного

конца (1909). В этих материалах, наряду с другими замечательными именами, постоянно фигурирует и имя академика К.Г. Залемана, что неоспоримо подтверждает его международный авторитет.

О широте его международных связей свидетельствуют и помещенные за его подписью в "Известиях" некрологи (Бюлер, 1898; Биленштейн, 1908; Мартене, 1909 и др.) и его представления в члены-корреспонденты Императорской Академии Наук зарубежных ученых, известных в востоковедном мире (Иосиф Галеви, Рокуэл Лэнман, Грюнведель, Мейер, Гвиди).

Собранные документальные данные помогают еще полнее представить черты личности К.Г. Залемана, отмеченные его современниками и последующими исследователями его наследия и несколько по-новому, иначе проясняют его облик. Он не был сугубо книжной душой, хотя книги были его главной страстью. Не был он и ученым сухарем, целиком погруженным в свои штудии и научные заботы. Да, он был истинным подвижником науки, преданным ей безраздельно, строжайше требовательным как к себе, так и к другим. Во всем и всегда он оставался верен себе, чести и долгу ученого. Многие отмечали его педантизм, но это был педантизм, без которого немыслим любой поиск в науке. Непримируемый к малейшей небрежности в научном труде и радостно приветствовавший все новое, полезное, хорошо сделанное, он своей тщательностью и скрупулезностью закладывал основу одной из сильнейших традиций, отличающей Петербургскую школу востоковедения.

И человеческие привязанности и пристрастия вовсе не были чужды ему, однако, складывались и определялись они, прежде всего, отношением человека к своему делу. Печатные документы доказывают это по всем параметрам.

И еще один штрих – К.Г. Залеман очень заботился о своих сотрудниках по библиотеке и Музею. Это видно по целому ряду представлений и сообщений. Вот яркий пример: в 1908 г., на заседании Общего Собрания ИАН, 19 января, ака-

демик Залеман сообщил о скоропостижной кончине старшего помощника библиотекаря Второго Отделения библиотеки Оскара Фердинандовича фон-Галлера, последовавшей (11) 24 декабря 1907 г.: "В лице Оскара Фердинандовича, – сказал К.Г. Залеман, – Библиотека потеряла сведущего, всесторонне образованного библиотекаря, в течение многих лет неутомимо трудившегося в ее пользу. Память его будет дорога... для Библиотеки, горячее сочувствие покойного к интересам которой выразилось в завещании ей большей части собранных им книг. С согласия родных... было отобрано для Библиотеки около 200 томов самого разнообразного содержания...".²⁶ Далее идет перечисление по специальностям и библиографической ценности и следом - представление на освободившееся место младшего библиотекаря Готлиба Федоровича Гансена, состоящего при Библиотеке с 1897 г.

Как показателен своей обстоятельностью этот документ для Карла Германовича Залемана и сколько в нем грустной сердечной теплоты. Это сообщение помогает разгадать Тихую улыбку на одном из редких сохранившихся портретов К.Г. Залемана, приложенному к некрологу в его честь, увидеть в ней неброскую затаенную доброту.

¹ Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии Наук. – Петроград, 1915. – Часть первая. А-Л. – С. 293-298.

² Бартольд В.В. Карл Германович Залеман (1849-1916) // ЗВОРАО. – 1917. – Т. 24. – С. 237-258.

³ Ольденбург С.Ф. Карл Германович Залеман: 28 декабря 1849 - 30 ноября 1916 г.: Некролог // Изв. ИАН. – 1917. – С. 281-286.

⁴ Периханиян А.Г. Карл Германович Залеман // Очерки по истории русского востоковедения. – М., 1959. – Сб. 4. – С. 79-115.

⁵ Ольденбург С.Ф. Карл Германович Залеман как библиотекарь // Библиографические материалы, собр. в 1913 - 1916 гг. / Под ред. Э.А. Вольтера. – Пг. – 1918. – Вып.2. – С.7-10 (63-66).

⁶ Пумпян Г.З. К.Г. Залеман – востоковед и библиотекарь БАН // Сб. статей к 280-летию Библиотеки РАН. – СПб (в печати)

-
- ⁷ Изв. ИАН. – 1904. – V сер. – Т. 21. – № 3. – С. OV-OVI
- ⁸ Записки ИАН – 1890 – Т. 62. – С.75-76/
- ⁹ **Периханиян А.Г. Карл Германович Залеман – С. 91.**
- ¹⁰ Изв. ИАН. – 1898. – V сер. – Т. 8. – № 1. – С. VI-VIII.
- ¹¹ Изв. ИАН. – 1904. – V сер. – Т. 21. – № 5. – С. OXVIII
- ¹² Изв. ИАН. – 1908. – VI сер. – Т. 2 - 1. – № 1. – С. 23-24
- ¹³ Изв. ИАН. – 1913. – VI сер. – Т. 6 - 2. – № 16. – С. 896-897
- ¹⁴ Изв. ИАН. – 1909. – VI сер. – Т. 3 - 2. – № 14. – С. 930
- ¹⁵ Изв. ИАН. – 1913. – VI сер. – Т.7. – № 11. – С. 584
- ¹⁶ Отчет ИРГО за 1887 г. / Сост. А.В. Григорьев. – СПб, 1888. – С.1-3 – Оттиск
- ¹⁷ **Периханиян А.Г. Карл Германович Залеман – С. 82**
- ¹⁸ Изв. ИАН. – 1902. – V сер. – № 5. – С. X-XI
- ¹⁹ Сб. Музея Антропологии и Этнографии. – Изв. ИАН. – 1908. – VI сер. –Т. 2 - 1. – № 6. – С. 463
- ²⁰ Изв. ИАН. – 1909. – VI сер. – Т. 3 - 1. – № 4. – С. 241
- ²¹ Изв. ИАН. – 1914. – VI сер. – Т. 8 - 1. – № 10. – С. 647
- ²² Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии Наук.– С. 294-295.
- ²³ **Периханиян А.Г. Карл Германович Залеман – С. 107-108, 112-115**
- ²⁴ Изв. ИАН. – 1905. – V сер. – Т. 22. – № 2. – С. XV-XVIII
- ²⁵ Изв. ИАН. – 1913. – VI сер. – Т. 7 - 2. – № 16. – С. 880
- ²⁶ Изв. ИАН. – 1908. – VI сер. – Т. 2 - 1. – № 4. – С. 331

Г.В. Длужневская
Институт Истории Материальной Культуры РАН
Санкт-Петербург

Материалы востоковедческих экспедиций в фотоархиве Института истории материальной культуры РАН

Фотографии как виду искусства и методу исследования — 160 лет. Она родилась во Франции в 1839 году и сразу же начала завоевывать мир, хотя использование ее в качестве полноценного объективного исторического источника по существу только начинается. Интересно, что документы первых лет истории фотографии, замечательного открытия французов Жозефа Нисефора Ньепса и Жака Манде Дагерра, англичанина Фокса Толбота, следует искать не во Франции, а в Санкт-Петербургском архиве Российской Академии наук¹.

Фотоархив Института истории материальной культуры, единственный специализированный фотоархив в системе Российской Академии наук, существует фактически с 1859 г., со времени учреждения Императорской Археологической комиссии, а первая фотография датируется 1853 г. (Пантелеймоновский мост в Петербурге).

Тема моего сообщения — фотографические материалы экспедиций востоковедов. Экспедиция — это и путешествие с научной, исследовательской целью, и отправка группы лиц, отряда в отдаленную местность, страну с какой-либо специальной целью, специальным заданием, и коллектив, группа лиц, совершающих такую поездку. Экспедиции востоковедов, со-

гласно материалам из фотоархива, имели самые разные цели: поиск и фиксация древних рукописей, фиксация памятников архитектуры, но чаще это были этнологические экспедиции, имевшие целью изучение общих закономерностей развития культуры, особенностей формирования национальной психологии и культуры, специфических особенностей наций и народностей.

В фотоархиве отложились материалы, связанные с востоковедческими экспедициями, начиная с середины XIX века и до 1937 года. Нередко подобные материалы привозили из экспедиций представители других специальностей.

Перечислю некоторые материалы, в том числе и представленные на фотовыставке к 100-летию Русского Императорского общества востоковедов.

Светопись артиллерии подпоручика Антона Степановича Муренко, бывшего фотографом в составе дипломатической миссии полковника Н.П. Игнатьева в 1858 г. — от Оренбурга в Хиву и Бухару. Материалы происходят из собрания Великих Князей Константина Николаевича и Константина Константиновича. Некоторое объяснение богатству коллекции в библиотеки Мраморного дворца можно найти в том, что генерал-адмирал Константин Николаевич был председателем Русского Географического общества. В 1860 г. А.С. Муренко за этот альбом получил серебряную медаль и, видимо, преподнес экземпляр Великому Князю. Миссия в составе 117 человек отправилась из Оренбурга 15 мая 1858 г. При миссии было пять гражданских лиц, в том числе иранист П.И. Лерх. Ее путь лежал через Хиву и Бухару с возвращением через форт № 1 на Сырдарье. В распоряжение миссии был предоставлен отряд Аральской флотилии под начальством капитана 1 ранга А.И. Бутакова. С пароходом “Перовский” и сопровождавшей его баржей Бутаков достиг города Кунграда, после пребывания в этом городе он спустился обратно к устью Улькун-Дарьи, а затем в сентябре вернулся на стоянку Аральской флотилии в форте № 1. Наиболее полное описание миссии — в книге пол-

ковника Игнатьева,² а все рукописные документы по миссии отложились в архиве Военно-морского флота.

В альбоме 28 фотографий, в том числе снимки Оренбурга и Кунграда, парохода "Перовский", но более всего снимков, как тогда говорили, — типов местного населения: табынцев и казахов, хивинцев, пленных русских. Мы видим яркий пример вклада в российской востоковедение не только самих ориенталистов, но и военных, и российских моряков.³

Следующие по времени снимки относятся к археологическому, этнографическому и промысловому разделам "Туркестанского альбома", составленного ориенталистом (иранистом) Александром Людвиговичем Куном в 1871-72 гг. по распоряжению первого губернатора Туркестанского края генерала К.-П. Кауфмана. Этот альбом — энциклопедия Туркестанского края: виды городов, отдельных строений, быта местного населения, торговли, народных гуляний и так далее.

Уникальны фотографии русской учено-торговой экспедиции в Китай 1874-75 гг. (160 ед.). Небольшой отряд под руководством капитана Генштаба Ю.А. Сосновского прошел от Кяхты через Маймачин и Калганские ворота в Великой Китайской стене, зафиксировал ряд памятников Пекина и, возвращаясь Великим Шелковым путем, который еще и не был так назван, уделил внимание данной территории, народам ее населявшим, их обычаям и экономике региона.⁴ С материалами экспедиции Ю.А. Сосновского перекликаются фотографии, сделанные сибирским фотографом В.В. Ланиным, совершившим в 1875-76 гг. путешествие — от Иркутска до Кяхты вокруг Байкала и по рр. Шилке и Амуру до Николаевска (собрание Великих Князей Константина Николаевича и Константина Константиновича).

"Виды и типы Западной Сибири" — Любовь Полторацкая в 1876 г. участвовала в поездке по Семипалатинской области: в альбоме снимки Семипалатинска, Белухи, Катунь, типов местного населения (от семьи султана до джезаков-нищих) и казаков. Материалы также отложились в библиотеке Мрамор-

ного Дворца, в собрании Великих Князей Константина Николаевича и Константина Константиновича.⁵

В фонде Императорской Археологической комиссии отложились материалы, связанные с археологическими работами и поездками востоковедов: тюрколога Василия Дмитриевича Смирнова в Крым в 1886 г.; ираниста Валентина Алексеевича Жуковского в Анау, Мерв, Меану в 1890 и 1896 гг. Во время командировок в Персию в 1883-86 и 1889 гг. он работал по овладению разговорной персидской речью и сбору языковых, литературных и этнографических материалов. Особую ценность представляет фольклорный материал: записанные в оригинале народные романсы, свадебные и колыбельные песни, загадки, стихотворные присказки, песни погонщиков и т.д. С русским переводом и словарем редких слов они составили фундаментальное издание, отмеченное по выходе большой золотой медалью Русского географического общества. Основным предметом научных изысканий после его поездок в Персию стало изучение религиозной жизни персидского народа в прошлом и настоящем. Жуковского можно считать первым русским специалистом по изучению мусульманской Персии.

Ему принадлежит археологическое исследование о развалинах древнего Мерва — “Древности Закаспийского края”, увидевшее свет в 1894 г. Археологическое общество удостоило его за эту работу большой золотой медали в 1896 г. В.А. Жуковский совершил поездку в Мерв в 1890 г. на средства Археологической комиссии. После Мерва летом того же года он совершил поездку в Хорасан, для осмотра Мешхеда и Туса. Второй раз он побывал в Закаспийской области с археологической целью в 1896 г., снова на средства Археологической комиссии. И та, и другая поездки нашли свое отражение в серии фотографических снимков, сохранившихся в фотоархиве.

Востоковед для востоковедов, археолог для археологов — Николай Иванович Веселовский — в фотоархиве материалы его работ в Самарканде и Шахрисябзе в 1895-98 гг.; более 500 фотографий по Центральной Азии художника, путешественни-

ка, этнографа, археолога, музейного работника Самуила Мартыновича Дудина.

Василий Владимирович Бартольд, вспоминая о Дудине, писал: “Превосходный фотограф, С.М., может быть, несколько преувеличивал значение фотографической регистрации в деле изучения и охраны памятников. Председатель комитета (*имеется в виду Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии* — Г.Д.) В.В. Радлов вполне разделял увлечение С.М.; В.В. Радлову казалось, что фотографическая регистрация не только сохранит для науки то, что подвергалось опасности разрушения, но даст возможность привлекать к ответственности людей, по небрежности или злонамеренности которых происходили разрушения; казалось, что фотография значительно облегчит контроль и даст возможность при осмотре здания точно установить, какие разрушения произошли со времени изготовления снимка. Как средство контроля фотография едва ли могла быть использована, так как едва ли было возможно обязать сторожей зданий следить за каждым, даже самым мелким разрушением, которое могло быть установлено только фотографией. Не все члены Комитета разделяли и увлечение фотографией как источником для научного изучения построек; некоторым казалось, что не меньшее значение имели и этюды в красках, чертежи и т.п., хотя, конечно, всеми признавалось, что фотографические работы могут быть только дополнены, но не заменены другими”.⁶ Для комитета С.М. Дудиным были выполнены две командировки в Самарканд с целью подробной фотографической регистрации местных архитектурных памятников — в 1905 и 1908 гг.; фотографированию подлежали все архитектурные детали, в том числе изразцы и мозаики. Работы 1905 г. посвящены мавзолеям Шах-и Зинда, работы 1908 г. — большому числу построек.

Несмотря на то, что В.В. Бартольд относился к фотографии довольно скептически, в архиве сохранились снимки, сделанные во время археологических раскопок в 1904 г. на Афрасиабе. Сам В.В. Бартольд отмечал, что испытывает значи-

тельно большее удовольствие от изучения древних рукописей, чем от археологических раскопок.⁷

Снимки военных, фотографов-любителей и профессионалов, посетивших или работавших в 1890-х годах в Центральной Азии: Г.А. Панкратьева, В.Ф. Козловского, "Виды Самарканда и его окрестностей" И. Введенского, А.Г. Полякова, Н.П. Петровского, Д.И. Ермакова, Ф. Ордэ и П. Надара.⁸

Отмечу еще некоторые материалы по Востоку и экспедициям востоковедов:

"Восточное серебро" (полный комплекс негативов и фотографий к атласу Я.И. Смирнова) и, в целом, фонд Якова Ивановича Смирнова.

Альбом экспедиции 1873-74 гг. Г. Рольфса в Ливийскую пустыню (ландшафты и археологические памятники), поступивший из Ленинградского Государственного Музейного фонда.

550 снимков привезены академиком Н.П. Кондаковым из поездки в Македонию, совершенной на рубеже XIX–XX вв. Снимки делали спутники Н.П. Кондакова приват-доцент П.Н. Милюков, архитектор П.П. Покрышкин и художник-фотограф Д.А. Крайнев. По прибытии в Стамбул Д.А. Крайнев сфотографировал приморские стены города, бухту Золотой Рог, мечеть Фетхие-Джами. В Салониках были весьма подробно сняты гавань, набережные, улицы, предместья города, а также храмовые комплексы (внешние и внутренние виды).

Типы народов Центральной Азии, Кавказа, Ирана; Саяно-Алтая в снимках Ф. Ордэ и Д.И. Ермакова в фонде архитектора Н.В. Султанова.

На Кавказе с 1890-х годов работали Н.Я. Марр и И.А. Орбели. Около 2000 снимков по Закавказью конца XIX в. (типы населения, занятия, праздники) сохранилось в личном фонде Н.Я. Марра. В этом же фонде материалы учеников и сподвижников Н.Я., например, материалы поездки 1911-12 гг. И.А. Орбели в Мокс.⁹

Фотоархив Института истории материальной культуры Российской Академии наук фактически существует с 1859 года, когда Император Александр II подписал распоряжение о создании Императорской Археологической комиссии, коллекция фотографий и негативов которой легла в основу собрания фотоархива. ИАК существовала до 1917 г. В начале августа 1919 года востоковеды, археологи, искусствоведы, собственно члены бывшей ИАК, собрались на Первую Всероссийскую конференцию археологов. Археологическая комиссия была преобразована в Российскую Академию истории материальной культуры (РАИМК). Ее председателем единогласно был избран Николай Яковлевич Марр, а ученым секретарем — Иосиф Абгарович Орбели. Во время конференции основатели РАИМК сфотографировались во дворе Зимнего Дворца. Этот диапозитив размером 30 x 40 см, а его автором является фотограф И.Ф. Чистяков, сохранился в фондах архива. На коллективном портрете — востоковеды В.В. Бартольд, С.Ф. Ольденбург, А.А. Васильев, Н.Я. Марр, Н.П. Лихачев, И.Ю. Крачковский, искусствоведы И.Э. Грабарь, Н.П. Сычев, археологи братья Б.В. и М.В. Фармаковские и многие другие ведущие ученые России.

Структура новорожденной Академии складывалась в течение ряда лет. В середине 1920-х гг. в Ленинграде работали три отделения: 1) археологическое под председательством В.В. Бартольда (включало 11 разрядов, изучавших древние культуры Востока, Эллады и Рима, Скифии и Сарматии, раннего христианства и Византии, Дальнего Востока, Армении и Грузии, мусульманского мира, Средней Азии и др.); 2) этнологическое под председательством А.А. Миллера с 5 разрядами: палеоэтнологии, этнической антропологии, этнографии, археологии Кавказа и яфетического мира; 3) в художественно-историческом отделении существовал разряд греко-римского искусства (Б.В. Фармаковский, Б.Л. Богаевский и др.). Исходя из структуры РАИМК, становится понятным, почему в архиве такое разнообразие материалов, связанных с Востоком. В ведении Академии находились Общество поощрения художеств

и Комитет популяризации художественных изданий, в фонде которого также имеются материалы по Востоку.

В годы существования РАИМК и ГАИМК было организовано достаточно много экспедиций и поездок, связанных с работами по реставрации памятников Ашхабада, Самарканда и Бухары (мавзолей Исмаила Самани и цитадель), обследованием архитектурных памятников Крыма и Казахстана. С 1926 г. начались регулярные исследовательские работы А.Ю. Якубовского в Средней Азии и Казахстане. В 1929 г. архитектор К.К. Романов совершил поездку в Казань для обследования стен Кремля. Туркестанская экспедиция (начальник А.П. Удаленков) производила обмер и изучение памятников Бухары и мавзолеев Шах-и Зинда в Самарканде. На Кавказе в составе Дагестанской этнолого-лингвистической и художественно-археологической экспедиции работали Н.Б. Бакланов и А.С. Башкиров, занимавшиеся обмером и зарисовками стен древнего Дербента. Практически все эти материалы отложились в фондах фотоархива, также как и материалы работ Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова и Монгольской экспедиции Академии Наук 1925–26 гг. под руководством Г.О. Боровка. В 1930-е гг. сотрудники ГАИМК работали, в том числе, в Башкирии и на Северном Кавказе, в Армении и Дагестане, в Крыму и Сибири, в зонах строительства Нуринской и Амурской ГЭС. А.Н. Бернштам, пришедший работать в ГАИМК как этнограф — в 1930 г. совершил экспедицию в Туркмению и Степной Крым. Хочу отметить, что А.Н. Бернштам, пожалуй, единственный исследователь, который производил работы на всех отрезках Великого Шелкового пути в пределах Средней Азии.¹⁰

Примечательно, что в те годы просветительская работа ученых — археологов, востоковедов — находилась на весьма высоком уровне. Материалы не только собирались в архивах, но и представлялись публике. Например, в 1927 г. была организована огромная выставка результатов работ РАИМК-ГАИМК за 1919-1927 годы. В Зале VI Разряд археологии и ис-

кусства Средней Азии выставил планы, тончайшие акварели и фотографии мавзолеев Шах-и Зинда и Узгена, являвшиеся результатами командировок с целью составления общего свода памятников архитектуры Средней Азии. В 1931 г. в Лондоне работал II Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Советская делегация демонстрировала выставку материалов персидского искусства: экспонаты — Сасанидские золото и серебро, драгоценные изделия ювелирного искусства XVII в. из Персии — оказались наиболее значительными и вызвали сенсацию своей уникальностью. В мае 1932 г. на выставке при Всероссийском археолого-этнографическом совещании были продемонстрированы материалы Северо-Кавказской, Юго-Восточной, Таманской, Эски-Керменской экспедиций и командировки Б.Б. Пиотровского в 1930 г. в Армению, проведенной с целью изучения циклопических крепостей и древних поселений.¹¹

В 1937 году ГАИМК преобразована в Институт истории материальной культуры АН СССР — и здесь пути востоковедов и археологов разошлись. ИИМК АН СССР просуществовал до 1959 года. В 1959 г. (к столетию Императорской Археологической комиссии) — новое переименование — в Институт археологии АН СССР с центром в Москве. Переименования привели и к сужению круга задач — основным профилем деятельности стала археологическая наука. В середине 1992 г. ленинградская часть Института археологии выделилась в самостоятельный институт с возвращением ему исторического имени — Институт истории материальной культуры РАН (ИИМК РАН).

Возвращение названия позволило расширить рамки комплектования.

В последние годы в фотоархив поступили фотографии и негативы художника И.Я. Билибина, касающиеся его поездок в Иерусалим, Сирию, Палестину и Египет.¹²

В настоящее время в фотоархиве ИИМК РАН более миллиона единиц хранения (негативы и фотографии и 8 кино-

фильмов). В России и, в целом, Европе — это одно из наиболее крупных хранилищ, в котором собраны фотографии 1840–1999 годов. Фотовыставка, подготовленная на материалах фотоархива ИИМК РАН и посвященная 100-летию Русского Императорского общества востоковедов, не могла включить все фотодокументы, отложившиеся в архиве, но могла бы послужить основой создания альбома “История отечественного востоковедения в фотодокументах”.

-
- ¹ Документы по истории изобретения фотографии. Переписка Ж.Н. Ньепса, Ж.М. Дагерра и других лиц // *Труды Архива АН СССР*. - Вып. 7. - М.: Л., 1949.
- ² Игнатъев Н.П. Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. флигель-адъютанта, полковника Н. Игнатъева. – СПб., 1897
- ³ Девель Т.М. Альбом фотографий миссии полковника Н.П. Игнатъева в Хиву и Бухару 1858 года // *Страны и народы Востока (география, этнография, история, культура)*. - Вып. 28. - СПб., 1994. - С. 259–271.
- ⁴ China // Series ed.: Vitaly Naumkin. Compiler: Andrey V. Subbotin. Introduction: Galina V. Dluzhnevskaya. - Garnet Publishing limited. - 1992. - 159 p.
- ⁵ Длужневская Г.В. Фотографии из Мраморного дворца: собрание генерал-адмирала Константина Николаевича и августейшего президента Академии наук Константина Константиновича // *Петербургская Академия наук в истории академий мира. К 275-летию Академии наук*. - Материалы Международной конференции. - СПб., 1999. - Т. 2. - С. 286–308.
- ⁶ Бартольд В.В. Воспоминание о С.М. Дудине // *Сочинения*. - М., 1977. - Т. 9. - С. 773–778.
- ⁷ Длужневская Г.В. Неопубликованные материалы археологического наследия В.В. Бартольда // *Бартольдовские чтения. 1987. Год 8*. - М., 1987. - С. 111–112.
- ⁸ Samarkand // Series ed.: Vitaly Naumkin. - Garnet Publishing limited. - 1992. - 159 p.
- ⁹ Девель Т.М., Томес Т.Б. Собрание Н.Я. Марра в фотоархиве ЛОИА АН СССР // *Историко-филологический журнал*. - Ереван, 1971. - № 3. - С. 289–295.
- ¹⁰ Длужневская Г.В. Материалы А.Н. Бернштама в собрании фотоархива Ленинградского отделения Института археологии АН СССР // *Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня*. - Бишкек, 1995. - С. 231–239.

-
- ¹¹ Длужневская Г.В. Деятельность РАИМК — ГАИМК: 1919–1937 гг. // *Материалы конференции "Археология и социальный прогресс"*. - М., 1991. - Вып. 1. - С. 31–44.
- ¹² Длужневская Г.В. Комплектование и научно-просветительская деятельность фотоархива ИИМК РАН в 1986–1996 гг. // *Новые исследования археологов России и СНГ. Материалы Пленума ИИМК РАН 28–30 апреля 1997 г.* - СПб., 1997. - С. 146–150.

В.А. Дмитриев
Российский этнографический музей.
Санкт-Петербург.

Романовы как собиратели коллекции по этнографии народов Кавказа в Российском этнографическом музее

14 апреля 1895 г. император Николай II подписал Именной Высочайший Указ «Об учреждении Особого Установления» под названием Русского Музея Императора Александра III. В Положении о Русском музее, утвержденном в 1897 г., было утверждено деление музея на три отдела (посвященный специально памяти Императора Александра III, Художественный, Этнографический и художественно-промышленный), было определено, что «управляющий музеем назначается Высочайшим Именным Указом и непременно должен быть членом Императорского дома». Управляющий также должен был быть членом Академии Художеств. Первым управляющим Русского музея был назначен Великий Князь Георгий Михайлович. Все говорит о том, что правящая династия России рассматривала новый музей как собственное фамильное мероприятие.

Русские цари, т.н. «последние Романовы» и Великие князья, в число которых входили потомки Николая I, внесли свой вклад в формирование коллекции Российского этнографического музея, как ныне называется Этнографический отдел Русского музея Александра III. За императорский период, с 1902 по 1917 гг., была собрана почти одна треть экспонатов

музея. Большая часть их поступила в музей благодаря деятельности его сотрудников, работавших во многих экспедициях. Но не следует забывать, что финансирование поступлений, особенно, внеочередное, осуществлялось Министерством Двора, и часто из личных средств членов царствующего Дома. Сами Романовы были активными коллекционерами различных предметов искусства, среди которых встречались и этнографические изделия. Их коллекции приходили в музей и по личной инициативе владельцев, а после февральской и октябрьской революции и как реквизированные ценности. Многие из ценных экспонатов были переданы в другие музеи, многие, к сожалению, были исключены из числа музейных предметов, и их дальнейшая судьба неизвестна.

Сказанное в полной мере распространяется на те вещи, которые были результатом работы мастеров народов Кавказа, и вошли в собрание Российского этнографического музея через руки членов императорской семьи России. В данной работе мы имеем возможность остановиться на тех вещах, которые являются в настоящий момент частью собрания музея. При том, что они составляют явно небольшую выборку из тех коллекций, в которые они когда-то входили, все они достаточно показательны, чтобы судить о взглядах части высокообразованной элиты общества в начале века на то, что мы сейчас называем «этнографическим музейным предметом».¹ Всего кавказские вещи, попавшие в РЭМ благодаря Романовым, насчитывают около 160 единиц музейного учета.

Самыми ранними по времени сбора являются предметы, связанные с именем Великого Князя Михаила Николаевича.² В РЭМ, по иронии судьбы, они попали позднее всех остальных, так вошли в собрание музея только после 1848 г., когда была передана часть коллекций бывшего музея Народоведения в Москве. При сложении Музея Народоведения в его состав вошел один из старых музеев России – Румянцевский музей в Москве. В Румянцевский музей В.К. Михаил Николаевич передал переданный впоследствии в РЭМ комплекс одежды рядо-

вой аварской женщины. Поскольку предположить, что данный комплекс мог явиться подарком мужчине столь высокого социального ранга, абсолютно невозможно, остается считать, что в данном случае сам Великий князь или кто-то из его приближенных выступил собирателем типичного бытового образования. Женский костюм, при этом и не сопровождаемый украшениями, естественно, не мог находиться в коллекциях парадных комнат княжеского дворца, и поэтому был передан в музей в Москве. Очевидно, приобретение костюма могло иметь место в 1962-65 гг., когда Михаил Николаевич был Наместником на Кавказе в то время. Когда для России завершилась победой длившаяся с начала века война за завоевание Северного Кавказа и Дагестана. Свидетельства современников представляют фигуру Наместника как администратора, требовавшего от российских военных и гражданских чиновников на Кавказе внимания к местным нравам и обычаям, как условия управления покоренным краем.³ В деятельности Михаила Николаевича, как и в факте поступления бытовых вещей в этнографические музеи от знатных коллекционеров, можно увидеть отражение утверждавшегося в интеллектуальных кругах общества стремления к познанию «души народа». Тезис о существовании «души народа» был оформлен позднее учеными Германии в манифесте Лацаруса-Штейталя и в многотомной «Психологии народов» В. Вундта. Последний утверждал, что одним из инструментов ее познания должно быть изучение предметов народной культуры.⁴ На данном примере можно убедиться в том, что практика сложения музейных коллекций в состоянии обгонять философскую теорию.

Очевидно, через Румянцевский, позднее Дашковский, музей прошли вещи, переданные сюда и другими Романовыми. По крайней мере, следом подобного явления можно считать огниво в серебряном уборе, ныне находящееся в собрании РЭМ, а ранее поступившее в московский музей от императора Александра III. Александр III был известен как крупный коллекционер русского искусства, поклонник предметов крайне

выраженного национального стиля.⁵ Можно предположить, что иноэтничные вещи не привлекали его в личных коллекциях, и тогда объяснимы их передачи в музеи. Нет сомнения в том, что царь серьезно относился к формированию фондов музеев, поскольку как коллекционер, идеолог музейно-просветительной деятельности в духе официального национализма он проявил себя при создании Исторического музея в Москве.⁶

Первыми по времени поступления собственно в Этнографический отдел Русского музея императора Александра III предметами кавказской этнографии были экспонаты, подаренные музею его августейшим Управляющим В.К. Георгием Михайловичем. Данная персона наименее известна нашим современникам из числа последних Романовых. Он был третьим сыном В.К. Михаила Николаевича, и все Михайловичи интеллектуально выделялись среди великокняжеских семей. Почти с 14 лет он собирал свою нумизматическую коллекцию, которую затем предал музею (передана в Государственный Эрмитаж в 1941 г.). В начале самостоятельной жизни он был блестящим кавалерийским офицером, и позднее, после травмы колена, оставался военным, был шефом 81 пехотного и 5 Кавказского стрелкового полков. Николай II часто привлекал его к мероприятиям протокольного характера, а в годы I Мировой войны В.К. Георгий Михайлович выезжал на фронт в действующую армию для вручения боевых наград. Являясь крупным собирателем восточного искусства разного времени, он передал в музей в 1910 г. коллекции персидской и турецкой парадной утвари, около 100 томов редких книг.⁷ Сохранившиеся в собрании РЭМ предметы кавказской культуры, связанные с именем В.К. Георгия Михайловича, не являются многочисленными. Фактически это две коллекции. Одна из них состоит из небольшого числа боевых колец, типичных для боевой и фехтовальной экипировки воинов из числа грузинских горцев-хевсур (Коллекция № 2064). Во вторую коллекцию входят различной формы кувшины для вина, по этнической принадлежности припи-

санные грузинам-имеретинам (Западная Грузия) (Коллекция 2056). Все предметы из коллекции отличаются единым стилевым решением: используются типичные формы сосудов, этническая принадлежность которых к традиционной грузинской культуре производства винных сосудов не вызывает сомнения. Отличает сосуды в коллекции от привычных изделий светло-голубоватая полива, делающая поверхность блеклой и покрывающая вместе декор и фон. Сам характер декора не вызывает сомнения в том, что наклепные изображения кистей и листьев винограда были сделаны при помощи тщательно проработанной матрицы, подготовленной по рисунку художника с профессиональным классическим образованием. Подобная керамика удивительно локализована во времени и пространстве на фоне традиционного грузинского гончарного промысла. Изготавливалась она ограниченное время только в одном месте: в имеретинском селении Харагоули, – и является феноменом, требующим разъяснения.⁸ Невольно возникает вопрос, не был ли художником-автором рисунков для матрицы сам В.К. Георгий Михайлович, чье воспитание состоялось в Грузии, где он еще в юности мечтал стать художником. Не следует забывать, что все Романовы были людьми XIX века, считавшими, что именно художнику доступно исправление и улучшение мира.⁹ Известно также, что время перехода от XIX века к XX знало много подобных экспериментов профессиональных художников с традициями народного искусства.

Основное количество предметов культуры кавказских народов, находившихся в частных коллекциях Романовых, поступило в РЭМ в 1920-х годах из царских и великокняжеских дворцов, а также через т.н. Государственный музейный фонд. Примером того, как мало осталось от первоначального состава частной коллекции может служить сохранившаяся в музее ее часть из собрания, как писалось в документах 1920-гг. «коллекции бывшего Великого князя Николая Николаевича» (младшего). Из некогда тысячного собрания, находившегося в фамильном дворце, в РЭМ сейчас хранится коллекция в 19

единиц бронзовых иранских сосудов, несколько ковров и четыре предмета, сделанных на Кавказе. Все кавказские вещи являются сосудами для вина: два серебряных сосуда и два рога, отделанных серебром, настоящими дарами знатному гостю.

Восемь предметов составили поступление от В.К. Бориса Владимировича, они являются деталями мужской одежды курдов (Колл. № 3776).

Другими источниками парадных вещей кавказского происхождения, пополнившими собрание РЭМ в 1920-е годы, стали Аничков дворец в Петербурге, т.н. «Дворец Искусств» (Зимний дворец) в Петербурге и Гатчинский дворец, находящийся в давшем название пригороде Петербурга – Гатчине. Зимний дворец, как известно, был царской резиденцией во все имперские времена, а Гатчинский и Аничков дворцы были местами сбора ценных и изящных предметов, так как являлись местами резиденции Александра III. Из перечисленных мест в РЭМ были переданы следующие вещи, сделанные на Кавказе. Из Аничкова дворца поступили шесть башлыков северокавказского изготовления (Колл. № 6373), 19 расписных керамических сосудов (Колл. № 5139), три музыкальных инструмента (Колл. № 5147) и пороховница (Колл. № 5149) из Грузии. Из Дворца Искусств поступили набор вооружения кабардинского витязя, подаренный Николаю II в то время, когда он был цесаревичем (Колл. № 4473), осетинская натруска (Колл. № 4474), кубачинский кинжал (Колл. № 4472) и ряд ковров разного происхождения, составивших различные коллекции, а также две расшитые металлическими аппликационными узорами армянские скатерти (Колл. № 4510).

Гатчинский дворец выступил источником поступления относительно большой коллекции мужской и женской одежды кабардинцев, имеющей ярлыки «Из гардероба ее императорского Величества Марии Федоровны» (Колл. № 4453 – 27 единиц учета), интересной коллекции оружия (Колл. № 5181), двух кубачинских кинжалов (Колл. 5185), хевсурской сабли (Колл. № 5184) три аджарских и трм осетинских башлыка

(Колл. №№ 4454 и 4456), 12 иранских ковров и четыре кашмирских шали. Последние, хотя они и не относятся к кавказским коллекциям, упоминаются здесь как поступившие в Гатчинский дворец из дворца в Аббас-Тумане, в Грузии в районе Ахалциха. Этот дворец был сначала резиденцией Александра III, а затем в нем провел последние дни жизни В.К. Георгий Александрович, второй сын императора и любимый сын императрицы Марии Федоровны.

Два предмета с текстами, раскрывающими их кавказское происхождение, поступили в РЭМ из Музейного фонда. Один из них является подносным блюдом для императора Александра III, преподнесенным от терских казаков в 1888 г. (Колл. № 6694-1\1,2). По иронии истории в собрании РЭМ не сохранились подносные коронационные блюда 1883 г. (год коронации Александра III), если не считать одного из них, поднесенного донскими калмыками (Колл. № 6834-6), хотя изначально они были сконцентрированы в Памятном отделе Русского музея императора Александра III.¹⁰ Надо полагать, что подносное блюдо от терских казаков до октября 1917 г. не дошло до здания Этнографического отдела, где находился и Памятный отдел, а хранилось в другом месте.

Другой предмет, функционально близкий подносному блюду, представляет собой столешницу, выполненную в восточном стиле. Изделие снабжено текстом, который необходимо привести полностью. Первая надпись перечисляет источники дарения: «От кумыкъ, салатавцев, ауховцев и ногайцев. 1888 г.» Во второй надписи даны имена мастеров, сделавших столешницу: «Мастера. Губочинец Хасан-Хаджа, кумыкъ Магамать-оглы. Хасав юртовский округ». Текст на столешнице призван показать содружество народов, изначально враждовавших друг с другом до установления на Кавказе российской власти. В настоящее время указанная земля называется Новолакским районом Республики Дагестан и известна как зона высокой межэтнической конфликтности.

Как подносное блюдо, так и столешница были загодя подготовлены как подарки для императорской фамилии во время ее путешествия на Кавказ в 1888 г. Возможно, и ряд предметов кавказского происхождения из дворцовых коллекций также восходит к данному событию.

Путешествие на Кавказ было совершено в 1888 г. императором Александром III совместно с императрицей Марией Федоровной (до замужества - датской принцессой Дагмарой), сыновьями и дочерьми. Маршрут путешествия был обусловлен географией Кавказа, а также тем, что была отстроена дорога от центральной России до Владикавказа, центра Терской области и всего Северного Кавказа. Далее маршрут прошел через Дагестан, Баку, Тифлис, Ахалцих, Батум. Отсюда царская семья пароходом отплыла в Крым, в Ливадию.¹¹

Время путешествия было выбрано не случайно. Ровно 20 лет назад, в 1868 г. отец царя, император Александр II, посетил Кавказ буквально по следам его покорения в длительной войне 1817-1864 гг. Был ранее на Кавказе Николай I, историю царствования которого изучал в свое время Александр III.

К 1888 г. положение на Кавказе отличалось стабильностью. В последней войне с Турцией Россия подтвердила свое господство в крае, увеличила территорию за счет присоединения Карса и Батума, установила охраняемые границы. Эпоха национально-демократического и революционного брожения еще не наступила. Оппозиционные элементы были подавлены. Для части крестьянских масс российская власть принесла освобождение от самых тяжелых феодальных повинностей, а славянская колонизация края способствовала появлению здесь явно прогрессивных черт быта и хозяйства. Местная элита получила место в иерархии правящих общественных слоев, и готова была демонстрировать подчинение в целях упрочения своего положения.

Для Романовых Кавказ был частью земли, к которой они считали необходимым проявлять особое внимание. Помимо политических интересов, почти у каждого из них здесь бы-

ли свои личные. На Кавказе быстро появились дворцы и особенно охотничьи домики членов правящей фамилии.

На протяжении всего путешествия императорская фамилия получала дары от представителей местного населения. К сожалению, мы можем судить о них по весьма ограниченному набору вещей из собрания РЭМ. Часть экспонатов музея точно имеет отношение к дарам 1888 г., часть может быть отнесена к ним с высокой долей достоверности, часть предположительно являлась дарами, полученными в 1888 г. Какая-то часть предметов была такими же дарами властителям, но поднесенными в другое время.

Доказательств, что расписная грузинская керамика из Аничкова дворца была преподнесена царю в 1888 г., не существует. Мы также предполагаем, что эти вещи являлись дарами. В своем предположении мы исходим из того, что Александр III сам не был собирателем кавказских вещей, но предметы все-таки находились в его личных комнатах Аничкова дворца. Маловероятно поднесение керамических сосудов, привезенных издалека, в Петербурге. В то же время обстоятельства путешествия на Кавказ вполне могли сопутствовать тому, чтобы несколько исключительно красивых горшков и кувшинов попали в царские коллекции. Данная коллекция керамики относится к гончарному центру в Гори. Мастера Гори искусно владели техникой подглазурной росписи сине-зелеными красками. Преобладающие узоры на сосудах связаны с виноградной лозой. Благодаря обстоятельствам Российский этнографический музей обладает едва ли не лучшей коллекцией горийской керамики в собраниях музеев России.

На башлыках, специфических головных уборах, которые носили мужчины в походах и путешествиях, также нет датирующих примет. Сами вещи разнообразны, часть из них художественно орнаментирована, часть выглядит непритязательно, размеры башлыков сильно варьируют. Основанием для отнесения собрания башлыков из дворцов к дарам 1888 г. служат с одной стороны, прямые указания на принадлежности к ним

вещей из Гатчинского собрания, объединенных под маркой гардероба императрицы Марии Федоровны, с другой стороны: массовость однотипных башлыков в Аничковом и Гатчинском дворцах. Многочисленность башлыков может быть объяснена из практики дарения на Кавказе, в тех районах, где башлыки были типичными предметами одежды. Так, например, у народов Северного Кавказа, было принято при свадебном дарообмене между двумя семьями дарить невесте мужчинам дома жениха, особо его отцу, парадную одежду, в комплекты для одной персоны обязательно включались несколько башлыков, их число могло доходить до 12 и более.

Собрание одежды Гатчинского дворца, было преподнесено и мужчинам и женщинам царской фамилии. Очевидно, не все вещи изначально принадлежали императрице. Так большая черная, явно походная, бурка была даром для мужчины. Такой дар подчеркивал статус мужчины как человека, проводящего время в походе, т.е. воина – защитника Родины. Однако в наборе вещей присутствует маленькая белая, т.е. принадлежащая знатному человеку, парадная бурка. В комплекте с нею находится белый же башлык, украшенный золотошвейным вензелем Марии Федоровны. То, что женщина получила мужские статусные вещи, достаточно необычно. Готовился ли такой подарок заранее, и дарители специально выразили отношение к императрице как правителю, а, следовательно, воину, или этот дар выразил их спонтанную реакцию, мы не знаем. Скорее всего, как и многие подарки, женский воинский костюм готовился до путешествия августейшей семьи. Отнестись к императрице как военному были основания: всем известно, что женщины из семьи Романовых были шефами военных частей. Однако, хочется допустить и такое фантастическое предположение, что женский военизированный комплекс одежды был быстро подготовлен в дар императрице после парада казачьих и туземных войск во Владикавказе. На фотографии, запечатлевшей этот парад, Александр III сидит верхом на коне, а за его спиной, на высокой трибуне стоит под зонтиком Мария

Федоровна. Для горцев, очень чувствительных к оппозиции «верх-низ», в которой верх отдаются человеку, более значимому, не могло быть сомнений, кто главенствует в царской семье.

В этом ключе интересно рассмотреть другие дары, преподнесенные Марии Федоровне от кабардинцев и попавшие в Гатчинский дворец. Здесь выделяются два комплекса одежды черкесского образца. Каждый из них состоит из высокой шапочки, платья, серебряных нагрудника и пояса, высоких котурнов. В одном случае платье выполнено в традиционном стиле полностью, в другом использована фабричная парчовая ткань. В остальных предметах традиция не нарушалась в силу их специфичности. Так, нагрудник и пояс связаны с трактовкой эстетики женского торса у черкесов: грудь женщины должна быть плоской, а талия - не превышать 55-60 см. Шапочка, нарукавные подвески, котурны усиливали вертикальную составляющую костюма, возносили знатную женщину над ее окружающими. Мария Федоровна была достаточно стройна, чтобы надеть этот костюм, хотя кабардинские портнихи все сшили заранее, как положено, без примерок, на глазок.

Неизвестно, были ли оба костюма подарены одной делегацией или разными, но другие предметы из собрания дополняют оба комплекта. В коллекции много предметов, которые не носят отдельно, но могут быть добавлены в основной набор. Это платья различного кроя, амазонки, шубки, казакины. Все предметы вместе составляют набор элементов костюма, образующий плавный спектр перехода от традиционного черкесского костюма к все более и более европеизированному. Структура черкесского гардероба императрицы может иметь двойное объяснение: с одной стороны, можно было по желанию создать одежду любой степени экзотичности, с другой, дарители просто повторили в женской одежде множественность дара, отмеченную в случае с башлыками.

В 1888 г. Александр III и наследник-цесаревич Николай Александрович (будущий Николай II) получили в дар оружие, осевшее после в Зимнем и Гатчинском дворцах. Николай по-

лучил полный набор вооружения черкесского всадника: шашку, кинжал, газыри, пояс, кремневый пистолет, пороховницу и натруску. Кремневый пистолет для конца прошлого столетия был явным анахронизмом. Его присутствие должно было служить приметой того, что и другое оружие также является старинным, а, следовательно, и более дорогим. На клинке шашки – фальшивое клеймо генуэзских оружейников, такие клинки в средневековые назывались франкскими и очень ценились. В черкесской среде набор вооружения дарили на совершеннолетие молодого витязя. Существовал обычай, согласно которому юноша из знатного семейства воспитывался у людей низшего статуса, и при возвращении домой получал от воспитателей коня, хорошую одежду и оружие. Старинное оружие ценилось как память о предках и завет повторить их подвиги. Пребывание Николая на Кавказе превращалось в метафору проживания его в черкесской семье. Он становится взрослым воином, он скоро вернется домой, а дарители выражают претензию на роль названных родителей молодого человека.

Оружейная коллекция из Гатчинского дворца была атрибутирована в 1927 г. заведующим отделом музея А. Миллером как лакская, чем ей была придана неоправданная однородность. Реально, как это было отмечено в передаточных документах, она состояла из двух групп, названных оружием черкесского и дагестанского типов.¹² Анализ клейм и дарственных надписей подтверждает двойственность коллекции, но по другому основанию. «Черкесские» шашки и кинжалы в большинстве являлись дарами 1888 г, а «дагестанские» датируются поздним временем: 1890-1900 гг. Среди «черкесского» оружия представлены дары Александру III, в том числе, от адыгов Кубани (Лабинского округа) и чеченцев («области Шашан»). В «дагестанском» оружии выделяется набор вещей с вензелем Великого Князя Михаила Александровича, командующего Дикой дивизией, состоявшей из воинов-кавказцев, в годы I Мировой войны и последнего русского императора, правившего после отречения Николая II несколько часов. На клинках ору-

жия преобладают арабские и русские посвятительные надписи, проникнутые верноподданническим духом. Однако, на клинке шашки Михаила Александровича, рядом с текстом, якобы древнего происхождения, присутствует призыв к властителю не быть узурпатором и не обращать оружие против своего народа, что звучало для своего времени достаточно революционно.

Предметы из дворцовых коллекций Романовых, перешедшие в собрание Российского этнографического музея, являются дарами, причем специфической категории, это дары властителям. Институт дара является древним способом регулирования отношений между общественными группами. В традиционном быту, например некоторых народов Кавказа, обмен дарами в суженных, конечно, по сравнению с древностью формах сохранял свое значение инструмента стабилизации иерархии общества. Суть дарообмена состоит в том, что получивший дар отвечал ответным дарением, размер которого мог, а часто должен быть больше, чем дар изначальный. Когда социальная дистанция между дарителем и адресатом дарения становится столь значительной, как между подданными и царями. От властителей можно было ждать только милости и внимания, цари получали богатые дары, которые впоследствии могли напомнить об их авторах и обеспечить им царское расположение. Однако дарение не было актом простого вручения дорогой вещи, оно разыгрывалось по правилам дарообмена дарящих, царю и царице приписывалась роль, которую они сами не играли, но которая разыгрывалась в глазах аборигенов.

¹ Коновалов А.В. Тимофеева Е.Я. Понятие «этнографический предмет» // *Проблемы комплектования, научного описания и атрибуции этнографических памятников*. - Л., 1987. - С. 16-22

Дмитриев В.А. Калашникова Н.М. О принципах комплектования фондов этнографических музеев на современном этапе // *Советская этнография*. - 1989. - №2. - С. 82-93

² По другой версии, вещи принадлежали императрице Марии Федоровне.

-
- ³ Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. – СПб, 1886. – Т. 1. – С. 3-8
- ⁴ Вундт. В. Проблема психологии народов. – М., 1912
- ⁵ Дневник Государственного секретаря А.А. Половцева. – М., 1977. – Т. 1. 1883-1886. – Т. 2. 1887-1892
- ⁶ См., например: Смысл и значение Музея имени Е.И.В. Государя наследника-цесаревича. – М., 1873. – С. 3-4
- Императорские коллекции в собрании Российского этнографического музея. Каталог выставки. - М.-СПб, 1995. – С. 16
- ⁸ Каталог грузинской народной керамики. – Тбилиси, 1964. - Рис. 41,3. Этнография Грузии. Керамика, глазурованная посуда. – Тбилиси, 1964. – Табл. 16,1
- ⁹ Кириченко Е. Историзм мышления и тип музейного здания в русской архитектуре середины и второй половины XIX в. // *Взаимосвязи искусств в художественном развитии России второй половины XIX в.* - М., 1962, - С. 125
- ¹⁰ По данным отчетов о деятельности Русского музея императора Александра III
- ¹¹ Газета «Кавказ» за 1889 гг.
- ¹² Дело о передаче Этнографическому Отделу Русского музея предметов из Гатчинского дворца // *Архив РЭМ. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 97, – С. 27*

С.В. Дмитриев
Российский этнографический музей
Санкт-Петербург

Африканские коллекции и “коллекция Кука” в Этнографическом отделе Русского музея

Появление африканских и некоторых других коллекций в Этнографическом отделе Русского музея (далее – ЭО) требует специального разъяснения. Связано это, прежде всего, с историей основания ЭО и первоначальной концепцией его развития и принципов формирования коллекций. В частности, первоначально она представлялась достаточно аморфной, что отразилось и при ее первоначальных обсуждениях в 1901-02 гг. Для формирования музея и выработки основных направлений его работы была сформирована Предварительная совещательная комиссия, в состав которой вошли известные российские ученые и государственные деятели тех лет. Комиссия признала “необходимым определить объем Музея в общих чертах следующим образом: Россия, славянство и сфера русского культурно-политического влияния на востоке. По мере роста этого влияния должен вместе с тем, отвечая запросам жизни, расти и самый Музей”¹.

Эта имперская аморфность в “восточной политике” Музея сохранялась достаточно долго и вообще характеризовала первый период его существования, который, в основном, простирался до конца 1920-х гг. Параллельно же шла полемика по этому вопросу, которая дала повод и для появления записки академика В.В. Радлова с проектом объединения двух парал-

тельно существующих музеев – Музея антропологии и этнографии Академии Наук и ЭО Русского музея – в одно учреждение. Дискуссия, развернувшаяся по этому проекту, инициировала и работу по уточнению профиля ЭО. В частности, в ходе нее академик С.Ф. Ольденбург, член Совета ЭО, высказал следующую точку зрения: “Музей Акад[емический] имеет значение быть всемирным этнограф[ическим] музеем, и в этом направлении в нем проводится собирание коллекций. У музея А[лександра] III первоначально была задача определенная, не совпадающая с задачей Акад[емического] муз[ея] – быть все-российским музеем. К сожалению, тут примешалась идея заниматься сопредельными странами – понятие неопределенное и мало научное. Оно явилось постоянным источником разных недоразумений, и в музее появились коллекции, весьма отдаленно и мало относящиеся к культуре России. Теперь необходимо точно уяснить себе, какие задачи Музея и какие границы его собирания. Я отношусь отрицательно к проекту В.В. Радлова, считаю желательным, чтобы точно выяснили, какие задачи того и другого музея, как они могут сотрудничать, исполняя те широкие задачи, кот[орые] будут у обоих музеев”².

Именно в силу вышеизложенных причин в первый период существования ЭО в нем появились и африканские, и некоторые другие коллекции, связанные с именами Н.С. Леонтьева, П.В. Щусева, М.И. Лебединского, а также коллекции, поступившие из Царскосельского Арсенала, и, возможно, связанные с именем Дж. Кука.

Коллекция бывшего есаула Кубанского казачьего войска Н.С. Леонтьева поступила в ЭО в 1911 г. История появления ее в ЭО и дальнейшая судьба достаточно интересна и потому достойна подробного рассмотрения.

Отставной есаул Николай Степанович Леонтьев, совместно с известным путешественником А.В. Елисеевым, отставным офицером К.С. Звягиным и архимандритом Ефремом (д-ром Цветаевым) вошел в состав экспедиции Русского географического общества в Эфиопию, которая состоялась в 1894-95

гг. Кроме того, и позднее, в 1895-97 гг. он неоднократно бывал в Эфиопии. Во время войны Эфиопии с Италией в 1895 г. он был военным советником негуса. Все эти годы он выполнял и дипломатические поручения Российского правительства. В Музее антропологии и этнографии Российской Академии Наук имеется коллекция № 297, поступившая туда в 1895 г. от Н.С. Леонтьева. В ее составе 104 предмета (оружие амхар, сельскохозяйственные орудия, образцы одежды³).

В 1899 г состоялась Эфиопская экспедиция к оз. Рудольф под руководством Н.С. Леонтьева. Император (негус) Менелик назначил Леонтьева правителем недавно присоединенных экваториальных провинций Эфиопии. Экспедиция была сформирована Леонтьевым для изучения страны и организации управления ею. Тогда же была собрана значительная коллекция абиссинских вещей, хранящихся ныне в МАЭ (колл. № 3052 в количестве 1254 экспонатов), экспонировавшаяся, как это было установлено Д.А. Ольдерогге, на Парижской выставке в 1901 г. Среди этой коллекции значительное место занимают разные виды оружия, что позволяет, по словам М.В. Райт, “составить довольно полное представление о вооружении эфиопской армии в конце XIX в.”.

При этом, как пишет Райт, дата поступления данной коллекции в МАЭ не установлена⁴.

Однако, по результатам исследования, проведенного в архиве Российского этнографического музея, есть возможность проследить историю этой коллекции до поступления ее в МАЭ.

В частности, в архиве РЭМ хранится “Переписка о передаче Абиссинской коллекции Н.С. Леонтьева”⁵, относящаяся к периоду 1910-14 гг. Из документов становится известным, что есаул Леонтьев до своей смерти, наступившей в июне 1910 г., находился в Париже, где выполнял поручение абиссинского негуса по приобретению большой партии оружия. После смерти негуса Леонтьеву, еще при его жизни, был представлен иск,

который он “за отсутствием в Париже наследственного актива”, не мог оплатить.

Коллекция абиссинских предметов, видимо, после демонстрации на Парижской выставке 1901 г. (см. выше), хранилась в квартире, записанной на имя жены Леонтьева (к делу приложено семь фотографий, на которых изображена коллекция, демонстрируемая на стенах квартиры). После смерти Леонтьева осталось завещание, в котором говорится и о дальнейшей судьбе собранной им коллекции.

Согласно “Выписи (так - С.Д.) из духовного завещания есаула Н.С. Леонтьева, утвержденной Елизаветинским Окружным Судом 24 августа сего года (Дело № 421, 1910 года, ст. 4) представленного в копии определения суда” пункт шестой гласил: “находящееся в квартире моей в Париже мои Абиссинские коллекции завещаю в собственность Музею ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III с тем, чтобы музей перевез их к себе и поместил отдельной группой под названием: «Коллекция Н.С. Леонтьева»”. Душеприказчиком умершего выступал его брат, надворный советник Александр Степанович Леонтьев и жена, не названная по имени.

В связи с предъявленным иском, по сообщению Генерального Консульства Российской Империи в Париже, после кончины Н.С. Леонтьева по отношению его имущества были приняты “охранительные меры, предусмотрены Конвенцией о наследствах, заключенной между Россией и Францией”. К наследству умершего были выставлены претензии на сумму около 58 тыс. франков. Кредиторы были намерены оспаривать принадлежность коллекции вдове Леонтьева, и для обеспечения части своих претензий наложить на нее “запрещения”. Душеприказчики первоначально заявили, “что отнюдь не оспаривая отказ, сделанный в пользу Музея, они однако не намерены производить по сему предмету какие-либо расходы”.

В связи со складывающейся ситуацией Генеральный консул запрашивал: какие у музея “намерения по отношению к отказанному Леонтьевым имуществу”?⁶

По этому поводу музею потребовалась юридическая консультация и, согласно справке, данной Русскому музею Александра III юрисконсультom Кабинета Его Императорского Величества от 20 ноября 1910 г. (№ 117224), “по силе 1259 ст. т. X, ч. 1 Закн. гражданского вместе с имуществом и правом к принявшему наследство переходят и обязанности платить долги умершего соответственно наследственной доле. Согласно кодексу Наполеона сонаследники участвуют в платежах по долгам и обременениям наследства, каждый по размерам тому, что из него получает (ст.870), В виду сего Русскому Музею придется не только нести расходы по доставке завещанных ему коллекций, но и принять на себя уплату долгов умершего Леонтьева...”⁷.

В депеше, адресованной в Генеральное Консульство Российской Империи в Париже, наследники Леонтьева были уведомлены, “что Музей не признает возможности принять наследство при существовании риска материальной по нему ответственности” так как стоимость коллекции оценивалась ниже суммы долгов завещателя⁸. По мнению Правления Музея, “осуществление воли завещателя может иметь место лишь по удовлетворении или устранении долговых претензий к наследству”⁹.

Таким образом, возникла угроза продажи коллекции в счет долгов. Однако, одновременно появилась идея приобретения коллекции братом и вдовой умершего с тех же торгов для принесения ее в дар Русскому музею¹⁰. И в ноябре 1911 г. поверенный вдовы уведомил Генконсульство, “что за уплатою его доверительницей из личных средств своих всех лежавших на этом наследстве долгов (вдова внесла 20000 франков¹¹), Абиссинская коллекция, завещанная Музею, упакованная в 7 ящиков и хранящаяся на складе в Париже, ныне свободна от запрещения и может быть сдана немедленно по принадлежности”¹². В декабре 1911 г. коллекция была выслана в Санкт-Петербург.

По прибытии туда из собрания была выделена коллекция рогов и зубов млекопитающих, собранная Леонтьевым в Абиссинии, и передана в Зоологический музей Императорской Российской Академии Наук (1913 г.)¹³, а остальная его часть помещена в ЭО Русского музея¹⁴, где и хранилась до 1919 года.

Вновь вспомнил об этой коллекции только тогда. В “Приложении к отношению директора Русского музея в комиссию по делам музеев и охране памятников искусства от 20 марта 1919 года № 359” среди других коллекций, хранящихся в ЭО, но не подходящих к его программе, названа и Абиссинская коллекция Леонтьева, а также “иные предметы из Абиссинии”¹⁵.

“Иные предметы из Абиссинии” – это, в частности, коллекции доктора П.В. Щусева и доктора М.И. Лебединского (а также, по всей вероятности, и другие), которые работали в составе отряда Российского Общества Красного Креста в конце XIX в. в Эфиопии¹⁶.

Относительно коллекции д-ра Щусева известно, что она предлагалась ЭО еще в 1908 г., причем содержала предметы не только Африканские. Об этом свидетельствует “Переписка о передаче коллекции Абиссинии, Бухары, Китая, Турции и Японии” 1908 года (по всей вероятности, д-р Щусев в составе Красного Креста работал в разных регионах мира). Однако, как следует из этой переписки, тогда владельца коллекции не устраивала предлагаемая ЭО цена¹⁷. И только в 1919 г. она все же была передана в ЭО согласно распоряжению Петроградского Отделения Комитета Торговли и Промышленности. Всего было тогда передано 12 ящиков этнографической коллекции, доставленные на склад-выставку Экспертной Комиссии со склада Преловского несколькими днями ранее¹⁸. Обстоятельства, предшествовавшие появлению коллекции на складе Преловского, неизвестны.

В коллекцию д-ра Щусева, согласно поящичной описи, кроме других вещей, входили также абиссинские, китайские,

сомалийские щиты, японские ножи, абиссинские и других народов луки, колчаны, стрелы, алебарды, пики, тесаки¹⁹.

18 июня 1922 г. С.И. Руденко на заседании Совета ЭО, докладывая о работе Комиссии по разбору сданных в Отдел на хранение и бесхозных коллекций (об этой комиссии более подробно см. далее), говорил и о коллекции д-ра Щусева. К этому времени коллекция, по его словам “содержащая в себе японские, китайские, абиссинские и др. предметы, частью музейного, частью рыночного характера”, находилась в следующем состоянии и статусе. “Некоторые предметы (хлебы, прялки, меховые вещи) частью сильно попорчены, частью совсем погибли; в настоящее время ... коллекция эта ныне, постановлением экспертной комиссии при Петроградском Отделе Комиссариата Торговли и Промышленности передана в собственность Этнографического отдела”, В связи с этим необходимо было произвести ее осмотр и определить дальнейшую судьбу²⁰.

В 1923 г. судьба коллекции была, наконец, решена. Частью она была распределена между I, II и IV отделениями ЭО, секцией буддизма, обменным и экспедиционными фондами²¹, а частью присоединена к остаткам (на тот момент) коллекции Леонтьева и Коллекции Лебединского, составив так называемую Абиссинскую коллекцию, видимо, в основном переданную в МАЭ в 1919 г.

Что касается более подробной истории последней, то 12 мая 1922 г. на заседании Совета ЭО С.И. Руденко “доложил об образовании в отделе из поступлений Н.С. Леонтьева, М.И. Лебединского, д-ра Щусева и Царскосельского Арсенала значительной абиссинской коллекции, заключающей в себе до 300 предметов и возможности передачи этой коллекции в Музей антропологии и этнографии при Академии Наук для приобщения к имеющимся уже там однородным коллекциям”. Согласно постановлению. Совета ЭО, Объединенному Совету Русского музея сообщили, что “со стороны Совета Этнографического отдела не встречается препятствий к передаче в Музей антропологии и этнографии при Академии наук и дублетных экзем-

пляров из этой коллекции в Музей антропологии и этнографии при Петроградском университете”²². А постановлением Совета ЭО от 21 декабря 1922 г. остальные вещи из коллекции Н.С. Леонтьева были переданы в Художественный отдел Русского музея²³.

Документов, касающихся коллекции д-ра М.И. Лебединского, обнаружить в архиве не удалось.

Упоминавшаяся выше коллекция Царскосельского Арсенала иначе названа “коллекцией Кука”.²⁴ Поступила она в ЭО в июне 1910 г. Согласно доверенности, выданной старшему служителю ЭО Русского музея Ульриху, он принял от смотрителя комнатного имущества Императорского Зимнего Дворца вещи, перевезенные из Екатерингофского дворца, “предназначенные к сдаче в Этнографический отдел Русского музея”.²⁵ Согласно “Списку этнографической коллекции, т.е. оружия и разных изделий народов, обитающих на островах и побережьях Тихого океана, переданных и Царскосельского арсенала”, всего было передано 250 номеров предметов, среди которых значительное количество оружия народов Полинезии, Японии, Китая, Америки (Северной и Южной), Мадагаскара, Сибири, Чукотки и Алеутских островов.²⁶

Данный сюжет интересен вдвойне. Во-первых, возможной связью с именем известного мореплавателя Джеймса Кука, трагически погибшего на Гавайских островах в феврале 1779 г. Во-вторых, тем, что коллекция, переданная из ЭО в МАЭ в 1922 г., по всей видимости, числится там “немой”, т.е. без истории и легенды. В МАЭ есть именная коллекция Дж. Кука, поступившая туда в результате следующих событий. После гибели мореплавателя корабли Третьей экспедиции Кука в Тихий океан под началом капитана Кларка предприняли попытку возвратиться в Англию Северным морским путем, которая закончилась неудачей. Измотанные штормами корабли 1 мая 1779 г. зашли в русский порт Петропавловска на Камчатке, где начальник Камчатки майор М. Бем радушно принял и снабдил их провизией. В знак благодарности за это он получил от капи-

тана Кларка подарок, состоящий из различных предметов, собранных в тех землях, где побывала эта последняя экспедиция капитана Кука. С Камчатки эти вещи были привезены в Санкт-Петербург и стали первой коллекцией из Третьего путешествия Кука, доставленной в Европу. В настоящее время в собрании Кука в МАЭ числится 38 предметов с островов Полинезии (колл. № 505 и 2520). В их состав входят одежда, украшения, орудия труда, бытовые предметы и оружие.²⁷ Переданные в 1922 г., и по-видимому “немые” экспонаты, если подтвердится их причастность к экспедиции Джеймса Кука, могли бы существенно дополнить именной фонд мореплавателя в МАЭ. В данный момент обстоятельства появления их в Царскосельском Арсенале неясны и данная тема требует специальной архивной разработки.

¹ Отчет о деятельности Русского музея Александра III за 1901 г. (Архив Российского этнографического музея [далее – Архив РЭМ], ф. 1, оп. 1, д. 9, с. 19).

² Стенографический отчет заседания Совета Этнографического отдела Русского музея 25-го апреля 1918 (Архив РЭМ, ф. 2, оп. 1, д. 11, л. 12.)

³ Райт М.С. Русские экспедиции в Эфиопию в сер XIX—нач. XX вв. и их этнографические материалы // *Африканский этнографический сборник. – Вып. I. – М., 1956 : Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. – Т. 34. – С. 239-241.*

⁴ Там же, С. 273-275.

⁵ Архив РЭМ, ф. 1, оп. 2, д. 374.

⁶ Там же, лл. 8-11.

⁷ Там же, л. 17.

⁸ Там же, л. 18.

⁹ Там же, л. 19.

¹⁰ Там же, л. 21 об.

¹¹ Там же, л. 28.

¹² Там же, л. 22.

¹³ Там же, л. 30.

¹⁴ Отчет Этнографического отдела Русского музея Императора Александра III за 1911 г. – СПб., 1914. (Архив РЭМ, ф. 1, оп. 1, д. 73, с. 21).

¹⁵ Переписка с Отделом охраны памятников искусства и старины (Архив РЭМ, ф. 2, оп. 1, д. 26, л. 7).

-
- ¹⁶ Райт М.В. Указ. соч., С. 242-270.
- ¹⁷ Переписка с частными лицами о покупке этнографических вещей и другим вопросам. 1906-1908 гг. (Архив РЭМ, ф. 1, оп. 2, д. 76, лл. 78-80).
- ¹⁸ Переписка о приобретении Музеем этнографической коллекции доктора Щусева. Опись коллекции. 1919-1923. (Архив РЭМ, ф. 2, оп. 1, д. 30, л. 1).
- ¹⁹ Там же, лл. 3-9.
- ²⁰ Журнал № 421 // Журнал заседаний Совета Этнографического отдела, №№ 392-447 за 1920-1924 гг. (Архив РЭМ, ф. 2, оп. 1, д. 48а, л. 91).
- ²¹ Журнал № 430 от 22 февр. 1923 г. // Там же, л. 116.
- ²² Выписки из журналов заседаний правления Русского музея и заседаний Совета Этнографического отдела и переписка ученого секретаря по организационным вопросам. 1922-1926. (Архив РЭМ, ф. 2, оп. 1, д. 94, л. 40).
- ²³ Журнал № 428 (Архив РЭМ, ф. 2, оп. 1, д. 48а, л. 110).
- ²⁴ Там же, л. 91.
- ²⁵ Переписка о передаче коллекций канцелярией Императорского двора: опись коллекции Екатерингофского дворца, Эрмитажа, тибетской коллекции, переданной Далай Ламой Хамбо Атван Держиевым; опись коллекции Царскосельского Арсенала. 1909-1914 (Архив РЭМ, ф. 1, оп. 2, д. 242, л. 12).
- ²⁶ Там же, лл. 12-25.
- ²⁷ Розина Л.Г. Коллекция Джеймса Кука в собраниях Музея антропологии и этнографии // *Культура и быт народов стран Тихого и Индийского океанов / Сборник музея антропологии и этнографии.*— М., Л., 1966.— Т. 23. — С. 234-235.

Т.Г. Емельяненко
Российский этнографический музей
Санкт-Петербург

Дары эмиров бухарских

В собраниях Российского этнографического музея, Эрмитажа и Музея этнографии и антропологии им. Петра Великого (Кунсткамера) хранятся коллекции, насчитывающие порядка 400 экспонатов, которые известны в литературе и среди музейных работников как "дары эмиров бухарских". Они были переданы в музеи в 1920-х годах через Государственный музейный фонд из национализированных после революции дворцовых собраний Санкт-Петербурга.

Рабочее название этого комплекса экспонатов не противоречит его происхождению. Это действительно подарки, которые были сделаны в разное время российским императорам тремя последними эмирами Бухары (или преподнесены от их имени) – Музаффар-ханом (1860-1885), Абдуллахад-ханом (1885-1910) и Алим-ханом (1911-1920). Они включают халаты, отрезы тканей, седла, упряжь и предметы парадного конского убранства, ювелирные изделия и оружие. Все они выполнены в лучших традициях среднеазиатского прикладного искусства и имеют несомненную художественную ценность. Вместе с тем, подарок и система дарения в целом на Востоке представляют своеобразную область человеческих и социальных взаимоотношений, чрезвычайно развитую и наполненную особым знаковым содержанием. Благодаря этому и предметы, которые восточные правители обычно отправляли в северную столицу,

могут служить оригинальным источником для понимания характера отношений, которые существовали между Россией и Бухарским эмиратом и главами этих двух государств в последние десятилетия 19 – начале 20 вв.

О том, что отношения эти были не простыми и, несмотря на договор 1873 года и законодательные акты, согласно которым закреплялись границы эмирата, и устанавливался порядок его административных и торговых контактов с Россией, являлись весьма хрупкими и деликатными, хорошо известно и достаточно описано в литературе. После завоевания Средней Азии Бухарский эмират, несмотря на очевидное поражение в ходе военных действий, все же не был присоединен к России, как другие среднеазиатские ханства, вошедшие в состав Туркестанского генерал-губернаторства, а получил лишь российский протекторат, сохранив значительную самостоятельность во внутренней политике и неограниченную власть эмира над своими подданными. Тем не менее, это были отношения вассала и сюзерена, и все понимали, насколько трудно было Бухаре – сильнейшему государству в Средней Азии, имевшему большое влияние в мусульманском мире и являвшемуся одним из главных хранителей заветов и принципов исламской идеологии, примириться с таким положением. А. Вамбери отмечал: "Кто не знал Бухары, до безумия много о себе думавшей, невежественной и фанатичной Бухары, тот с трудом поймет, какое смущение, какое неистовое бешенство вызвали на Зеравшане разбитые русским оружием мечты о величии"⁴. Сложным и двусмысленным было и положение эмиров, вынужденных, с одной стороны, соблюдать договорные обязательства, а с другой – стараться не уронить своего достоинства как перед подданными, так и в собственных глазах. В этом случае подарками, точнее характером подарочных предметов, отправлявшихся в Петербург, они, возможно, пытались сгладить те психологические проблемы и обстоятельства, перед которыми оказались, тем более, что на Востоке, как известно, и мир вещей, и

мир поступков всегда наделялись скрытым, но понятным для посвященных, символическим значением.

Практика дипломатических сношений России и Бухары на протяжении всей их истории, еще с 16 века, включала обмен подарками². В Средней Азии обмен подарками вообще традиционно входил в систему взаимоотношений, как в бытовой сфере, так и государственной. Поэтому сам факт отправки в российскую столицу подарочных наборов не противоречил обычаям, всегда имевшим место в Бухарском эмирате и у его правителей. Определенными традицией являлись и предметы дарения, независимо от того, кому и по какому поводу они преподносились, а о социальном статусе дарителя и одариваемого свидетельствовало качество и количество даримых предметов.

Не случайно значительное место среди подарков бухарских эмиров занимают парадные халаты, украшенные золотым шитьем или сплошной "ковровой" вышивкой разноцветным шелком. Они являлись не только обязательной частью подарочных комплектов, которые издавна направлялись еще в Московское государство, а затем в столицу Империи, но и вообще традиционным подарком в Средней Азии. Дарением халата сопровождалась все знаменательные даты и события в жизни мужчины, начиная с детства до глубокой старости. Халатами одаривали почетного гостя, дарением халата отмечали заслуги своих подданных правители различного ранга, а те, в свою очередь, ответными дарами выражали свою привязанность и верноподданнические чувства. Халат мог быть самостоятельным подарком, но более почетным для одариваемого было получить "сарупо" – комплект одежды, состоящий из халата, тюбетейки и чалмы. В кладовых дворца эмира огромное помещение специально было выделено для хранения халатов, которые лежали там сложенными в тюки по 100 штук в каждом, а также стопками в стенных нишах и на многоярусных деревянных нарах. Одних ценных халатов, золототканых, бархатных, шелковых было одновременно не менее 15-20 тысяч³.

Качество или вид орнаментации даримого халата соответствовали рангу или заслугам одариваемого, но материальная ценность не являлись главным критерием. Для приближенных эмира особенно почетным являлось получить халат с плеча правителя: подарок такого халата, впитавшего запах благоуханий и тела эмира считался знаком наивысшего расположения и рассматривался своего рода благословение – "табаррук".⁴ Сам эмир, как лицо, обличенное высшим духовным саном, редко носил дорогие одежды и его обычный костюм отличался скромностью, которая еще больше бросалась в глаза рядом с роскошными одеяниями приближенных. Лишь при посещении мечети во время двух самых больших мусульманских праздников – Курбан и Рамазан, а также при первом въезде в звание эмира в город Шахрисябз, он облачался в расшитые золотом одежды.⁵ Золотошвейные мастерские, которые располагались в Арке - дворце эмира, работали только по заказам эмира, его семьи и приближенных, т.к. использование золотошвейных вещей считалось исключительной привилегией эмира и высших сановников эмирата.⁶ Но и здесь существовала определенная градация. Так халаты или конские попоны с узорной композицией "дархам" (букв. - "сплетающийся, переплетенный"), характеризующейся сплошным зашивом всей поверхности изделия металлическими нитями (над таким халатом работало 12 человек в течение трех месяцев) или разноцветным шелком в технике "ироки" (полукрест) могли заказывать только для подношения эмиру или сам эмир для себя и своих жен, родивших ему сыновей.⁷ Наличие халатов и конских попон преимущественно с композицией "дархам" среди подарков бухарских эмиров свидетельствует не только о том почтении, какое они оказывали российским императорам, но и является своего рода символическим знаком, указывающим, вопреки действительному положению, на якобы сохраняющееся равенство статусов правителей двух государств.

Конское убранство не относилось в Средней Азии к предметам обязательного массового дарения, как, например,

халаты, однако всегда включалось в межгосударственные подарочные обмены, а также входило в "тортуки" – подарочные наборы, посылаемые несколько раз в год эмиру от хокимов – руководителей округов Бухарского эмирата. Поэтому, если в случае с халатами эмиры как бы стремились подчеркнуть свое равенство с российскими императорами, то отправка конского убранства и породистых рысаков в Петербург одновременно могла рассматриваться и как верноподданнический акт. Но вместе с тем, по качеству, художественной и материальной ценности подарочные предметы конского убранства таковы, что могли использоваться, согласно правилам бухарского дворцового этикета, лишь эмирами или равными с ними по рангу правителями.

Кроме того, предметы парадного конского убранства посылались в составе обычных и довольно часто отправляемых из Бухары в Петербург подарочных наборов. Время поступления предметов конского убранства, которые хранятся в настоящее время в музейных собраниях, – с 1870-х годов до начала 1910-х годов, т.е. они связаны с именами всех трех последних эмиров. Однако большинство из них были преподнесены Абдуллахад-ханом - страстным любителем и знатоком лошадей. На некоторых седлах, пополах, на упряжи сохранились этикетки с датами подношения, но соотнести их с какими-либо конкретными событиями, происходившими в императорской семье или Российском государстве затруднительно. Чаще всего подобные подношения были связаны с ежегодными торжествами по поводу Тезоименитства и рождения Государя, когда из Бухары прибывали богатые караваны с дарами, или с визитами эмиров в столицу.* Известно, что в 1902 году Абдуллахад-хан послал Императору, который во время личной встречи с эмиром проявил особый интерес к породам среднеазиатских лошадей и обычаю их убранства, несколько породистых скакунов, оснащенных дорогими пополами и конской упряжью. Царь, по рассказам бухарцев, остался весьма доволен

подарком и долго расспрашивал, какого происхождения лошади, каковы их аллюры, свойства, возраст и т.д.⁹

Попоны, как и халаты, золотошвейные и вышитые шелком, изготавливались в дворцовых мастерских. Они делились на две категории: "хосаги" (от араб. "личный, собственный"), отличавшиеся особой тщательностью работы и специфическими орнаментальными композициями, и "иноми" (от тадж. "подарок, дар, награда), которые заказывали для подношений эмиру. На попонах типа "хосаги" трапециевидная, закрывающая круп лошади, часть имела сплошной зашив - "дархам", и еще в 1840-50-х годах они изготавливались исключительно для личного пользования эмира. Позднее их стали делать и для продажи, но уже посредственного качества и с вышивкой из низкопробных золотных нитей. Однако попоны с золотошвейными или вышитыми шелком тремя округлыми розетками или фигурами миндаля ("бодом") на сплошь зашитом поле (композиция "дархам"), называемые "даури-се-гули", всегда изготавливались только по заказу эмира и для подношения ему.¹⁰ Среди попон, известных нам по петербургским музейным собраниям, в подарок императорам предназначались преимущественно прекрасные образцы попон "хосаги", которые имелись в обиходе только самого эмира.

Большую часть "даров" составляют ткани – великолепные полушелковые, шелковые и бархатные "икаты", орнаментация которых производится на нитях перед тканьем путем последовательной резервации и окраски отдельных, необходимых для будущего узора участков. В Средней Азии такие ткани называются "абровые" ("облачные"), что связано, возможно, с расплывчатостью контуров узоров, неизбежной при подобной орнаментальной технологии. Ткани всегда являлись традиционным подарком, особенно в оазисах Среднеазиатского междуречья, где кустарное ткачество получило большое развитие. Они расценивались как символическое пожелание благосостояния семье, ее приумножения, выражением надежды на то, что как бы семья не была велика, всем должно хватить тканей

на одежду. Отрезы тканей, присылаемые в Петербург, имели длину, необходимую для шитья одного халата, как и было принято в местном ткачестве. Одновременно бухарские правители отправляли лучшие произведения текстильного искусства своей страны, так как в этом виде орнаментации тканей бухарские ткачи достигли особого мастерства не только в среднеазиатском регионе, но и среди других народов мира, издавна практикующих эту сложную и высокохудожественную орнаментальную технологию.

Халаты, конское убранство, ткани составляли основную и самую многочисленную часть подарков российским императорам, что соответствовало традиционно принятому в Средней Азии ассортименту подарочных предметов, но только в наиболее роскошном варианте, соответствующем случаю правительственных подношений. Значительно меньшее количество среди подарков было вышивок, известных под общим названием "сюзани", несмотря на их чрезвычайно широкое распространение и изготовление в Бухарском эмирате и на уже возникший в это время к ним интерес европейских коллекционеров. В собрании РЭМ, например, есть только одна вышивка шелком из гардеробной Марии Федоровны. И это естественно, т.к. сюзани не являлись в Средней Азии традиционными предметами дарения. Их изготавливали к свадьбе, они входили в приданое невесты и имели прежде всего магическое значение оберега и благопожелания (по символике материала, узоров и цветовой гаммы), связанные именно с семантикой свадебной обрядности. Среди подарков бухарских эмиров имеются золотошвейные скатерти и занавеси, но их узоры носят уже явные следы европейского стиля, что говорит о их предназначении для "чужих", специально для отправки в российскую столицу.

Тоже можно сказать и о ювелирных украшениях и ювелирных изделиях, весьма немногочисленных среди известных нам подарочных предметов. Так, например, роскошное женское нагрудное украшение из золотых пластин с вставками и подвесками из драгоценных камней в собрании РЭМ, по ле-

генде, подаренное Абдуллахад-ханом Марии Федоровне, с которой он был дружен, является производным от традиционного бухарского налобного украшения. В Средней Азии ювелирные украшения – это часть костюма, полный их комплект входил в костюм невесты и праздничный наряд молодухи – "келин". Каждое украшение, благодаря материалу, форме, орнаментам, имело, прежде всего, сакральное значение, связанное с вступлением женщины в новый период жизни, и символизировало это ее состояние и этот переход. Даже в конце 19 века при Абдуллахад-хане, когда в моду вошли роскошь и расточительность, виды украшений, их стиль и манера ношения оставались строго регламентированными. Поэтому включение в число правительственных подарков ювелирных украшений и изделий не типично для бухарских эмиров, и каждое из них должно было иметь конкретного адресата или конкретный повод и являлось своего рода данью европейским, российским традициям. В восточных традициях можно считать, пожалуй, только дарение мужского пояса ювелирной работы и оружия, которые служили символами мужской власти и достоинства. Но в то же время, сабли и кинжалы с рукоятями и ножнами, украшенными драгоценными камнями и золотыми тисненными накладками, а также усыпанные бирюзой пояса, которые имеются среди даров эмиров в музейных собраниях, являлись, прежде всего, непременной принадлежностью костюма восточного правителя-воина и могли быть подарены лишь равному.

Таким образом, за этими великолепными произведениями среднеазиатского искусства скрывается своеобразие политических и дипломатических отношений двух государств и их правителей. Характером своих даров, которые по среднеазиатскому дипломатическому этикету соответствовали положению равных государств, бухарские эмиры, возможно, негласно старались сохранить свое достоинство и хотя бы таким образом сгладить впечатление от реально сложившейся ситуации. Трудно сказать, понимали ли это в Петербурге, а если и понимали, то закрывали на это глаза, осознавая необходимость

деликатного отношения к еще мало известным и таким самобытным восточным народам огромной Российской империи.

Царский же двор благодаря дарам эмиров знакомился с особенностями культуры среднеазиатских народов, с лучшими образцами среднеазиатского прикладного искусства, его элитарными формами. Большинство предметов из подарков бухарских эмиров не могло найти практического применения у тех, кому они предназначались, но хранились в дворцовых кладовых, а также включались в интерьеры восточных комнат, мода на которые распространилась среди российской знати во 2-й половине XIX века.

¹ Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. – М., 1867.

² Логофет Д.Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. – СПб., 1911. – Т.2. – С. 157, 162.

³ Андреев М.С., Чехович О.Д. Арк (кремль) Бухары в конце 19 – начале 20 вв. – Душанбе. 1972. – С.52.

⁴ Андреев М.С., Чехович О.Д. Указ. соч. – С. 117.

⁵ Андреев М.С., Чехович О.Д. Указ. соч. – С. 45.

⁶ Гончарова П.А. Золотошвейное искусство Бухары. – Ташкент, 1986. – С. 13.

⁷ Гончарова П.А. Указ. соч. – С. 42-43; Чепелевская Г.Л. Сузани Узбекистана. – Ташкент, 1961. – С. 32-33.

⁸ Логофет Д.Н. Страна бесправия (Бухарское ханство и его современное состояние). – СПб., 1909. – С. 159.

⁹ Андреев М.С., Чехович О.Д. Указ. соч. – С. 133.

¹⁰ Гончарова П.А. Указ. соч. – С. 45-46.

Основные вехи, задачи и проблемы востоковедения в Башкортостане

Республика Башкортостан расположена на границе Европе и Азии, где издавна прочно стыкуются форпосты западной и восточной цивилизаций. Она исстари привлекала внимание и восточных, и западных ученых величием своей природы, материальным богатством и своеобразной этнографией. Известны, например, труды таких восточных историков и географов как Саллям ат-Тарджуман, Ибн Хордадбех (820-912), ал-Хваризми, ал-Фаргани (IX в.), Ибн Фадлан, Абу-Али ибн Русте, Мухаммад ал-Истахри (X в.), Абу Хамид ал-Гарнати, ал-Идриси (XII в.), Казвини, Якут ал Хамави (1179-1229), Абу-л-Хайр Рашид ад-дин (XII в.), Ибн Хальдун (XIV в.) и западных путешественников XIII в. – Плано Карпини, Виллема Рубрука и Юлиана. В 1557 году в истории Российского государства произошло событие, которого не ожидали ни сами русские правители во главе с Иваном IV (Грозным), ни соседствующие с Россией страны. Башкиры изъявили желание добровольно присоединиться к Российскому государству и, как верноподданные, своевременно платить ясак, нести воинскую повинность в рядах русской армии. С этого времени наблюдается неизменный рост интереса к этому краю со стороны русских ученых, писателей и путешественников.

Начиная с XVIII века стали организовываться научные экспедиции. Первая из них состоялась в 1734 году. В составе

«Оренбургской экспедиции» в Уфу приезжает П.И. Рычков (1712-1777), первый член-корреспондент Российской Академии наук, написавший впоследствии известную книгу «Топография Оренбургской губернии» (1762). Велика роль В.Н. Татищева, русского ученого и государственного деятеля в изучении Башкортостана, его истории и географии. Он является автором работ по истории, географии, экономике, социологии края.

Во второй половине XVIII века Российская Академия наук посылает в Поволжье, Урал и на Запад Сибири две экспедиции. Первую в 1769 году возглавляет академик П.С. Паллас (1741-1811), вторую – И.И. Лепехин (1740-1802). Оба ученых побывали в Башкортостане. Они изучили материалы по Уральским горам и пещерам, растительный мир, быт народа, национальные праздники и обряды, собрали богатый материал.

В работе академических экспедиций (1768-74) России на Южный Урал принимали также участие академики Российской АН И.И. Георги (1729-1802) и И.П. Фальк (1725-1774), которые на основе собственных записок составили ценные комплексные этнографические описания о башкирах.

В этот сложный и противоречивый период в Башкортостане стала складываться национальная интеллигенция. В начале 70-х гг. XVIII в. горный промышленник Исмаил Тасимов первым в России подал прошение открыть в Санкт-Петербурге высшую техническую школу – Горное училище, ныне Горный институт им. Г.В. Плеханова. Открытие состоялось 28 июня 1774 года, в то время, когда на территории Башкирии еще разворачивались события второго этапа Крестьянской войны...

Позже академик Д.И. Соколов писал: «...раскроем дела Берг-коллегии... и здесь находим доказательства, что по своему нраву башкирцы были виновниками нашего просвещения в деле Горном».¹

Башкиры в прошлом писали арабским письмом не только свою историю, свое родословие – шежере, но и активно интересовались историей и культурой восточных стран, с ко-

торыми поддерживали тесные связи. Эти связи были более крепкими, чем связи с западными странами, и они строились не на взаимных материальных интересах, а на духовности, на вечных ценностях исламского востока.

Башкортостан имеет значительный потенциал в области восточного источниковедения, представленный преимущественно рукописями, родословиями – шежере, ханскими ярлыками, эпитафиями, старопечатными книгами на арабском, персидском и тюрки языках в обширном диапазоне, начиная с XIII и вплоть до XX в.

До появления книгопечатания на территории Башкортостана была широко распространена рукописная традиция. Рукописные произведения литературы и исторические документы писались и размножались каллиграфами (хаттатами) и учащимися (шакирдами). Однако это наследие дошло до нас в сравнительно малом количестве. Причиной были многие обстоятельства: отсутствие у башкир государственности, монгольское завоевание, длительная борьба башкир против гнета ногайских мурз, Сибирского и Казанского ханств, колониальная политика русского царизма, последствия стихийных бедствий.

После революции, в годы культурного строительства в СССР, быстрыми темпами развивался атеизм. В этот период на территории Башкортостана и Южного Урала наряду с религиозными сочинениями уничтожались и произведения светского характера. Долгое время отсутствовало серьезное внимание к полевой археографии (поиск, сбор и изучение письменных памятников в среде их бытования) и со стороны самих башкироведов. В результате лишь незначительная часть из широко распространенных некогда в народе рукописных книг ныне хранится в Уфе, Казани, Оренбурге, Саратове, Самаре, Санкт-Петербурге, Москве, Ташкенте, Алма-Ате, Ереване и др.

Самарская (Куйбышевская областная) библиотека, например, формировалась в свое время из разных источников: бывших хранилищ татарских и башкирских мечетей и медресе, частных коллекций купцов, которые вели торговлю с Восто-

ком через Каспийское море и Волгу. Здесь собрано около 15 тысяч изданий, в том числе, более 300 восточных рукописей. Среди них имеются четыре уникальные рукописи (три из которых ранее были известны только по названию) математических и астрономических трактатов Ибн аль-Хайсама, жившего и работавшего в Каире в конце X - начале XI вв.

Восточные книжно-рукописные собрания в г. Уфе сосредоточены в разных местах. По содержанию их можно разделить на следующие группы.

Во-первых, это рукописи и книги исторического характера: труды Ибн Халдуна «Тарих» (1284 х.) в семи томах, «Тарджамат ал-Мукаддима» в трех томах; «Тальфик ал-ахбар» М.Мурада, «Тарих» Г. Джаудата в 12 томах (1309 х.); «Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» и «Вафийат ал-аслаф ва тахийат ал-ахлаф» Ш. Марджани, «Тюрк ва татар тарихы» А.-З. Валиди. Такие сочинения, как «История Булгарии» в разных версиях: «Таварих-и Булгария» Хисам ад-дина ал-Булгари (XVI в.), «Тарих нама -и булгар» Тадж ад-дина Йалчигула (начало XIX в.), «Таварих-и Булгарийа йаки такриб-и Гари » Гали Чокорья, анонимный сборник конца XVII в. «Дафтар-и Джингиз нама», «Таварих-и башкорт», «Усерган тарихы» шежере юрматинских, кыпсакских, табынских, усерганских, айлинских башкир, родов мамат, котобаба, шагали шакман, кунакас, дже-ней, дархан, нугаш, ырсай, кайбыш, каратавлы и т.д., многочисленные записи по истории сел и деревень республики, некоторые исторические документы – договоры, протоколы, акты и т.п.

Второй обширный раздел – дореволюционная литература Башкортостана, представленная в основном рукописной поэзией. Среди поэтических произведений особо выделяются списки (рукописные варианты) самого раннего и популярного литературного памятника периода Булгарского государства – поэмы «Кисса-и Йусуф» Кул Гали, написанной в 1212-13 гг. К числу ранних литературных памятников, созданных в Приуралье и Поволжье, относятся также списки дастанов «Кисикбаш»

(XIII-XIV вв.), «Дастан-и султан-и Джумджума» Хусам-Катиба (XIV в.), «Хикмат» Мавли Кулуя (XVII в.). Списки всех этих сочинений относятся к XVIII и XIX векам.

Большую группу рукописных книг составляют списки и оригиналы литературных произведений местных поэтов и писателей XIX - начала XX вв. К ним относятся сочинения Утыза Имани (Абд ар-Рахима Усмана), Тадж ад-дина Йалчигула, Абул-маниха ал-Каргалы, Абд ал-Джабара Кандали, Хибаталлах ибн Саййид Баттала ал-Каргали, Шамс ад-дина Заки, Гали Чокоря, Мифтах ад-дина Акмуллы. Чрезвычайно ценными источниками являются личный фонд Риза ад-дина Фахри ад-дина, а также опубликованные и неопубликованные научные труды, публицистические статьи, литературные переводы и письма Мухаммад-Салима Уметбаева.

Отдельную группу составляют списки произведений среднеазиатской суфийской литературы: «Диван-и хикмат» Хваджа Ахмад Йасави, «Ахир-заман китаби» и «Бакирган китаби» Сулаймана Бакиргани, «Сабат ал-аджизин» Суфи Алах йара и др. Имеются также списки произведений классической восточной поэзии – «Гулистан» и «Бустан» Саади, «Маснави» Руми и др.

Из научных сочинений особо выделяются рукописи по арабской грамматике, астрономии, философии, медицине, логике, этике, написанные на арабском, персидском и тюрки. Среди них можно назвать «Ал-Фава-ид аддый-ийа» Абд Аррахмана ал-Джами, «Ридау ад-дин Ала-л-Кафиййа Хасана ал-Астрабадия, «Аш-Шафиййа» Абу Бакра Бин ал-Хаджиба, «Ал-Алфиййа фи- нахуи» Ибн Малика Ал-Андалуси, «Ал-Унмузадж» Махмуда бин Омар аз-Замахшари, «Ал-Мохтасар» Убайдуллы Садр аш-Шаригата.

Значительную часть хранящихся в Уфе рукописей составляет фольклор Урало-Поволжья в записях XIX-XX вв. Это эпосы, сказки, байты, песни, частушки, мунаджаты, легенды.

Наконец, религиозная литература представлена трактатами по вопросам исламского права и судопроизводства, руко-

писями Корана и комментариями к нему, хадисами и сочинениями религиозно-богословского содержания. К ним можно отнести тетради и конспекты учащихся медресе.

К сожалению, все это бесчисленное богатство расплылось между фондом рукописей и редких книг Института истории, языка и литературы, Научной библиотекой и Научным архивом УНЦ РАН. Национальной библиотекой имени Ахметзаки Валиди. Центральным государственным историческим архивом РБ, Государственной книжной палатой РБ, Национальным музеем РБ, библиотекой Центрального духовного управления мусульман России и Европейских стран СНГ, рассредоточено в руках частных лиц. Это отнюдь не способствует целеустремленной и согласованной работе немногих востоковедов республики.

Башкирское востоковедение реализовалось, прежде всего, через такие региональные отрасли, как тюркология и башкироведение.

Велика роль русских ученых в изучении края. Представители русской интеллигенции, ученые краеведы Р.Г. Игнатьев, В.С. Юматов, М.В. Лоссиевский, С.Г. Рыбаков, А.Г. Бессонов, писатели А.С. Пушкин, С.Т. Аксаков, Л.Н. Толстой, М.Л. Михайлов, М.Е. Салтыков-Щедрин, Д.Н. Добротворский, А.М. Федоров, Н.Г. Гарин-Михайловский, В.В. Брусянин и другие внесли весомый вклад в изучение истории, быта, языка, психологии, культуры и литературных традиций народа. Русские литераторы создали произведения с описанием героической борьбы, жизни, славной истории башкирского народа. В 1812 году Т.С. Беляевым выпущен в свет «Куз-Курпач, башкирская повесть, писанная на башкирском языке одним курайчем и переведенная на российский в долинах гор Рифейских, 1809 года» которая передается в русской интерпретации. Это издание стало большим событием в культуре не только башкирского, но и многих других тюркских народов. Впервые на русском языке был издан восточный эпос. Это издание вызвало большой интерес ко всему башкирскому устно-поэтическому твор-

честву. Позже Т.С. Беляев переводит на русский язык еще один письменный памятник – сказание «Алдар и Зухра».

В 1826-30 гг. несколько участников Декабрьского движения были сосланы в Оренбургский край. Многие декабристы и здесь продолжают заниматься творчеством, одновременно изучают национальное самосознание башкир. Особый интерес к изучению истории и культуры башкирского народа проявляет руководитель Оренбургского тайного общества поэт-декабрист П.М. Кудряшев (1797-1827). Он, замечая стремление башкир к образованию, писал, что они “в нынешнее время довольно заботятся об образовании себя”.

В конце 1920-х годов к более углубленному изучению грамматического строя башкирского языка приступает член-корреспондент АН СССР Н.К. Дмитриев, создавший позже первую среди тюркских языков академическую грамматику башкирского языка. Учеником Н.К. Дмитриева является профессор Дж. Кiekбаев – автор фундаментальных трудов по башкирскому языку, основатель башкирской школы Сравнительно-исторического изучения урало-алтайских языков на основе теории определенности и неопределенности.

Под влиянием русской ориенталистики появились ученые из коренной национальности. Это – ученый-краевед, лингвист и переводчик М. Уметбаев, востоковед, писатель-просветитель, религиозный деятель Ризаитдин Фахретдинов, востоковед-тюрколог с мировым именем Ахметзаки Валиди.

В настоящее время в Республике Башкортостан имеется два академических центра по востоковедческому профилю: Институт истории, языка и литературы и Центр Этнологических исследований УНЦ РАН.

За последнее десятилетие Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН опубликовал крупные, обобщающие исследования по башкирскому языку, литературе, фольклору и истории Башкортостана на башкирском и русском языках. Это: «История башкирского литературного языка», многотомная «История башкирской литературы», «Башкирское народное

творчество» в 18-ти томах, «История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века».

Центр этнологических исследований подготовил к изданию фундаментальную монографию «Народы Республики Башкортостан».

Однако за пределами упомянутых коллективных монографий осталось немало проблем, имеющих не только национальное башкирское, но и общевостоковедческое значение. Изучать эти проблемы за нас не будут ни в одной стране мира. В этом и заключается первостепенная задача башкирского востоковедения в общевостоковедческой науке.

А таких задач множество. Это последовательное выявление, систематизированная каталогизация и всестороннее описание Корпуса восточных рукописных и старопечатных книг Башкирии, детальное картографирование и кодификация рукописных фондов на территории Республики Башкортостан, текстологический анализ старописьменных памятников Урало-Поволжья и их филологическая интерпретация, историко-культурологическое комментирование восточных источников Башкортостана и связанных с ним ареалов, серийная публикация востоковедческих исследований по Башкирии и продолжение археографических, источниковедческих и текстологических выпусков ранее предпринятых публикаций, таких, как «Южноуральские археографические сборники» и подобные им факсимильные издания оригинальных текстов восточного происхождения с территории Башкортостана и сопредельных регионов, переиздание старых и печатание новых собраний башкортостанских шежере под общей редакцией Раиля Гумеровича Кузеева, тиражирование лексикографических справочников по восточным языкам Башкирии, составленных Зиннуром Газизовичем Ураксиным, Талмасом Магсумовичем Гариповым и их учениками и, наконец, выполнение целевых исследовательских программ по востоковедческим аспектам тюркологии и башкироведения.

Востоковедение в Башкортостане видится, прежде всего, как практическое, источниковедческое. Главным предназначением его должно стать введение в научный оборот новых исторических источников, а также памятников языка и литературы. Но для выполнения этой миссии башкирское востоковедение обязано самым тщательным образом исследовать эти источники и памятники, подготовить, издать их.

Башкирские ученые-гуманитарии уже давно говорят о необходимости создания при Академии наук Республики Башкортостан востоковедческого центра. На наш взгляд, давно назрела необходимость создания общими усилиями хранилища восточных рукописей Республики Башкортостан и на этой базе – Института рукописей. Аналогичные институты имеются в Баку и Ташкенте, готовится открытие такого института в Казани. Организация такого востоковедческого центра согласуется как с богатыми традициями российской ориенталистики, так и с определенными достижениями местного, регионального востоковедения.

¹ Соколов Д.И. Историческое и статистическое описание Горного Кадетского корпуса. – СПб, 1860

История собирания и изучения монгольских сатирических сказок в России

Монгольские сказки привлекли к себе внимание ученых еще в XIX веке. В это время сказки стали записываться, пересказываться и по возможности, переводиться на русский язык. Следует подчеркнуть, что именно русским ученым путешественникам принадлежит заслуга в области широкой популяризации монгольских сказок. Начиная с 1800 года, переводы монгольских сказок публиковались в многочисленных номерах "Журнала новостей", "Сибирского вестника", "Журнала министерства внутренних дел".

Переводы снабжались небольшими примечаниями или комментариями, но детального, подробного исследования сказки до сих пор никто не проводил.

Очень много для собирания и изучения монгольской сказки сделали такие ученые, как Г.Н. Потанин, А.М. Позднеев, А.Д. Руднев, Б.Я. Владимирцов и другие, но и они не пошли дальше небольших примечаний, предисловий, комментариев.

В результате многолетней собирательной и исследовательской деятельности учеными был создан целый ряд фундаментальных трудов по монгольскому народному творчеству. Среди них: Б.Я. Владимирцов "Библиография монгольской сказки" (1912), "Монгольский сборник рассказов из Панчатантра" (1921), "Образцы монгольской народной словесности"

(1926); Г.Н. Потанин "Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия" (1893), четырехтомник "Очерки северо-западной Монголии" (1881-1883); А.Д. Руднев "Образцы народной словесности монгольских племен" (1908) и многие другие. Данные фолианты включают антологию всех жанров устного народного творчества монголов.

В своих трудах ученые-монголоведы XIX – начала XX столетий не ставили перед собой задачу комплексного, систематического исследования какого-нибудь отдельного жанра монгольского фольклора. Ученые стремились охватить всевозможные жанры устного народного творчества монголов и дать самую общую характеристику его особенностей в целом. Таким образом, собирание и изучение конкретно сатирических сказок монголов никем не проводилось, а имеющиеся в научных трудах ценные сведения об этих сказках находились в весьма разрозненном состоянии.

Поскольку в последнее время актуальным стало исследование становления сатирико-юмористического жанра в новейшей монгольской литературе, его генезиса в частности, назрела необходимость собрать воедино все, что было сделано не только российскими, но и монгольскими учеными в области исследования монгольской сатирической сказки. Следует подчеркнуть, что довольно плодотворная совместная работа по собиранию, изданию и изучению монгольских сказок ведется учеными наших двух стран уже с начала XX века. Например, к русскому переводу монгольских сказок, привезенных доктором наук К.Д. Русановым, профессор Ц. Жамцарано написал предисловие и в 1923 году в Урге был опубликован двухтомник "Монгольские сказки". Очень интересен совместный труд ученых Ц. Жамцарано и А.Д. Руднева "Образцы народной словесности монгольских племен" (1908), куда они включили наряду с образцами различных жанров монгольского фольклора и сатирические сказки из цикла "Сказки о Бадарчине".

В 1912 году в Петербурге вышел сборник монгольских народных сказок, собранных и переведенных русским ученым

А.П. Бенингсэном, "Легенды и сказки Центральной Азии". В этом сборнике в научный обиход было введено около 40 халха-монгольских сказок, сказок-легенд. В предисловии к сборнику А.П. Бенингсэн конкретно монгольские сатирические сказки охарактеризовал, как наиболее ценный материал, отражающий не только особенности быта и нравов монголов того времени, но и критические взгляды самих монголов на свою жизнь.

По классификации монгольского литературоведа П. Хорлоо монгольские сатирические сказки по специфике своих главных героев делятся на три цикла: "Сказки о Бадарчине", "Сказки о Далан Худалче (Балансэнгэ)" и "Сказки о бедняках, одерживающих верх над нойонами и богатеями)".

Представляется, что наиболее важным является более подробное обращение к материалам исследований сатирических сказок из цикла "Сказки о Далан Худалче (Балансэнгэ)".

Для ученых XIX века самым существенным оказался вопрос о происхождении этого сказочного цикла. Внимание исследователей привлекли имеющиеся у разных монгольских народов разночтения в имени его главного героя (Далан Худалч, Далан Хоер Худалч, Балансан, Балансэнгэ, Бэлэнсэнгэ, Балм Сан).

Г.Н. Потанин, путешествуя в 1884-86 гг. по тангутско-тибетской окраине Китая и Центральной Монголии, записал пять сюжетов сказок под названием "Балынъ-Сэнгэ"; в 1926 году Б.Я. Владимирцов записал у байтов (одно из монгольских племен) сказки под названием "Балм Сан"; в 1937 году А. Мостарт зафиксировал у ордоссов (монгольское племя в Южной Монголии) восемь сюжетов сказок "Палан Сан"; в 1950 году Х. Тодаева выявила в фольклоре синьцзянских монголов сказки "Далан Хоер Худалч".

Сравнительный анализ сюжетов сатирических сказок, записанных учеными, показал, что сюжеты сказок, фигурирующих под названием "Далан Худалч", "Далан Хоер Худалч", существенно отличаются от сюжетов сказок, имя главного героя которых звучит как Балынъ-Сэнгэ, Балм Сан, Палан Сан, в

то время как сюжеты последних имеют незначительные расхождения.

Четко вырисовываются две основные сюжетные линии сатирического цикла "Сказки о Далан Худалче (Балансэнгэ)", определяемые спецификой их главного героя, выступающего в двух ипостасях: Далан Худалч (Далан - семьдесят, Худалч - лгун, враль) - Несусветный Враль и Балансэнгэ (Бэлэнсэнгэ) - балагур, насмешник, тираноборец, "монгольский Тиль Уленшпигель", как называл его Б.Я. Владимирцов в своей книге "Образцы монгольской народной словесности".

Многие из этих сказок явно монгольского происхождения, так как изображают специфические реалии монгольского быта, а именно: в этих сказках упоминаются предметы монгольского обихода (аргамжаа - привязь; эсгий - войлок, ургаа - урга (длинный шест с петлей на конце для ловли скота)), традиционные занятия монголов (чомог таших - разбивать трубчатые кости, чтобы достать костный мозг; чистить сапоги топленным жиром и т.п.).

Следует заметить, что вопрос о сюжетной близости сказок разных народов – один из сложнейших вопросов современной фольклористики, до конца еще не разрешенный.

Нет сомнения, что сказочные сюжеты у разных народов возникают на почве различных реалий независимо друг от друга. В связи с этим у каждого народа появляются свои собственные сказки, как результат активной духовной жизни этого народа, отражения особенностей его быта, обычаев, условий производства (земледелие или скотоводство и т.п.), религии и т.д.

Бесспорно и то, что многие народы, в частности, монголы, буряты, калмыки, тувинцы находились в многовековой связи, в тесном общении. Им свойственны общность исторического развития, а, следовательно, и общность интересов простых людей, которые издревле находили свое выражение в сказках. Связь языков этих народов делала более доступной передачу произведений фольклора от одного народа к другому.

Попав в схожую фольклорную среду, иноземные сказки адаптировались к произведениям устного народного творчества того народа, который получал их во владение, и очень быстро теряли свое иноземное звучание, воспринимались как исконно национальное творчество.

Абсолютно прав П. Хорлоо указывая, что "Балансэнгэ в монгольском фольклоре относится, вероятно, к древним временам". Только назывался он по-монгольски Далан Худалч (Семьдесят Небылиц, Несусветный Враль).

Вплоть до XX века Монголия находилась в полной изоляции от культурного мира, что было следствием захватнической политики маньчжурских колонизаторов. Поэтому притягательным центром не только религиозной, но и всякой другой культуры для монголов стал Тибет.

Монголы, приняв буддизм из Тибета, испытывали большое культурное влияние этой страны.

Начиная с этого времени, монголы познакомились с индийской, тибетской литературой. Литература, народные сказки этих стран постепенно проникли в Монголию. Среди них и серия сатирических сказок под названием "Балм Сан".

"Балм Сан был занесен, очевидно, путем устной передачи. как обычно передаются рассказы-анекдоты", - отмечал Б.Я. Владимирцов. Балм Сан, попав к монголам, в сказочном фольклоре которых уже наличествовал подобный герой - Далан Худалч, трансформировался в Балансэнгэ и стал называться Далан Худалч Балансэнгэ (Несусветный враль Балансэнгэ).

Таким образом, монгольский цикл сказок "Далан Худалч (Балансэнгэ)" появился в XVIII-XIX веках в результате слияния двух сатирических традиций: монгольской "Далан Худалч" и тибетской "Балм Сан".

М.Е. Малевинская
Российский Государственный Архив
Военно-Морского Флота
Санкт-Петербург

Вклад военных моряков в отечественное востоковедение

Прежде всего, хочется отметить, что до настоящего времени этой теме уделялось довольно мало внимания. Так, например, в книге “История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года”, вышедшей в Москве три года назад, целый раздел отведен Военному министерству и вкладу сухопутных офицеров в изучение Востока и лишь косвенно упоминаются военные моряки, а ведь вклад Морского министерства также весьма значителен.

Российский государственный архив Военно-морского флота – один из старейших архивов страны, однако лишь последние 82 года он имеет статус государственного. Ранее он был ведомственным и принадлежал Морскому министерству. Таким образом, весь документальный комплекс, состоящий в настоящее время из 1270 фондов объемом более 760000 ед.хр. за период с конца XVII в. и до 1917 г. включительно (мы берем сегодня только дореволюционный период), сохранился в недрах военно-морского учреждения. Это дает возможность сегодняшним исследователям работать с ценнейшими документами, содержащими важную информацию, в т.ч. и по восточной тематике. Военные моряки не только оказывали помощь и содействие различным научным экспедициям, в т.ч. организо-

ванным Академией наук и Русским географическим Обществом (его президентом был генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич, а одним из руководителей – адмирал Ф.П. Литке), но и проводили собственные научные экспедиции, кругосветные и заграничные плавания. Их материалы пополняли архив Морского министерства.

В рамках сегодняшнего выступления невозможно дать полное описание тех материалов архива, которые характеризуют вклад российских военных моряков в отечественное востоковедение, поэтому мы сделаем лишь краткий обзор, а более подробно остановимся лишь на фонде Главного морского штаба.

В фондах РГАВМФ имеются указы, рапорты, журнал 1-й Камчатской экспедиции, переписка и ряд других документов о ее организации и отправке в 1725 г. из Петербурга в Охотск (через Тобольск и Якутск), плавании из Охотска в Большерецк и вдоль восточных берегов Чукотки. Среди документов 2-й Камчатской экспедиции 1733-43 гг. отложились рапорты и переписка о назначении В. Беринга ее начальником, а А.И. Чирикова и М. Шпанберга его помощниками; формировании отрядов экспедиции для изучения и съемки побережья от Печоры до Берингова пролива, плавании дубель-шлюпки “Тобол” Обь-Енисейского отряда под командованием Д.Л. Овцына, дубель-шлюпки “Якутск” под командованием В.В. Прончищева и Х.П. Лаптева, об описи р. Анадырь отрядом Д.Я. Лаптева (1733-41 гг.); журналы, экстракты и рапорты о плавании судов под командованием М.П. Шпанберга из Охотска к Большерецку и вдоль гряды Курильских островов к Японии (1738-39 гг.). В документах архива содержатся сведения о результатах деятельности 2-й Камчатской экспедиции: определении местонахождения Японских островов, исследовании и нанесении на карты северо-восточной Азии, северной части Тихого океана и изучении отдельных северных районов Сибири. В коллекции картографических материалов хранятся карты северо-восточной части России и северной части Тихого океа-

на, составленные участниками экспедиции или по ее материалам с указанием времени и пути следования отрядов экспедиции по суше и плавания судов, мест стоянок и зимовок отрядов. На картах показаны земли, острова, моря, заливы, бухты, проливы и гавани, открытые и описанные русскими моряками. Среди этих материалов "Атлас к путешествию флота капитана Сарычева" с видами берегов Камчатки и Алеутских островов, рисунками из жизни и быта населения; альбом рисунков и видов берегов Чукотского моря, р. Колымы, Курильских и Алеутских островов и Камчатского берега, зарисованных с натуры участником экспедиции художником Лукой Ворониным.

В фондах архива отложился большой комплекс документов, относящихся к подготовке и снаряжению судов в кругосветные экспедиции и переходам в порты Дальнего Востока в XIX в. Перечисление этих плаваний займет довольно много времени, поэтому лишь отметим, что их результатами были открытие, изучение и описание русскими моряками различных островов, заливов, бухт в Тихом и Индийском океанах; значительный вклад внесли русские морские офицеры в исследование и описание устья Амура, Курильских, Алеутских и др. островов. Большой объем документов свидетельствует об участии судов в охране дальневосточных владений России. Результатом этих плаваний были и сведения о культурно-бытовом и экономическом положении народов Дальнего Востока (Курильских островов, Сахалина, района Амурского лимана и др.).

В РГАВМФ сохранились отдельные документы и сведения о заселении Волжским казачьим войском Терека на протяжении 500 верст для укрепления границ Кавказа в 1776 г., заселении и освоении Дальневосточного края во второй половине XIX - начале XX вв., а также материалы о развитии политико-экономических отношений России с народами Кавказа и Средней Азии, в т.ч. о заключении мирного договора с калмыцким ханом Аюкой, вступлении калмыков в русское подданство и участии их в борьбе с крымскими и кубанскими татарами; о принятии черкесов в русское подданство (конец XVII

- начало XVIII вв.); доклады, распоряжения, рапорты и переписка о развитии русско-туркменских отношений в XIX в., установлении торговых и дружественных связей с туркменами, живущими на восточном побережье Каспия, содействии им в развитии рыболовства и торговли, в частности, о бесплатной доставке на судах русского флота их товаров в Астрахань, разрешении туркменам селиться в Астраханской губернии, вступлении их в русское подданство и защите туркменских племен от набегов “диких кочевников”; об учреждении в 60-х годах XIX в. в Красноводске торговой фактории и развитии торговых связей с Бухарой и Хивой; сведения о жизни и быте отдельных туркменских племен, состоянии городов, ремесел и сельского хозяйства в Хивинском ханстве (1813-78 гг.); о нападении персидских отрядов на туркменские племена, вмешательстве персидских чиновников в русско-туркменские отношения (1842-76 гг.); ряд документов свидетельствует о развитии связей с народами Дальнего Востока, в т.ч. об отношениях с камчадалами, торговых отношениях с гиляками в Приамурье и на Сахалине (до середины XIX в.); сведения о жизни и быте камчадалов, чукчей, гиляков и других народов Сибири и Дальнего Востока (XVIII - начало XX вв.); среди картографических материалов можно отметить карту Кавказского края со сведениями о национальном и численном составе населения 1842 г. - и все это богатство и разнообразие документов сохранилось в стенах военно-морского архива.

Но более полно вклад российских военных моряков в отечественное востоковедение могут отразить материалы, сохранившиеся в фонде Главного морского штаба (ф. 417) - только в 2-х его описях содержится около 600 ед.хр., содержащих интересующую нас информацию. При этом необходимо отметить, что многие ед.хр. или дела, как у нас принято называть, содержат от 200 до 600 листов, т.е. количество документов и, соответственно, информации в них значительно больше. Документы датируются 2-й половиной XIX - началом XX вв. Большая часть материалов – это рапорты и донесения о плава-

ниях российских военных кораблей с Балтики на Дальний Восток, в морях Тихого океана, кругосветных плаваниях – они содержат много интереснейшей информации. Рапорты командиров кораблей, начальников отрядов – ценнейший источник, но до настоящего времени еще недостаточно хорошо изученный и используемый исследователями. Из них мы получаем информацию об экономическом, внутривполитическом положении различных стран, описание портовых городов, жизни и быта народов, иногда имеются фотографии. Бывают случаи, когда рапорт о посещении порта составлял человек, который уже посещал его некоторое время назад, и тогда появляются даже сравнительные характеристики развития данного региона. В этом же фонде представлен еще один важный и интересный источник; донесения (или рапорты) морских агентов (атташе), в которых широко представлены сведения о направлении внешней и внутренней политики, финансовом и экономическом положении, состоянии вооруженных сил и военно-морского флота страны их пребывания. Часто приводятся характеристики политических и военных деятелей. В этом фонде имеются описания различных портов Тихого и Индийского океанов, составленные военными моряками, в т.ч. с приложением карт, планов и фотографий.

В заключение хочется с сожалением отметить, что исследователи, занимающиеся вопросами востоковедения, довольно редко обращаются к материалам нашего архива, т.к. до сих пор остается некоторое предубеждение о возможностях найти необходимую информацию в фондах Российского государственного архива военно-морского флота. Возможно, что сегодняшнее сообщение послужит некоторым стимулом, пробудит интерес к нашим документам, и в ближайшем будущем они смогут стать фундаментом для серьезных научных исследований.

С.М. Михайлова,
Казанский Государственный Университет
О.Н. Коршунова
Казанский Государственный Технический Университет

Казанский университет как центр научного краеведения

Общественное краеведческое движение в Казани зародилось в XIX столетии. Его становление приходится преимущественно на вторую половину века. Однако полосе его расцвета предшествовали труды и исследования первых десятилетий века. Решающим фактором перерастания отдельных краеведческих экскурсов (такую работу вел уже историк, директор Первой гимназии и первый директор университета, выпускник Петербургского педагогического института И.Ф. Яковкин) в научное направление сыграло основание в 1804 году Казанского университета. Деятельность преподавателя университета М.С. Рыбушкина и врача Н.К. Бажанова с полным основанием можно квалифицировать как научное краеведение. «Краткую историю города Казани» в двух частях выпустил в 1834 году профессор К.Ф. Фукс. Изучение природы, населения, истории и культуры Казани и региона первые подвижники краеведения осуществляли по всем законам первооткрывателей. Уже в 1820-е годы в Казанском университете создаются первые музеи, носившие тогда геологический, этнографический профиль. Известный востоковед Х.Д. Френ – коллекционер болгарских, золотоордынских монет и древностей – организовал в университете нумизматический кабинет (Минц-кабинет). На богатст-

во музейных экспозиций Казанского университета обратил внимание А. Герцен, отметивший, что в них «больше одежд, рукописей, древностей, монет китайских, манчжурских, тибетских, нежели европейских».¹

Университет выступал координатором краеведческих и востоковедческих изысканий в крае. Одной из главных заслуг казанских пионеров краеведения была тесная связь с общественностью посредством периодической печати. Историей края занимались «Казанские известия» – первая провинциальная газета России, издававшаяся при Казанском университете с 1811 г. Этот, по оценке казанского краеведа конца XIX века М. Пинегина, «живой отголосок местной современной жизни» публиковал материалы по истории, географии и этнографии народов Поволжья и Приуралья.

Первым частным казанским журналом был созданный адъюнктами университета М.С. Рыбушкиным и М.В. Полиновским «Заволжский муравей». Выходивший в 1832-34 годах дважды в месяц, он печатал не только сообщения о событиях внутренней и внешней жизни России того времени, но и интересные сведения по истории, географии, экономике края. Особую ценность представляют многочисленные материалы о быте, традициях, истории нерусских народов Поволжья, Урала, Сибири. «От нашего взора, - замечал в этой связи М. Рыбушкин, - не ускользнет ни малейший памятник древности».²

Профессора и преподаватели университета Н.Н. Кафтанников, Г.Н. Городчанинов, М.В. Полиновский, Л.Н. Ибрагимов, М.С. Рыбушкин, Ф.М. Рындовский, И.А. Верниковский, Г.И. Солнцев, Ф.И. Эрдман представляли в журнале авторами разнообразных и разнохарактерных материалов на различные сюжеты. История болгар и Казанского ханства, быт башкир, чуваш, черемис, мордвы, казаков Енисейского и кочевников Туруханского края, башкирские народные повести и чувашские песни, описание болгарских развалин и анализ древних татарских надписей - вот далеко не полный перечень одних только тем публикаций журнала. В переводе студента университета С.

Кукляшева на страницах «Заволжского муравья» публиковались произведения восточных авторов.³ Во внушительном списке других студентов-публицистов можно назвать К. Бобановского, В. Волкова, А. Жукова, К. Лебедева, А. Рушко.

В журнале «Заволжский муравей» печатались статьи К.Ф. Фукса о состоянии здоровья населения и экологии города Казани. Неподдельным интересом жителей Казани в 1830-40-е годы пользовались беседы и лекции этого популярного медика о санитарном состоянии города. В 1840-е газета «Губернские ведомости» публиковала статьи редактора А.И. Артемьева «Памятники древности Казанской губернии», статьи К. Фукса «Поездка к вотякам», «Татарские слободы» и другие материалы историко-краеведческого характера.

Важное место в системе краеведческих структур занимали научные общества. В 1839 при активном участии Н.И. Лобачевского в университете организовано экономическое Общество, имевшее свой Устав и издававшее «Записки».⁴ Оно не только изучало местную экономическую деятельность, хозяйственные особенности края, но и оказывало конкретную организационную и практическую помощь конкретным адресатам. Так, усилиями А. Бутлерова была создана химическая станция. В 1847 при сельскохозяйственной ферме Казанского экономического Общества близ Казани открылось четвертое земледельческое училище агрохимиков. «Общество» периодически устраивало сельскохозяйственные и промышленные выставки.

Еще одной особенностью краеведов первой половины XIX века было подчеркнутое внимание к нерусскому населению края и его обычаям. Предпосылки такого фокусирования научных интересов определялись объективными чертами этнической картины края. «Густо населяющие этот край тюрко-монгольские и финские племена, с своими специфическими бытовыми, религиозными и лингвистическими особенностями, с своим особым складом исторической и современной жизни», по замечанию исследователя истории университета, крупного

ученого-правоведа и историка профессора Н.П. Загоскина, придавали краю «своеобразную этнографическую физиономию».⁵ Интерес к изучению народностей, особенно восточных, получил новый импульс после войны 1812 г., отмеченной героизмом татар, калмыков, башкир в ходе боевых действий, а также всесторонней поддержкой общероссийского патриотизма.

Изучение национальной специфики края, воплощавшего в своем облике неповторимый колорит Востока, носило комплексный характер. При этом ученые крупнейшего в Поволжье и Приуралье научного и учебного центра понимали, что многие черты культуры народов региона связаны с отсутствием политической жизни, от которой они были отстранены. Это не могло не затруднять и дела фиксации исчезающих черт народного быта, фольклора нерусских народов. Тем значительнее были усилия краеведов Казани по сохранению культурного и исторического наследия местных народов.

В 1869 в университете была принята программа изучения татарской старины, собирания старинных монет, вышивок и орнаментов, ювелирных изделий, предметов татарского быта. Наряду с вопросами городского благосостояния, санитарными темами в публичных лекциях профессоров одно из центральных тем занимали сюжеты из истории местных нерусских народов. Эта традиция не прекратилась после смерти К. Фукса и отъезда М. Рыбушкина в Астрахань. Одним из популярных лекторов был в Казани С.В. Ешевский, возглавлявший кафедру истории. С.В. Ешевский был уверен, что «только после тщательного рассмотрения различных народностей и после сличения форм быта, верования и т.п. у племен, обитавших в пределах России, можно приступить к внутренней истории самого русского народа».⁶ Он организовал в университете археолого-этнографический музей, выставку коллекций болгарских вещественных памятников.

Следует заметить, что официальный курс правительства был нацелен на «духовное уподобление» инородцев русским.

Так, министр народного просвещения, назначенный в 1824 году, А.С. Шишков, излагая принципы нового плана народного образования, акцентировал внимание на религиозно-монархическом воспитании. «Воспитание народное по всей империи нашей, несмотря на разность вер, ниже языков, должно быть русское... Все иноверное российское юношество должно учиться нашему языку и знать его», – гласили уже первые пункты «Плана».⁷ С завершением эпохи «Великих реформ» всплеск реакционных тенденций правительственного курса обретает черты долговременности. Граф Дмитрий Толстой, бывавший в Казани в 1866, в последующем отчете, писал, например: «Просвещать постепенно инородцев, сближаться с русским духом и с Россией – составляет ... задачу величайшей политической важности».⁸

На этом фоне ориентиры деятельности и личные убеждения краеведов Казани отличаются демократизмом, терпимостью и неподдельным интересом к культуре нерусских народов Поволжья и Востока России в целом. Реальная исследовательская деятельность этнографов, археологов, историков Казани была нацелена на картографирование, популяризацию истории и культуры народов края. Казань зарекомендовала себя как крупный центр исследования древностей и этнографических особенностей Поволжья и Приуралья.

Виднейшие востоковеды О. Ковалевский, И. Березин, А. Казем-Бек, И. Хальфин, М. Махмудов, Х. Фейзханов, проводившие большую работу по научному изучению восточных языков, по сохранению для последующих поколений бесценных письменных памятников прошлого, вместе с тем исключительное внимание уделяли исследованию культуры, быта, верований и этногенеза местных народов. Эти проблемы они рассматривали в тесной связи с процессами исторического развития. Благодаря тесному общению с цивилизованной частью мусульманских священнослужителей казанские ориенталисты собрали бесценные рукописи и материалы, обогатившие университетскую библиотеку.

Не случаен был выбор Казани местом проведения IV всероссийского археологического съезда в 1877 г. Интересные работы о древнебулгарских городищах представил С.М. Шпилевский. Профессор И.Н. Смирнов к началу восьмого археологического съезда выпустил работу «Вотяки. Этнографические очерки», опубликованную в «Известиях ОАИЭ» (далее ИОАИЭ).

Специальный краеведческий профиль выделял деятельность Общества археологии, истории и этнографии, созданного при Казанском университете в 1878 году. В нем объединились такие известные ученые, как В.В. Радлов, И.А. Износков, В.К. Савельев, С.М. Шпилевский, П.А. Пономарев, Н.И. Золотницкий, К. Харлампович, А.И. Островский. Один из ведущих краеведов-членов общества И.А. Износков, автор более полусотни научных работ, издал в 1895 «Список населенных мест с кратким их описанием. Лайшевский уезд». Десятилетием раньше, в 1884 году, он выступил на Заседании ОАИЭ с сообщением «О хорографических названиях в Казанской губернии». Страстным историком-краеведом, любителем старины был почетный член ОАИЭ, работавший рядовым бухгалтером канцелярии Казанского учебного округа Н.Я. Агафонов (1842-1908). Известен целый ряд активистов Общества из числа нерусских народов. Большим спросом в крае пользовалось печатное издание «Известия общества археологии, истории и этнографии», на страницах которого публиковались древние письменные памятники, отражались новые находки археологов, этнографов и археографов.

Своей целью общество провозглашало «изучение прошедшего и настоящего русского и инородческого населения в территории бывших Булгаро-Хазарского и Казанско-Астраханского царств, с прилежащими к ней местностями».⁹ Если в начале своего пути общество включало сорок членов-сотрудников, то уже через восемь лет число это выросло до 138 членов разных наименований. За эти годы состоялось сорок заседаний общего собрания членов.¹⁰ В 1892 году в ОАИЭ

насчитывалось 184 члена, оно имело свой музей с предметами болгарской культуры.

Заслугой работавших в обществе краеведов стала подготовка условий для создания краеведческого музея. Хотя городской музей возник лишь в 1895 г., ему предшествовали проекты, разработанные в обществе. Действительный член В.М. Флоринский представил проект публичного историко-этнографического музея при ОАИЭ, который предложил именовать «Собранием древностей и предметов современного быта». В состав Волго-Русского отдела музея Флоринский включал инородческий отдел с подразделениями по национальностям, например татаро-магометанский, башкирский, чувашский, черемисский, мордовский, вотяцкий и др.¹¹

Члены Общества были согласны в том, что древние памятники Булгарского царства должны быть «важнейшим предметом изучения нашего Общества – предмет вполне достойный внимания ученых, имеющий важное значение не только для истории России, но и во всемирно-историческом отношении».¹² Своеобразным девизом работавших в обществе ученых и краеведов были слова археолога Забелина о необходимости «подумать о том, что каждая местность есть живая часть общего целого, а не какое-нибудь департаментское отделение; что, как живая часть, каждая местность имеет самостоятельный, своеобразный смысл, который обнаруживается не только в эконсмических, но и в исторических условиях».¹³ Сокрушаясь по поводу малочисленности предметных следов прошлого, – в частности, металлической утвари – профессор Флоринский обращал внимание на преимущества планомерного сохранения различных вещественных свидетельств минувших эпох. «По этим образцам мы могли бы судить о постепенном движении нашей цивилизации, о вкусах и привычках, об удобствах и неудобствах жизни наших предков, о их стремлениях, потребностях и изобретательности, словом, могли бы шаг за шагом воспроизвести всю прошлую историю нашего культурного развития», – полагал он.¹⁴

Важную роль в создании городского музея сыграли крупные коллекционеры из числа учредителей ОАИЭ В.К. Савельев и А.Ф. Лихачев. Последний еще студентом физико-математического факультета самостоятельно изучал восточные языки, был знаком с крупнейшими востоковедами, посещал музеи университета.

Специфическую роль в культурной жизни края играли в конце XIX века выставки. Их экспонаты помимо практической и коммерческой нагрузки несли на себе и научно-познавательный смысл. Так, в 1887 году на Сибирско-Уральской выставке в Екатеринбурге среди одиннадцати отделов «особое помещение» было выделено для инородцев. Экспозиция Казанского университета в отделе географии включала коллекции «башкирских и киргизских принадлежностей обыденной жизни врача Никольского». Университет представлял также русские и инородческие костюмы, вещи старых инородческих кладбищ и т.д. Казанский университет был награжден на выставке золотой медалью за коллекцию предметов каменного века, представленную ОАИЭ. Награды получили и отдельные коллекционеры.¹⁵

Составной частью деятельности общества было составление карт местностей и административных единиц, входивших в состав Поволжского и Приуральского края. Члены Общества И.А. Износков. подготовил карту Казанской губернии, А.А. Спицын – Вятской губернии, Н.Г. Первухин – Глазовского уезда Вятской губернии.

Важная страница истории ОАИЭ связана с Н.Ф. Катановым, избранным в 1894 г. его членом и секретарем. Вскоре он становится председателем общества и одновременно редактором ИОАИЭ. Заметное место Катанова в истории казанского краеведения и деятельности ОАИЭ обусловлено не только научными заслугами неутомимого исследователя, но и субъективным радением о сохранности зданий, памятников истории в селе Болгары. Огромным влиянием в Обществе пользовался в конце XIX века Александр Антонович Штукенберг – геолог,

историк-краевед, этнограф. Он явился организатором казанской научно-промышленной выставки.

Публикации ИОАИЭ отражали формирование национального сознания местных народов, складывание национальной интеллигенции. Постоянно сотрудничали в ИОАИЭ не менее семнадцати татар. Особенно активным было участие известных татарских просветителей Каюма Насыри и Шигабутдина Марджани, а также Шагбазгарая Ахмерова и рядового учителя, первого археолога из татар Гайнутдина Ахмарова. Им принадлежат интересные наблюдения и обобщения. Г. Ахмаров, принятый членом-сотрудником ОАИЭ в 1893 г., подчеркивал в своих трудах отличия свадебных обычаев казанских татар от обрядов остальных их современников и одновременно сходство этих обрядов с соседями – чувашами, мари, мордвой и удмуртами. Поэтически и самозабвенно писал Г. Ахмаров о Казани: «Вряд ли где еще можно найти город с такой увлекательной, драматичной, остросюжетно и в чем-то парадоксальной историей, как Казань».¹⁶

Сотрудничал с Обществом и первый чувашский этнограф С.М. Михайлов, официальное звание которого было «переводчик Козмодемьянского земского суда». Более всего Михайлов был предан делу изучения своего уезда. Деятельности Михайлова посвящен специальный очерк, подготовленный для «Известий ОАИЭ» действительным членом В.К. Магницким.¹⁷

Заслуги казанских краеведов и востоковедов во второй половине XIX века обусловили интерес к Казани зарубежных ученых. В 1884 году финский ученый Гейкель, командированный Гельсингфорским университетом, изучал финское племя в Казанском крае. Выступил он и на заседании ОАИЭ. Через два года Казань посетил французский ученый Альбрехт Ваддингтон, занимавшийся проблемами влияния славянского племени на тюркское.

С Казанским ОАИЭ было тесно связано Петровское общество исследователей Астраханского края, организованное с краеведческими целями в 1872 году. Открытое 4 октября 1874

г. «в память пребывания в Астрахани в 1822 году Петра I» и в ознаменование двухсотлетия со дня рождения первого императора России, Общество своим Уставом нацеливало членов на сбор «сведений, относящихся к делу всестороннего изучения края и распространение их в виде сырых материалов или в обработанном виде». В целом небогатая по сравнению со спектром работы ОАИЭ деятельность Петровского общества отмечена публикацией рефератов, ряда краеведческих трудов, созданием библиотеки и архива. В 1890 Астраханское Общество участвовало в Казанской научно-промышленной выставке, представив свои коллекции.¹⁸

Достойным продолжателем казанского краеведа К. Фукса стал Н.П. Загоскин – профессор-юрист, одно время – ректор университета. В 1895 г. в актовом зале университета он прочитал пользовавшиеся огромной популярностью лекции «Начало Казани». Лекции в том же году перепечатала газета «Волжский вестник». ОАИЭ имело коллекции рукописей по истории восточной культуры, издавало учебники, словари, организовывало лекции. Наряду с музеем по археологии и этнографии края оно содержало библиотеку из двух тысяч названий книг и материалов. Все это обогащало арсенал средств изучения и пропаганды историко-культурных и краеведческих достопримечательностей.

Таким образом, Казанский университет не только выполнял «историческую миссию первостепенного стимула культуры» в крае (Н. Загоскин), но и заложил традиции научного краеведения. Одной из таких традиций в XIX веке была преемственность усилий по изучению края на протяжении десятилетий, интерес и страстное служение делу изучения местных народов, взаимовлиянию их культур, сбору памятников истории предметов их быта. Если первая половина века, значимая и яркая по кругу краеведческого сообщества, важности исследовательских инициатив первопроходцев, ознаменовала рождение краеведческой деятельности, определила основные векторы интереса к краю, то вторая половина стала временем ус-

ложения связей с общественностью, интенсификацией выставочной, музейной деятельности, углублением научного уровня исследований и их координации. Особую главу казанского краеведения рассматриваемого периода составляют связи между живой пропагандистской, лекторской работой ученых-краеведов с периодической печатью. Методологическим, координирующим и организующим центром стал Казанский университет и его ОАИЭ. Заслугами казанских краеведов явилась активная работа по учреждению и оформлению музеев историко-краеведческой направленности.

¹ Герцен А.И. Собр. соч. – М.-Л., 1954. – Т.1. – С. 132

² Заволжский муравей. – Казань, 1833, – Т.1. – С. 64

³ Заволжский муравей. – 1834. – №11 и др.

⁴ См.: Записки Казанского экономического общества. – Казань, 1854. – Кн.8

⁵ Загоскин Н.П. История Императорского Казанского университета за 1804-1904. – Казань, 1902. – Т. 1. (1804-1814). – С. XXII

⁶ Цит. по: Ермолаев И.П., Шамов Г.Ф. Изучение отечественной истории в Казанском университете. Очерк 1. Первая половина XIX века // *Очерки истории Поволжья и Приуралья*. – Сб. ст. – Казань, 1964. – Вып. 2, 3. – С. 15-43.

⁷ Записки, издаваемые от Департамента народного просвещения. – СПб., 1825. – Кн.1. – С. 52-53.

⁸ Цит. по: Пинегин М. Казань в ее прошлом и настоящем. – СПб., 1896. – С. 406.

⁹ ИОАИЭ. – Казань, 1879. – Т. 1. – С. 7

¹⁰ Краткий очерк восьмилетней деятельности Казанского Общества Археологии, Истории и Этнографии и его задачи. – Казань, 1886. – С. 3

¹¹ ИОАИЭ. – Т. 1. – С. 131

¹² Там же, С. 7.

¹³ ИОАИЭ. – Казань, 1884. – Т. 3: 1880-1882 годы. – С. 29.

¹⁴ ИОАИЭ. – Т. 1. – С. 126-127.

¹⁵ Волжский вестник, 1887, № 173, С. 2

¹⁶ Гайнетдин Ахмеров. Избранные труды. История Булгарии. История Казани. Этнические группы и традиции. – Казань, 1998. – С. 15, 20

¹⁷ ИОАИЭ. – Казань, 1901. – Т. 17. – Вып. 1. – С. 75-78

¹⁸ Энциклопедический словарь. / Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. – СПб., 1894. – Т. 13-а. – С. 487-488.

Востоковеды в Русском комитете для изучения Средней Азии

С середины XIX в. отечественная школа востоковедения стала одной из ведущих в мировой ориенталистике. Большой вклад в изучение истории и культуры народов Центральной Азии внесли ученые России.

Деятельность Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях (1903-1923 гг.) явилась составной частью отечественного востоковедения. С ним связаны выдающиеся востоковеды России начала XX века: В.В. Радлов, С.Ф. Ольденбург, В.В. Бартольд, В.А. Жуковский, К.Г. Залеман, Ф.И. Щербатской, В.Р. Розен, Н.И. Веселовский, С.Е. Малов, А.Н. Самойлович, В.Л. Вяткин, В.Я. Владимирцов и другие. Русский комитет дал возможность значительно расширить сферу деятельности востоковедов, позволил вести полевые исследования в малоизученных исторических центрах Центральной Азии.

Мировую известность приобрели открытые в 1889 г. Н.Я. Ядринцевым памятники рунического письма на р. Орхон.¹ Для работы по исследованию этих памятников были снаряжены две экспедиции: одна финская под руководством проф. А. Гейкеля (1890 г.), другая – Академией наук (1891 г.) во главе с академиком В.В. Радловым. Результатом путешествий явились изданные независимо друг от друга в 1892 г., альбомы с новым

описанием рунических надписей, включавшие на сей раз орхонские. В 1893 г. датский филолог В. Томсен нашел ключ к дешифровке этих текстов, установив фонетическое значение почти всех письменных знаков. В 1894 г. В.В. Радлов предложил свое чтение и перевод.

Первая специальная археологическая экспедиция, организованная Академией наук в 1898 г. в Восточный Туркестан, в частности в Турфан, под руководством Д.А. Клеменца показала, что в Центральной Азии сохранились замечательные памятники давно исчезнувших культур; во вновь открытых памятниках прослеживалось влияние индийской и переднеазиатской цивилизаций; стало ясно, что земля Восточного Туркестана таит несметные археологические сокровища, прекрасные памятники архитектуры и искусства, а также множество древних рукописей.²

Параллельно с русскими исследователями в Центральную и Восточную Азию совершают путешествия и зарубежные ученые (шведы – С. Гедин, О. Доннер и К. Мунк; англичанин А. Стейн; немцы – А. Грюнведель и А. Лекок; японец К. Отани и др.).³

Открытие экспедицией Д.А. Клеменца древнеуйгурских памятников в Восточном Туркестане, выход в свет отчета о путешествии, а также сообщение В.В. Радлова о находках Клеменцом в Турфане уйгурских и рунических памятников искусства, сделанное на XII Международном конгрессе ориенталистов в 1899 г. в Риме, – стимулировали образование международной организации по изучению соответствующих регионов Азии. На XIII конгрессе ориенталистов в Гамбурге в 1902 г. была создана Международная ассоциация по изучению Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Центральным органом ассоциации стал Русский комитет под председательством академика В.В. Радлова.⁴

Правительство России придавало большое значение образованию и деятельности Русского комитета. Он был создан

при МИДе и находился под покровительством императора. В состав комитета помимо научных учреждений вошли представители различных ведомств.

Русский комитет имел право открывать филиалы, иметь постоянных представителей и членов-корреспондентов в местах, где ведутся исследования, организовывать экспедиции, печатать протоколы заседаний, отчеты изысканий, издавать на русском и французском языках бюллетени. Кроме основного печатного органа – "ИЗВЕСТИЯ", – на правах рукописи публиковались "Протоколы заседаний".⁵

В феврале 1903 г. правительство России утвердило состав Русского комитета. В него помимо В.В. Радлова вошли по одному представителю: от Академии наук – С.Ф. Ольденбург, факультета восточных языков Петербургского университета – В.А. Жуковский, Археологической комиссии – Н.И. Веселовский, Русского географического общества – А.В. Григорьев, Русского археологического общества – В.В. Бартольд; от министерств: иностранных дел – К.К. Случевский, военного – Ф.Н. Васильев, финансов – В.Л. Котвич, народного просвещения – П.С. Попов; от императорского двора – А.А. Бобринский. Членами комитета кроме перечисленных выше востоковедов стали К.Г. Залеман, Д.А. Клеменц, П.М. Мелиоранский, Э.Э. Ухтомский, Л.Я. Штернберг, Ф.И. Щербатской. Председателями бюро Русского комитета были В.В. Радлов до 1918 г., затем С.Ф. Ольденбург, товарищами председателя – В.А. Жуковский, потом Ф.И. Щербатской, секретарями – В.В. Бартольд и Л.Я. Штернберг. В 1919 г. в состав бюро вошли А.И. Иванов, О.О. Розенберг, В.Л. Котвич, А.Д. Руднев, Э.Э. Ухтомский, А.Н. Вознесенский, А.А. Сталь-Гольштейн. Членами-корреспондентами были В.Л. Вяткин, Н.Ф. Катанов, Н.Ф. Петровский, Г.Н. Потанин, Н.П. Остроумов, Д.Н. Соколов, Н.М. Мартьянов, А.К. Кузнецов, А.Я. Миллер, Ч. Иролтуев, Н.Н. Кротков, Н.Н. Пантусов, Ю.Д. Талько-Грынцевич и другие.⁶

В уставе Русского комитета были определены его основные цели:

"Путем постоянных сношений с местными деятелями и учреждениями выяснить, какие памятники подлежат скорейшему изучению и какие народности должны быть в ближайшем будущем исследованы в лингвистическом и этнографическом отношениях и, таким образом, спасены для науки".

Своей главной задачей Русский комитет ставил "отправление экспедиций для изучения тех памятников культуры и древнейших народов Азии, которые могут пролить свет на древнейшие культурные связи между различными великими цивилизациями, и содействие всем международным экспедициям".⁷

Помимо научных целей перед Русским комитетом стояли и практические задачи. Представители различных министерств и ведомств, входившие в него, естественно, преследовали свои цели: например, их интересовала торгово-экономическая конъюнктура в регионе. Востоковеды Академии наук и университета были преимущественно заняты научными исследованиями, что нашло отражение как в отчетах Русского комитета, так и отдельных публикациях.

В первый год своей деятельности комитет имел в своем распоряжении 5 тысяч рублей. В январе 1904 г. русским правительством был утвержден "Турфанский" фонд в размере 12 тысяч рублей, затем в 1913 г. – до 100 тысяч рублей.⁸ Кроме этих правительственных ассигнований средства Русского комитета пополнялись за счет денежных пожертвований отдельных учреждений и частных лиц, а также от продажи печатных протоколов, известий и научных трудов.

Первое заседание Русского комитета состоялось 22 марта 1903 г., а последнее – 19 апреля 1919 г.

В деятельности Русского комитета закономерно выделить следующие этапы: 1) 1897 – 1902 гг. – период становления, организационного оформления; 2) 1903 – 1917 гг.; 3) 1918 – 1923 гг. Вся его деятельность – составная часть отечественного востоковедения. Достижения и слабости Русского коми-

тета отражают общие тенденции развития востоковедения в целом.

Русский комитет, получив статус руководящего научного центра, сразу же приступил к выполнению обширной программы. С 1903 по 1914 гг. было проведено 76 заседаний,⁹ на которых кроме организационных вопросов обсуждались планы, задачи, маршруты предстоящих работ, заслушивались отчеты и письма участников экспедиций, принимались решения об оказании помощи как отдельным ученым, так и "местным" комитетам Союза.

Наиболее результативным в деятельности Русского комитета оказался период с 1904 по 1914 гг. Это время ознаменовано наибольшей активностью и как руководящего центра Международной ассоциации. Русский комитет оставил заметный след в истории отечественного востоковедения организацией и финансированием многочисленных археологических и этнолого-лингвистических экспедиций в Центральную и Среднюю Азию, Сибирь и Китай. Это направление его работы резко сократилось после начала первой мировой войны.

После Октябрьской революции 1917 г. деятельность Русского комитета как центра Международного Союза свертывается. Основным объектом научных интересов комитета становятся Сибирь, Дальний Восток и Средняя Азия.

До 1919 г. Русский комитет находился в ведении Восточного отдела Народного комиссариата по иностранным делам,¹⁰ а с 29 марта того же года – при Народном комиссариате просвещения.¹¹ В 1921 г. Русский комитет, наряду с другими востоковедными организациями, вошел в Коллегию востоковедов при Азиатском музее АН.¹²

В литературе в качестве даты прекращения деятельности Русского комитета приводится обычно 1918 г. На самом деле, на основании найденных архивных материалов, Русский комитет прекратил свое существование в мае 1923 года.¹³

Основные работы Русский комитет проводил в Восточном Туркестане, Западном Китае и Средней Азии

Так, в 1909-10 и 1914-15 гг. были организованы две экспедиции под руководством одного из крупнейших знатоков буддизма, индийской культуры и искусства С.Ф. Ольденбурга, которые имели большое значение для изучения Восточного Туркестана, его истории и культуры. Были выявлены и исследованы археологические памятники, в том числе такие комплексы, как Шикшин с его наземными и пещерными сооружениями, Идикутшари, Ярхото, древние пещеры Дуньхуана; собрано большое количество рукописей, монет, археологических материалов; открыты неизвестные ранее материалы буддийской культуры, выявлены новые документы на санскрите, тохарском, древнетюркском, китайском, тибетском языках.¹⁴

Большое значение для отечественной и мировой тюркологии имели этнографо-лингвистические исследования уйгуров, проведенные С.Е. Маловым в Восточном Туркестане и Западном Китае в 1909-11 и 1913-15 гг. Малов собрал огромный и очень ценный материал по мало или совсем неизученным языкам тюркских народностей (сарыг-югурский, щира-югурский и саларский языки).¹⁵

Ученые России провели довольно систематическую работу по раскрытию "белых пятен" одного из труднодоступных регионов Центральной Азии – Тибета. В этом немалая заслуга Русского комитета – экспедиция Б.Б. Барадийна в 1905-07 гг.¹⁶ Путешествие Б.Б. Барадийна, как справедливо отметил С.Ф. Ольденбург, "одно из самых выдающихся по своим научным результатам и по богатству полученных материалов, в особенности по этнографии Тибета".¹⁷

Материалы экспедиций Д.А. Клеменца, С.Ф. Ольденбурга и С.Е. Малова позволили по-иному осветить историю и культуру народов Центральной Азии. Было положено начало новой отрасли ориенталистики – истории и филологии Центральной Азии, в частности, уйгуроведения.

Археологические работы Русского комитета в Средней Азии, а они велись при участии и непосредственном руководстве академика В.В. Бартольда, были связаны с изучением

крупнейших центров средневековой городской культуры – Самарканда, Пайкенда, Отрара. При проведении крупных археологических раскопок был принят принцип историзма. С этой целью специально изучались письменные источники, касающиеся данной эпохи, и делались попытки связать данные письменных источников с найденными археологическими материалами, дать им обобщенное толкование. Раскопки В.В. Бартольда в 1904 г. и В.Л. Вяткина в 1905 г. на городище Афрасиаб способствовали сложению более широких, чем до них, представлений о планировке домонгольского Самарканда и истории развития этого города; в ходе раскопок 1908-09 гг. В.Л. Вяткиным было сделано одно из самых замечательных археологических открытий – обнаружены руины прославленной самаркандской обсерватории Улугбека; обследование развалин Пайкенда в 1913-14 гг. Л.А. Зиминым позволили выяснить историческую топографию города.¹⁸

При поддержке Русского комитета К.Г. Залеман, а также молодые ученые А.Н. Самойлович, И.И. Зарубин и др. успешно начали изучать языки, быт и культуру тюрко и ираноязычных народов Средней Азии, в частности в Хивинском ханстве и на Памире.¹⁹

Заслуживает внимания энергичная борьба Русского комитета за сохранение ценнейших памятников Туркестана.

Русский комитет участвовал в экспедициях, организованных Археологической комиссией, Русским географическим обществом, Факультетом восточных языков (ФВЯ) Петербургского университета, своими филиалами. Комитет тесно сотрудничал с ФВЯ. Многоплановость задач, разнообразие регионов, их труднодоступность и нередко тяжелые природные условия требовали привлечения молодых востоковедов, обладавших серьезной научной подготовкой и, вместе с тем, энергией и здоровьем. Питомцы ФВЯ привлекались к работе Русского комитета (С.Е. Малов – Восточный Туркестан, А.Н. Самойлович – Средняя Азия, Б.Б. Барадийн – Тибет, Н.И. Конрад – Япония и Корея, Б.Я. Владимирцов – Монголия, Ф.Б. Му-

ромский – Джунгария, Ф.И. Шербатской – Индия и др.). Русский комитет широко практиковал научное сотрудничество ориенталистов всех поколений – от маститых академиков до студентов, чем способствовал формированию молодых востоковедов.

Комитет оказывал значительную научную и финансовую помощь научным центрам и отдельным специалистам, главным образом в Средней Азии. Он имел тесные связи с Туркестанским кружком любителей археологии и отдельными его членами (М.С. Андреев, Л.А. Зимин, И.А. Беляев, А.К. Кларк, А.А. Семенов, А.А. Черкасов, Н.П. Остроумов и др., а также с известным самаркандским туркестановедом В.Л. Вяткиным).

Одной из важных сторон деятельности Русского комитета было привлечение к исследованиям местных жителей, установление с ними контактов, использование их в качестве проводников и переводчиков во время экспедиций (Абу Саид, Саид Расул, Ахмед Табиб, К. Уйгулов и др.).

Комитет сотрудничал в Петербурге с музеем антропологии и этнографии, Азиатским музеем, Эрмитажем, Русским музеем; в Москве – с Историческим музеем. Кроме перечисленных научных организаций, Русский комитет был связан с Якутским отделом Императорского географического общества; Обществом истории, филологии и права в Ростове на Дону; военно-топографическим отделом Туркестанского военного округа; Обществом русских ориенталистов; Русским астрономическим обществом; со штабом главного азиатского отдела; Императорской миссией в Персии; а также с библиотеками и музеями ряда городов России.

Во главе с передовыми учеными России Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии старался в весьма сложных политических условиях соперничества империалистических держав на Среднем Востоке и в Центральной Азии направить силы и знания отечественных и западных ученых на осуществление востоковедческих исследовательских программ Международной ассоциации. Сотрудничество российских и

иностранных ученых в отдельных случаях принимало форму совместных экспедиций (например, экспедиция Р. Готьо и И.И. Зарубина на Памир).

Русский комитет, как центральный орган Международной ассоциации, содействовал зарубежным коллегам – представителям "филиальных" комитетов и отдельным ученым (Р. Помпелли, Г.-И. Гранэ, Ю. Месарош, Р. Готьо, Г. Юнкер, О. Доннер, Т.-В. Лехтисало и др.) – в организации их поездок как по территории России, так и по прилегающим областям зарубежной Азии.

Русский комитет последовательно выступал за бережное отношение к памятникам древней культуры, отрицательно относился к хищнической погоне за находками, которая приводила к разрушению отдельных памятников в том или ином регионе.

Материалы, собранные во время экспедиций комитета, а их более 100, послужили основой для дальнейшего изучения истории и культуры народов Средней и Центральной Азии.

Успеху всех своих начинаний Русский комитет в значительной степени обязан активной деятельности его бюро. Это, прежде всего, председатель, академик В.В. Радлов, а после его смерти, с 1918 г. – С.Ф. Ольденбург, В.В. Бартольд, В.А. Жуковский и Л.Я. Штернберг.

Василий Васильевич Радлов – организатор и бессменный председатель Международного Союза для изучения Средней и Восточной Азии и его центрального органа – Русского комитета. Ему принадлежит сама идея учреждения Международной ассоциации. При его активном участии выработаны и утверждены устав и рабочие органы Союза. Радлов вынес тяжесть долгих хлопот по организации Русского комитета в России, проведении его работ, изысканию средств для его существования. Он был не формальным, а фактическим председателем Русского комитета. Все заседания, разработка планов Русского комитета, планирование экспедиций, поездок, командировок, вплоть до последних дней жизни ученого, проходили

под его началом. "За час до кончины он еще просматривал последнюю свою работу, посвященную уйгурской рукописи, вывезенной экспедицией Комитета из Восточного Туркестана, а недели за две до смерти, несмотря на значительный упадок сил, с обычной своей настойчивостью хлопотал по разным инстанциям об увеличении средств Комитета".²⁰ За шестнадцатилетний период руководства Русским комитетом В.В. Радлов организовал ряд исследований в Средней Азии, Восточном Туркестане, Индии, Японии, на Памире и Тибете.

В.В. Радлов был руководителем и организатором многих научных, археологических, этнографических экспедиций.

В стремлении объединить отечественных и зарубежных востоковедов, сконцентрировать усилия ученых многих стран в деле изучения культуры, языков и этнографии народов этого региона, привлечь внимание местных властей и населения к историческому прошлому, к необходимости сохранить исторические и археологические памятники проявилась положительная сторона деятельности Русского комитета. Эти цели и направления в работе Комитета находили понимание и поддержку многих отечественных и зарубежных востоковедов. Они близки и созвучны нашему времени.

В.В. Бартольд писал, что "...изучение Востока сделало в России, может быть, еще более значительные успехи, чем в Западной Европе".²¹

"Ни одно ученое учреждение в Петрограде, даже из самых старых и заслуженных, за такой короткое время и при таких небольших средствах не может похвастаться подобными результатами", как Русский комитет, – писал С.Ф. Ольденбург.²² Такое положение сложилось благодаря совокупности многих факторов и, в частности, наличию в России выдающихся ученых, создавших свои школы почти во всех областях востоковедения, функционированию ряда крупнейших учебных и исследовательских востоковедных учреждений. В частности, – Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии.

- ¹ Ядрищев Н.М. Отчет и дневник путешествия по Орхону в Южный Хангай в 1889 г. – СПб., 1892.
- ² Klementz D.A. Turfan und seine Alterthümer // *Nachrichten über die von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan.* – St.-Pb., 1899. – Т. 1.
- ³ Dabbs J.A. History of the Discovery and Exploration of Chinese Turkestan // *The Central Asiatic Studies.* – The Hague, 1963. – Vol. 8.
- ⁴ Устав Международного Союза для изучения Средней и Восточной Азии // ИРКИСВА. – СПб., 1903. – № 1. – С. 7-9; Клеменц Д.А. Материалы об учреждении Международной ассоциации для изучения Средней и Восточной Азии // АВ СПб Ф ИВ РАН. – Ф. 28. – Оп. 1. – Д. 137. – Л. 1-9; Устав Русского комитета // ИРКИСВА. – СПб., 1903. – № 1. – С. 10-12.
- ⁵ ИРКИСВА. – СПб., 1903. – № 1. – С. 9.
- ⁶ Заседание Русского комитета 23 марта 1903 г. // СПб Ф Архива РАН. – Ф. 148. – Оп. 1. – Ед.хр. 6. – Л. 6-11; ИРКИСВА. – СПб., 1903. – № 1. – С. 23-24.
- ⁷ Устав Русского комитета // ИРКИСВА. – СПб., 1903. – № 1. – С. 10.
- ⁸ ИРКИСВА. – СПб., 1904. – № 3. – С. 2.
- ⁹ Книга для протоколов при заседании Бюро Русского комитета // СПб Ф Архива РАН. – Ф. 148. – Оп. 1. – Ед.хр. 26. – Л. 1-8.
- ¹⁰ Письмо в Русский комитет от Народного комиссариата иностранных дел. Восточный отдел. 1.1X.1918 г. // СПб Ф Архива РАН. – Ф. 148. – Оп. 1. – Ед.хр. 97. – Л. 4-77.
- ¹¹ Письмо в Русский комитет от Народного комиссариата иностранных дел. Восточный отдел. 29. III. 1919 г. // СПб Ф Архива РАН. – Ф. 148. – Ед.хр. 105. – Л. 9-10.
- ¹² Документы к отчету АН за 1921 г. // СПб Ф Архива РАН. – Ф. 2. – Оп. 1 – 1921. Д. 10. – Л. 275-276; Список учреждений, выразивших желание вступить в объединение с Академией истории материальной культуры // СПб Ф Архива РАН. – Ф. 148. – Оп. 1. – Ед.хр. 108. – Л. 17.
- ¹³ СПб Ф Архива РАН. – Ф. 148. – Оп. 1. – Ед.хр. – 108. – Л. 26; Там же. – Ф. 148. – Оп. 1. – Ед.хр. 3. – Л. 8; Там же. – Ед.хр. 72. – Л. 1-76.
- ¹⁴ ИРКИСВА. – СПб., 1912. – сер. 2. – № 1. – С. 22, 34-36; Ольденбург С.Ф. Разведочная археологическая экспедиция в Китайский Туркестан в 1909-1910 гг. // ЗВОРАО. – СПб., 1911-1912. – Т. 21; Он же. Русская Туркестанская экспедиция 1909-1910 г. Краткий предварительный отчет с 53 таблицами, 1 планом вне текста и 73 рисунками и планами в тексте по фотографиям и рисункам художника С.М. Дудина и планами инженера Д.А. Смирнова. – СПб., 1914; Он же. Искусство в пустыне // "30 дней". – Л., 1925.

- ¹⁵ Малов С.Е. Отчет о командировке студента Восточного факультета С.Е. Малова // ИРКИСВА. – СПб., 1909. – № 9. – С. 35-46; Он же. Отчет о путешествии к уйгурам и саларам // Там же. – СПб., 1912. – Сер. 2. – № 1. – С. 94-99; Он же. Отчет о втором путешествии к уйгурам // Там же. – Сер. 2. – № 3. – С. 85-88.
- ¹⁶ Ольденбург С.Ф. Краткий отчет о командировке Бадзара Барадиевича Барадийна в 1905-1907 // ИРКИСВА. – СПб., – 1908. – № 8. – С. 17-21.
- ¹⁷ Журнал заседания Совета Русского географического общества от 25 января 1908 г. // ИРГО. – СПб., 1908. – Т. 49. – Вып. 5. – С. 19.
- ¹⁸ Бартольд В.В. Отчет о поездке в Самарканд летом 1904 г. командированного Русским комитетом проф. В.В. Бартольда // ИРКИСВА. – СПб., 1904. – № 4. – С. 21-24; Вяткин В.Л. Отчет о раскопках на Афросиабе в 1905 году // Там же. – 1908. – № 8. – С. 22-36; Он же. Отчет о раскопках обсерватории Мирзы Улугбека в 1908 и 1909 гг. // Там же. – 1912. – сер. 2. – № 1. – С. 76-93; Зимин Л.А. Развалины старого Пайкенда // ПТКЛА. – Ташкент, 1913. – Год 17. – Вып. 2. – С. 59-89; Он же. Отчет о весенних раскопках в развалинах старого Пайкенда // Там же. – Ташкент, 1915. – Год 19. – Вып. 2. – С. 63-88; Он же. Отчет о летних раскопках в развалинах старого Пайкенда // Там же. – С. 89-131.
- ¹⁹ Залеман К.Г. Отчет о поездке в Туркестан летом 1908 г. // ИРКИСВА, – СПб., 1909. – № 9. – С. 12-14; Самойлович А.Н. Краткий отчет о поездке в Ташкент, Бухару и Хивинское ханство, командированного СПб. Университетом и Русским комитетом приват-доцента А.Н. Самойловича в 1908 г. // Там же. – С. 15-29; Готье Р., Зарубин И.И. Отчет профессора Р. Готье и И.И. Зарубина по командировке на Патюр летом 1914 // Там же. – 1914. – Сер. 2. – № 3. – С. 78-84.
- ²⁰ Заседание Русского комитета 29/16 марта 1918 г. // СПб Ф Архива РАН. – Ф. 148. – Оп. 1. – Ед.хр. 97. – Л. 51.
- ²¹ Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России // Сочинения. – М., 1977. – Т. 9. – С. 418.
- ²² Ольденбург С.Ф. Записка о целях, планах и итогах экспедиции: Переписка // СПб Ф Архива РАН. – Ф. 208. – Оп. 1. – Д. 188. – Л. 168.

А.Г. Салихов
Институт истории, языка и литературы
Уфимский научный центр РАН

**Роль академика В.В. Бартольда
в становлении научного мировоззрения
Ахметзаки Валидова**

В научном становлении Ахметзаки Ахметшаховича Валидова сыграли роль многие известные российские ученые. Одним из них является академик Василий Владимирович Бартольд (1869-1930). Еще в дореволюционный период между ними установились теплые, хорошие отношения. Начинаящий исследователь проявил большой интерес к научным достижениям всемирно известного востоковеда.

В.В. Бартольд родился в 1869 году в Санкт-Петербурге. В 1891 году окончил факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета, в котором преподавали знаменитые российские востоковеды: Мелиоранский, В.В. Радлов, Н.И. Веселовский, барон Виктор де Розен. В 1891-92 годах за собственный счет посетил известные научные центры Западной Европы. Здесь он получил уроки востоковедов А. Мюллера, Э. Мейера, Т. Нельдеке, Г. Хюбшмана.

По возвращению в Санкт-Петербург, В.В. Бартольд был принят в университет для подготовки к профессорскому званию на кафедре истории Востока.

В 1900 г. за труд «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», представленный на соискание степени магистра, ему была присуждена степень доктора истории Востока. В 1896 г.

он стал приват-доцентом Петербургского университета. В 1901 г. был назначен экстраординарным, а через пять лет ординарным профессором. В 1910 г. его избрали членом-корреспондентом, а через три года ординарным академиком по литературе и истории азиатских народов. В 1917 г. он стал членом Российской Академии наук. В.В. Бартольд много публиковался, а также активно участвовал в научной и организационной работе востоковедческих учреждений. Обширные знания фактического материала и ряда восточных языков позволили ему создать большое число научных трудов в областях истории народов и государств Центральной и Средней Азии. Он получил мировое признание и оказал большое влияние на научное формирование А. Валидова.

В 1913 году в №№ 1124-1125 газеты «Вакыт», издававшейся в Оренбурге, вышла статья А. Валидова «В связи с пребыванием среди нас профессора Бартольда». Она была написана им в связи с посещением В.В. Бартольдом Башкирии.

Академик В.В. Бартольд посетил Уфу и Стерлибашево, где присутствовал на пятничном богослужении. Он познакомился со Стерлибашевским медресе, основанным в 1720 г. Это мусульманское учебное заведение сыграло большую роль в духовной и общественной жизни башкир. К концу XIX века медресе размещалось в шестнадцати больших зданиях. По переписи 1897 года почти каждым четвертым жителем села Стерлибашево был шакирд.¹ На основе своих впечатлений В.В. Бартольд написал статью о Стерлибашевском медресе. В ней он, опираясь на данные депутата Государственной Думы 1-3 созывов Мухамед-Шакира Тукаева, описал ее, привел исторические сведения и назвал ее «одним из живых центров мусульманской науки в России».² Он также проявил большой интерес к ее библиотеке. Газета «Вакыт» сообщила, что В.В. Бартольд «порывшись в библиотеке Стерлибашевского медресе, внимательно и с наслаждением просмотрел рукописные книги, написанные 100-300, даже 500 лет назад».³

В статье А. Валидов очень хорошо отзывался о востоковедческой деятельности В.В. Бартольда, который за короткие сроки своего пребывания среди мусульманских народов успевал «залатать какую-нибудь проблему востоковедения».⁴ Он не знал о цели приезда ученого. Однако у него появилась надежда, что «наши края попадут под научные исследования».⁵ Молодой исследователь сетует на слабую изученность Уралоповолжских тюркских народов в историческом, этнографическом и лингвистическом плане. По его мнению, европейские ученые, приезжающие в эти края для исследований, видят лишь внешние стороны их жизни. Они не изучают культуру башкир, мишарей, татар изнутри. Также не изучается их история древних веков и фольклор. Поэтому приезд известного востоковеда породило у него мысль, что, наконец, ученые обратят свои взоры на уралоповолжские народы. «Когда я услышал, что господин Бартольд собирается посещать Оренбургские, Sterлитамакские и Уфимские края, – пишет он, – у меня невольно возникла мысль, что наконец-то до здешних краев дошли научные исследования».⁶

В.В. Бартольд был специалистом по истории Средней Азии. А. Валидову понравились его объективные научные исследования. Высоко оценивая его востоковедческую деятельность, он написал, что если бы он начал изучать историю Урало-Поволжья, то «это было бы счастьем для нашей истории».⁷

По мнению А. Валидова, в России очень мало ученых, подобных В.В. Бартольду, Г.Н. Потанину, Н.М. Ядринцеву, Н.Н. Пантусову, В.В. Радлову, Ф.Е. Коршу. Он пишет, что если бы увеличилось количество таких исследователей, то история тюркских народов освободилась бы из рук плохих писателей, журналов и миссионеров.

А. Валидов дал в статье общий обзор многим произведениям В.В. Бартольда. Он дал высокую оценку его работе «Туркестан в эпоху монгольского завоевания», за которую ученый получил звание профессора по истории Востока.

А. Валидов так оценил ее: «Настольная книга для занимающихся историей тюрков, не прочитав которую, нельзя приступить к изучению тюркской истории».⁸

Такую же высокую оценку он дал работе В.В. Бартольда «История изучения Востока в Европе и России»: «Труд, которым должны постоянно пользоваться, занимающиеся нашей историей».⁹

А. Валидов выразил неудовлетворение состоянием изучения истории, этнографии и языка Урало-Поволжских тюркских народов. Он хотел, чтобы исследованием данного региона занимались ученые, с объективным мировоззрением, подобные В.В. Бартольду.

В 1913-14 гг. А. Валидов совершил две экспедиции по Средней Азии для изучения древних восточных рукописей. Перед первой командировкой он написал прошение в Общество истории, этнографии и археологии при Казанском университете, при обосновании которого говорится, что сведения В.В. Бартольда о том, что в Средней Азии не осталось ценных рукописей, по моим сведениям, не верно. Предположение молодого ученого оказались верным. Впоследствии В.В. Бартольд изменил свое мнение по данному вопросу.

Отчеты А. Валидова о результатах экспедиций после редактирования В.В. Бартольдом были опубликованы в Санкт-Петербурге в «Записках Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества».

Известно, что именитый ученый и начинающий исследователь переписывались с дореволюционного периода. Это находит документальное подтверждение. Например, во время первой командировки в Среднюю Азию А. Валидов остановился в Оренбурге, где встретился с редактором журнала «Шура» Ризаитдином Фахретдиновым, который подарил ему рукопись «Чингиз-наме». По приезду в Чили, местечко в Средней Азии, он пишет письмо Р. Фахретдинову, в котором сообщает: «Уважаемый хазрет! После проведенного исследования я установил, что книга, данная Вами, называется «Гибадат-аль Ах-

бар», автором которой является Хаджи Габдулгаффар. О ней имеются сведения в «Тальфик»е. Я установил это после сравнения с книгами, переведенными господином Муратом. Эта книга имеется также в Ташкентской публичной библиотеке. Бартольд в своем отчете называет ее «Чингиз-наме» и сообщает, что ее автором является Утемиш Хаджи из Хурджума, посвятивший свое сочинение хану Ильбарсу. Так написано в ташкентском экземпляре. Наш экземпляр не имеет начала. Однако копия, увиденная Бартольдом, не имеет конца. Это очень прекрасное совпадение. Даст бог, я сообщу об этом Бартольду».¹⁰ Это письмо интересно тем, что в ней говорится о желании А. Валидова вступить в контакт с В.В. Бартольдом.

В работе А. Валидова «Лутфи и его диван» сообщается, что он написал письмо В.В. Бартольду, в котором спросил его о наличии одной касыды в экземпляре рукописи произведений Лутфи, хранившейся в Азиатском музее. Там же приведен полученный ответ от 17 октября 1914 года, в котором было написано, что упомянутая касыда содержится в данном сборнике на страницах 53А-53В после хамд-и салавата.¹¹

В «Воспоминаниях» А. Валидов пишет о своих хороших отношениях с В.В. Бартольдом. Он познакомился с ним в Петербурге, куда он прибыл после первой экспедиции в Среднюю Азию. В.В. Бартольд познакомил его с известными востоковедами. Молодой ориенталист стал принимать участие в востоковедческих собраниях и работе «Радловского кружка», собиравшемся еженедельно в Императорском Русском археологическом обществе, или в Императорском Русском географическом обществе, или же дома у В.В. Радлова.¹² На одном из собраний он, по совету В.В. Бартольда, сделал сообщение о плане своей будущей научно-исследовательской работы.

Во время Первой мировой войны В.В. Бартольд предпринял попытку помочь А. Валидову освободиться от воинской службы. Для этого он хотел устроить А. Валидова в качестве преподавателя в школу восточных языков. Однако это не получилось. Поэтому А. Валидов по его совету поехал в Казань и

сдал экзамены на звание учителя в инородческих школах. Впоследствии это освободило его от воинской службы.¹³

В.В. Бартольд хотел также помочь А. Валидову поступить на факультет восточных языков Петербургского университета и привлечь к работе Международного комитета по изучению Средней Азии, а также послать учиться в страны Западной Европы для изучения мусульманских источников. Однако данный его план не осуществился из-за начавшейся войны.¹⁴

По воспоминаниям А. Валидова, в годы гражданской войны во время пребывания башкирских войск в Петрограде, он оказал продовольственную помощь многим известным востоковедам, в том числе В.В. Бартольду.¹⁵

После эмиграции А. Валидов хотел продолжить свои хорошие отношения с В.В. Бартольдом. Об этом мы узнаем из его письма, написанного 12 апреля 1924 года, на имя Полномочного представителя СССР в Берлине Н.Н. Крестинского. В письме он просит разрешить выехать из Советского Союза своей жене Нафисе вместе с ребенком. Как видно, тогда еще А. Валидов не знал о смерти сына. В письме также содержится просьба разрешить взять с собой его личную научную библиотеку и вести переписку с родственниками, оставшимися в Башкирии.

Данная просьба А. Валидова также представляет большой интерес. Известна его просьба разрешить переписку с некоторыми ведущими учеными России и научными учреждениями. Он пишет: «Вся бывшая дореволюционная моя научная деятельность была слишком связана с работой русских ученых кругов – ориенталистов и мне очень необходимо войти в связь с научными работниками в России, переписываться и обмениваться книгами в Ленинграде: 1) с академиком Бартольдом, 2) профессором Самойловичем, 3) в Москве с профессором Гордлевским, 4) в Ташкенте с профессором Шмидтом и 5) Абубакиром Диваевым, Казанской, Оренбургской и Ташкентской научными комиссиями Наркомпроса.

Узнав из газет, что были случаи ареста людей, подозреваемых в переписке со мною, должен обратиться с настоящей просьбой, чтобы Российское правительство разрешило мне войти в чисто книжную связь с означенными лицами и не подозревало бы их в какой-либо политической связи со мной, так как оно (Российское Советское правительство) даже и теперь продолжает не верить искренности моего заявления о том, что я теперь не имею никакого отношения к деятельности той или другой политической группы внутри России». ¹⁶

В 1926 году академик В.В. Бартольд, по просьбе правительства Турецкой республики, написал работу по истории среднеазиатских тюркских народов, состоявшую из двенадцати лекций. Кроме этого, он был командирован в Турцию, где прочитал эти лекции в Тюркологическом институте Стамбульского университета. От его имени эти лекции зачитал молодой турецкий тюрколог Рагиб Хулуси. Часть лекций В.В. Бартольда перевел на турецкий язык А. Валидов, а другую часть – Р. Хулуси. В 1927 году они были опубликованы в Стамбуле. Во время командировки В.В. Бартольд встречался с А. Валидовым.

В 1963-1977 годах в Москве вышли сочинения В.В. Бартольда в девяти томах, в которую были также включены «Двенадцать лекций по истории народов Средней Азии», русскоязычная рукопись которой была получена от профессора Стамбульского университета Ахметзаки Валиди Тогана.

Кроме этого, А. Валидов написал рецензию на немецкий перевод данного произведения В.В. Бартольда, опубликованный в 1937 году Т. Менцелем.

В июле 1932 года в Турции состоялся Первый конгресс Турецкого исторического общества, на котором решались важные методологические вопросы турецкой истории. Конгресс проходил под покровительством главы Турецкого государства – Ататюрка. На нем надлежало решить проблему официальной истории. Ататюрк хотел дать научное обоснование существованию в догреческой Анатолии тюркского населения. Одним из актуальных вопросов, рассмотренных на конгрессе,

был вопрос об опустынивании Средней Азии. По этому вопросу выступил А. Валидов. Он не согласился с новой официальной исторической теории, утверждавшей, что в Средней Азии произошло опустынивание. По данным ученого, это было не верно. Для доказательства своих взглядов он использовал, в частности, труды В.В. Бартольда. В связи с этим В.В. Бартольд подвергся критике. Доктор Рашид Галиб выразил даже сожаление по поводу того, что ученый посетил Турцию, выступил с лекциями в Стамбульском университете и опубликовал в Турции свои труды. А один из преподавателей прокричал с места, что он является «типичным врагом тюрков».¹⁷

В 1939 году А. Валидов опубликовал книгу «Путевые заметки Ибн Фадлана», которую посвятил «своему учителю и другу В.В. Бартольду».¹⁸

В свою очередь, В.В. Бартольд в книге «Туркестан до монгольского завоевания» сослался на сведения, полученные им от «друга А. Валиди».¹⁹

Будучи учеными, они относились к трудам друг друга с точки зрения объективной критики. Они подвергали открытой критике обнаруженные ошибки. Так, например, мнение В.В. Бартольда о том, что тюрки не были коренным населением Туркестана, вызвала возражение А. Валидова. Он писал об этом в статье «Новые произведения о Востоке».²⁰ Критика была достаточно резкой. В.В. Бартольд написал ответ, опубликованный в газете «Вакыт». Он писал: «В этой речи я писал о татарских редакторах, которые стараются доказать, что Туркестан является прародиной тюрков. Хотя уже давно в русской и западноевропейской (особенно немецкой) историографии принято, что коренным народом Туркестана были иранцы, и что тюркизация началась с VI века нашей эры. Я также говорил о прошлом. Она несколько не имеет отношения к будущему. В моей статье нет ни одного слова «об изгнании тюрков из Туркестана». Наоборот, во всяком случае, будущее Туркестана я связываю с тюрками. Вся история Туркестана связана с его постепенной тюркизацией. Это явление не остановилось после

вхождения Туркестана в состав России, даже, наоборот, по сравнению с прошлым усилилась... Противостояние этому явлению не даст пользы. Я не хочу, чтобы обо мне писали то, чего я никогда не говорил о тюркской нации. Для меня это важно».²¹

В самом начале эмиграции в 1923 году А. Валидов прибыл в иранский город Мешхед, где в течении трех дней занимался изучением библиотеки Рауза-и имам Риза, которое не имело тогда систематического каталога. В Мешхеде до него побывали в 1858 году Ханыков, а в 1919 году – В.А. Иванов, которые занимались изучением этой библиотеки. Однако, как установил А. Валидов, упомянутым ориенталистам не удалось лично побывать в самой библиотеке.²² В библиотеке А. Валидов занимался изучением рукописи, которая упоминалась прежними исследователями. В ней содержались сочинения Ибн уль-Факиха, Абу-Дулефа и Ибн-Фадлана.²³ Таким образом, ему удалось заново открыть сочинение Ибн-Фадлана, до того известное востоковедам через цитирования Якута. Изучив текст, он пишет: «Мне стало ясно, что вопреки предположениям В.В. Бартольда, мнение барона Розена, что «Якут единственный известный писатель, который видел и читал всю книгу Ибн Фадлана, совершенно правильно».²⁴

Здесь очень важно подчеркнуть, что замечания в адрес В.В. Бартольда были переданы в печать самим Бартольдом. Статья А. Валидова «Мешхедская рукопись Ибну-ль Факиха» была представлена академиком В.В. Бартольдом на заседании Отделения исторических наук и филологии, прошедшем 24 июля 1924 года.²⁵ Это – еще один пример дружбы и непредвзятых отношений между двумя великими учеными.

В 1937 году немецкий профессор П. Каале писал: «В настоящее время во всем мире после смерти русского профессора Бартольда в Ленинграде профессор Заки Валиди с его превосходными знаниями по истории и географии Центральной Азии вполне определенно является живым корифеем в этой области».²⁶

О завершении этапа истории русского востоковедения, связанного с именами В.В. Бартольда и А.З. Валидова, немецкий профессор Карл Ян высказал следующее: «Русская школа историков XIX – начала XX века перестала существовать, ибо вслед за В. Бартольдом и В. Минорским ушел теперь и Заки Валиди Тоган».²⁷

-
- ¹ Харисов А.И. Литературное наследие башкирского народа (XVIII-XIX века). – Уфа, 1973. – С. 237. По оценке историка М.Н. Фархшатова, количество зданий медресе в 60-х годах XIX века достигло двадцати пяти.
- ² Бартольд В.В. Стерлибашевское медресе // *СПб Ф Архива РАН.* – Ф. 68. – Оп. 1. – Д. 379. – Л. 1. Статья не окончена. Цит. по: Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период 60-90-е годы XIX в. – М., 1994. – С. 59.
- ³ Вакыт. 1913. 9 июня. Цит. по: Харисов А.И. Литературное наследие башкирского народа. – С. 300.
- ⁴ Вәлиди Э. Профессор Бартольдның безнең арабызда булгуы мөнәсәбәте илә // *Вакыт.* – 1915, 13 июня
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Вәлиди Э. Мөхәрирнең кәнди исеменә язылған бер мәктүб // *Шура.* – 1913. – № 23. – Тышлыктың 2-3 биттәре.
- ¹¹ Вәлиди Э. Лотфи вә аның диваны // *Казан.* – 1914. – 19 бит.
- ¹² Тоган З.В. Воспоминания. – Уфа, 1994. – Ч.1. – С. 142-154.
- ¹³ Там же. – С. 155-156.
- ¹⁴ Там же. – С. 142.
- ¹⁵ Там же. – С. 318.
- ¹⁶ Тоган А.В. Не считите за пророчество. – Уфа, 1998. – С. 143.
- ¹⁷ Байкара Тунджер Заки Валиди Тоган. – Уфа, 1998. – С. 29-34.
- ¹⁸ Velidi Z. Ibn Fadlan's Reisebericht. – Leipzig, 1939. – S. XLIX + 336 + 46
- ¹⁹ Barthold V.V. Mogol Istilasina Kadar Turkistan. Haz. Hakki Dursun Yildiz. – Ankara, 1990. – S. 17.
- ²⁰ Вәлиди Э. Шәрәккә ғәйд яңы әсәрләр // *Шура.* – 1914. – № 20. – 638 бит.
- ²¹ Бартольд В. Мөстәшһрик Бартольд тарафынан // *Вакыт.* – 1915. – № 1782.

-
- ²² **Валидов А.-З.** Мешхедская рукопись Ибну-ль Факиха // *Известия Российской Академии наук.* – 1924. – С. 240.
- ²³ Там же. – С.243.
- ²⁴ Там же. – С. 237.
- ²⁵ Там же. – С. 237.
- ²⁶ **Фархшатов М.Н.** Повороты судьбы Заки Валиди: Немецкие архивные документы о жизнедеятельности башкирского ученого-эмигранта в Германии // *Якяр.* 1999. № 1. С. 108.
- ²⁷ **Ахмед Заки Валиди Туган.** Материалы к изучению жизни и творчества. – Уфа. 1990. – С. 14.

В.К. Шивлянова.
Санкт-Петербургский филиал
Института востоковедения РАН

А.В. Бурдуков - собиратель "Джангара" и калмыцкого музыкального фольклора

Характеризуя период жизни видного монголоведа А.В. Бурдукова (1883-1943) в Монголии до 1927 года, его дочь, Т.А. Бурдукова, писала: "Общение А.В. Бурдукова с учеными-монголоведами способствовало тому, что он из коллекционера постепенно превращался в исследователя, знатока языковых, этнографических, географических и исторических материалов, необходимых для развития теоретического монголоведения".¹

Глубокое знание языка, этнографии, традиционной культуры западных монголов, которое А.В. Бурдуков целенаправленно постигал в течение долгих лет своей коммерческой деятельности в Монголии (с 1895 по 1925 гг.), явилось надежной базой для его будущей педагогической работы в Ленинградском Восточном институте и Ленинградском Государственном университете. Будучи с 1927 г. преподавателем монгольского разговорного языка, этнографии Монголии, А.В. Бурдуков заведовал монгольским кабинетом, активно участвовал в организации практики студентов в Монголии. Много внимания он уделял студентам монголам, бурятам, тувинцам, калмыкам, учил их переводить с монгольского на русский и наоборот, письменному монгольскому языку.

Преподавательскую работу А.В. Бурдуков успешно сочетал с экспедиционной. Поскольку он хорошо знал ойратов

Западной Монголии, маршруты его полевых работ по сбору фольклорных, лингвистических и этнографических материалов были связаны с изучением ойратских этнических групп, проживающих в СССР. Так, в 1929 году по поручению Монгольской комиссии АН СССР А.В. Бурдуков совершил экспедицию к каракольским калмыкам. Результаты ее отражены в статье, помещенной в журнале "Советская Этнография", 1935, №6, с.47-79.

Летом 1932 года ученый был в Калмыцком районе Северо-Кавказского края, а также в Калмыцкой автономной области, где знакомился с опытом колхозного строительства и деятельностью научно-исследовательских организаций.²

В 1934 г. А.В. Бурдуков командирован Ленинградским восточным институтом к волжско-донским калмыкам с целью собирания фольклора, изучения быта и хозяйства. А в 1935 г, он ездил в Приморский район Калмыцкой АССР (название района приводится здесь по состоянию административно-территориального деления республики на 1935 г.) для ознакомления с работой рыбной промышленности, попутно собирая фольклорный и статистический материал.

Последний раз А.В. Бурдуков посетил Калмыкию в 1939 году с 18 июля по 6 августа. В составе экспедиции, возглавляемой им, работала музыковед Ф.Н. Гоухберг, м.н.с. Отдела фольклора Института русской литературы АН СССР.

Поскольку целью данной экспедиции являлся сбор фольклорного материала для очередного выпуска серии "Песни народов СССР", посвященного калмыцкому фольклору, перед ее участниками ставились следующие задачи, сформулированные А.В. Бурдуковым: изучение различных жанров и исторических слоев калмыцких народных песен и инструментальной культуры, собирание и запись на фонограф лучших образцов этих жанров, выявление лучших мастеров-исполнителей.

Экспедиция работала в нескольких районах Калмыкии и в Калмыцком районе Ростовской области и стала самой ре-

зультативной за всю историю собирательской работы российских ученых и путешественников первой половины XX века. А.В. Бурдуков вместе с Ф.Н. Гоухберг записали 103 фольклорных образца, из них 70 – это записи песен, а 33 – инструментальной музыки. Среди них представлены образцы фольклора как исторически более ранние, так и поздние. Имеются в виду старинные протяжные песни, которые А.В. Бурдуков охарактеризовал как примеры старомонгольской традиции протяжной песни – уртын дуу, а также более поздние, которые появились у калмыков уже после ухода из Центральной Азии. Это, в основном, лирические песни, записанные у волжских калмыков.

Особое место среди звукозаписей, произведенных А.В. Бурдуковым, занимает "Джангар". Сам ученый понимал, насколько важно было записать живое исполнение калмыцкого героического эпоса. Образцы напевов "Джангара" записаны участниками экспедиции на фонографе одновременно с записью текста. Именно благодаря такой работе стала возможной расшифровка напевного исполнения "Джангара", которую осуществила Ф.Н. Гоухберг. В ходе этой экспедиции были записаны два образца исполнения эпоса – от Марии Лялиной, уроженки ст. Кутейниковская Ростовской области (44-х лет) и от Давы Чукиновича Шавалиева, проживавшего в с.Адык Черноземельского района Калмыцкой АССР (46 лет). Если первое имя мало знакомо, то второе известно с тех пор во всей Калмыкии. Дава Шавалиев, в дни празднования 500-летия "Джангара" в 1940 году, был признан одним из лучших исполнителей героического эпоса, знатоком старинных народных песен, пословиц, благопожеланий, легенд, преданий и др. Его тогда же приняли в Союз писателей СССР. От Д. Шавалиева в 1939 г. А.В. Бурдуковым был полностью записан весь известный рапсоду текст "Джангара". Его рукопись вместе с переводом А.В. Бурдукова на русский язык хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Все фонографические записи и нотировки песен, произведенные А.В.

Бурдуковым и Ф.Н. Гоухберг хранятся в фонограммархиве того же института.

А.В. Бурдуков видел некоторое сходство напевов Давы Шавалиева и другого известного ойратского, а точнее баитского, сказителя Парчена, которого ему довелось слышать еще в конце прошлого века. В 1910 г, по просьбе А.В. Бурдукова, писарь Мажиром записал старомонгольским письмом со слов Парчена несколько ойратских эпоей (их рукописи хранятся в Архиве востоковедов в г. Санкт-Петербурге). То, что напев Д. Шавалиева имел некоторое сходство с напевом Парчена, ученый считал очень важным фактом, свидетельствующим о типологическом и генетическом родстве исполнительских традиций западно-монгольского и калмыцкого эпоса.

Половину из записанных в 1939 году в Калмыкии песен составляют старинные протяжные песни – ут дуд. А.В. Бурдуков характеризует их как лирические и классифицирует только по тематическому принципу. В отчете об экспедиции он приводит свою классификацию протяжных песен:

- лирические песни о природе, связанные с кочевьями;
- семейно-бытовые песни (тема укрепления семейно-родовых связей, дружбы, любви к родным, почитания родных и старших по возрасту, тяжести одинокого существования вдали от родных кочевий, тоски по родным местам женщины, выданной замуж в далекие кочевья);
- лирические песни, тематику которых составляют отдельные исторические события, связанные с ними военные подвиги;
- любовные песни.

Основной поэтический образ этих песен, по мнению А.В. Бурдукова, связан с кочевым бытом. Поэтому в них неслучайно важное место занимает тонкое описание лошади.

Другую часть песен собиратель относит к более поздним, появившимся у калмыков после их прихода в степи Нижнего Поволжья и Предкавказья. Эти песни, по мнению А.В. Бурдукова, в значительной степени испытали влияние фольк-

лора соседних народов, а именно русских, татар, ногайцев, черкесов. Влияние культуры этих народов распространяется, по словам ученого, не только на мотивы песен, манеру пения, темп и характер танцев, но и на выбор музыкальных инструментов. Так, наряду с протяжными песнями, медленными народными танцами появляются песни под домбру, похожие на русские частушки, экспрессивные танцы в быстром темпе, не уступающие по темпераменту кавказским. Среди поздних песен встречаются различные по тематике образцы – от лирических до песен шуточного, сатирического содержания, отражающих современную эпоху.

Треть записанного материала составляют инструментальные наигрыши. Это наигрыши на скрипке, бишкюре (камышовой продольной флейте), уже переставшем бытовать у калмыков, домбре и саратовской гармонике. Особый интерес представляют стадияльно архаические звериные и птичьи танцы, исполняемые на домбре: "Танец журавля", "Танец зайца", "Танец козла". А.В. Бурдуков их сфотографировал. Вместе с рукописями песен эти фотографии хранятся в Фонограммархиве ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН.

Собиратель был убежден, что домбра заменила калмыкам товшур – старинный ойратский двухструнный инструмент с волосяными струнами. В оставшейся неопубликованной статье о калмыцком фольклоре он пишет, что домбра близка по форме кавказским, среднеазиатским струнным щипковым инструментам с кишечными струнами. Европейская скрипка, как считает А.В. Бурдуков, заменила калмыкам старинный инструмент – икиль, до сих пор распространенный у западных монголов и синьцзянских калмыков. Появление у калмыков саратовской гармоники ученым объясняется территориальной близостью калмыцких кочевий, особенно во время летних перекочевок, к производственному центру – Саратову. Игра на саратовской гармонике более всего популярна среди волжских калмыков, которые тесно контактировали с русским населением

Нижнего Поволжья. На наш взгляд, этот инструмент пришел на смену традиционному монгольскому инструменту – ятхе.

Репертуар исполнителей на домбре и саратовской гармонике сильно отличается от репертуара исполнителей на бишкюре и скрипке. Если на первых двух инструментах исполняется танцевальная музыка, то на двух других – напевы лирических песен, главным образом, протяжных. Значение записей инструментальной музыки невозможно переоценить. Одно то, что бишкюр уже перестал встречаться в музыкальном быту калмыков, делает эти звукозаписи 1939 года уникальными.

Вклад А.В. Бурдукова в изучение калмыцкого фольклора и эпоса "Джангар" огромен. После Номто Очирова, записавшего на фонографе в 1908-1909 гг. от знаменитого джангарчи Ээлян Овла "Джангар" и некоторые из народных песен, А.В. Бурдукову удалось осуществить комплексную экспедицию в Калмыкию и собрать ценнейший фольклорный материал, обработать его, осуществить подстрочные переводы многих песен на русский язык, снабдить их комментариями, переложить на ноты, попытаться систематизировать его, сделать набросок статьи о калмыцком фольклоре. Материалы этой экспедиции уже несколько лет находятся в поле моих научных интересов. Почти полностью они включены мною в подготовленный к публикации Сводный том "Музыкальный фольклор калмыков". Актуальность и целесообразность публикации архивных рукописных материалов, выполненных А.В. Бурдуковым совместно с Ф.Н. Гоухберг, определяется стремлением довести до конца начатое в 1939 году дело по изданию тома серии "Песни народов СССР", посвященного калмыцкому музыкальному фольклору, и тем самым расширить источниковедческую базу востоковедческих исследований.

¹ Цит. по: Бурдуков А.В. В старой и новой Монголии: Воспоминания. Письма. – М., 1969. – С. 12

² Бурдуков А.В. Поездка к калмыкам // *Вестник АН СССР*. – 1932. – № 11. – С. 65-66.

Сокращения

- АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи
- АВ СПб Ф ИВ РАН – Архив востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН
- ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры
- ЗВОРАО – Записки Восточного отделения Русского археологического общества
- ИАН – Императорская Академия наук
- ИОАИЭ – Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
- ИРГО – Известия Русского географического общества
- ИРГО – Императорское Русское географическое общество
- ИРКИСВА – Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии
- ИФО – Историко-филологическое отделение
- НАРТ – Национальный архив Республики Татарстан
- ОАИЭ – Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете
- ПТКЛА – Протоколы заседаний Туркестанского кружка любителей археологии
- РАИМК – Российская Академия истории материальной культуры
- РГА ВМФ – Российский государственный архив Военно-морского флота
- РГИА – Российский государственный исторический архив
- РКИСВА – Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии
- СПб Ф Архива РАН – Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

**ФВЯ – Факультет восточных языков Санкт-Петербургского
университета,**

ЭО – Этнографический отдел Русского музея

Научное издание

**Бюллетень Общества востоковедов
Выпуск 7**

**Материалы конференции
"Традиция гуманитарно-естественного
восточного краеведения в России
(к столетию Русского Императорского Общества востоковедов)"
Санкт-Петербург 15-17 марта 2000 г.**

Утверждено к печати Институтом востоковедения РАН

ИД № 04697 от 28 апреля 2001 г.

Сдано в набор 12.07.2002. Подписано к печати 26.07.2002.

Формат 60х90 ¹/₁₆. Печать офсетная.

Бумага офсетная. Усл. п. л. 11.0. Уч.-изд. л. 11.5.

Тираж 500 экз. Заказ № 59

**Институт востоковедения РАН
103031 Москва, ГСП, ул. Рождественка, 12**

**Научно-издательский отдел
Заведующий отделом Ю.В. Чудодеев**

**Отпечатано в типографии ИНИОН РАН
121019 Москва, ул. Знаменка, 11**